

« 19 марта 1814 года — особый день в истории России. В этот день император Александр 1 с барабанным боем и развернутыми знаменами вошел победителем в Париж. Европа, наконец, вздохнула свободно, а отрекшийся от престола Наполеон Бонапарт оказался в изгнании на острове Эльба... Падение Парижа изменило лицо Европы, и в течение почти сорока лет Россия играла ведущую роль в европейской политике».

Денис **Логинов** «Бистро! Еще бистрее!»

« Разве можно считать скучным этого необыкновенного человека, придумывавшего не только сказки, но и загадки, игрушки, игры, да еще какие! Особенно он любил играть... словами. Даже собственное имя переделывал до тех пор, пока оно не превратилось в то самое имя, которое сегодня знает весь мир — Льюис Кэрролл».

Евгения **Гордиенко** «Необыкновенный выдумщик»

« В ноябре 2011 года гению шахмат, восьмому чемпиону мира , самому популярному гроссмейстеру и всеобщему любимцу Михаилу Талю исполнилось бы 75 лет. Поединки «кудесника» всегда проходили с приключениями, были очень бурными и увлекательными. Такой же бурной была и его личная жизнь. Из трех его официальных жен особое место занимает первая — Салли Ландау. Брак их не сложился потому, что шахматный король и его королева безумно ревновали друг друга, но менять свои привычки не собирались. Таль был убежден, что Салли — его собственность, а сам он принадлежит всему человечеству. А Салли, в свою очередь, считала, что, если она принадлежит только Михаилу, то и он должен принадлежать только ей...»

Евгений **Гик** «Утонуть ради любимой»

« Судя по тому, как блестели в свете фонаря глаза, это БЫЛ человек. Больше всего на свете мне хотелось заорать благим матом и ринуться... куда, идиотка?! Издав писк новорожденного цыпленка, я оперлась на какой-то ствол. Глаза и зубы блестели почти у самых моих ног. Рука... Лязгая зубами, я присела, дотронулась до нее — пульса не было. Я отвела фонарик чуть вправо, и мне сразу показалось, что «куча» сейчас поднимется и бросится на меня. Истеричка, возьми себя в руки!..

Детектив Елены **Колчак** «Никогда в жизни»

Ирина Опимах, «Гордость всей России»

О жизни княгини Марии Юльевны Тенишевой и ее роли для России читайте на стр. 66

Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Ошибка Наполеона 4
Забытые страницы	
<i>М.Е. Салтыков-Щедрин</i>	История одного города О корени происхождения глуповцев 28
Рассказ	
<i>Эрнест Хемингуэй</i>	Боец 36
<i>Алеф Верди</i>	Психологические тренинги опасны? 87
Это интересно	
<i>Татьяна Харламова</i>	Тогда и старость в радость 46
Новое имя	
<i>Максим Страхов</i>	Поэзия и проза Из цикла рассказов «Вместо таблетки» 54
Шедевры	
<i>Ирина Опимах</i>	Гордость всей России 66
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Сверху вниз и снизу вверх 78
Житейская история	
<i>Александр Аннин</i>	Возвращение в обитель 96
Мистический роман	
<i>Андрей Дышев</i>	Привилегия Бога 116
Кроссворд. Эрудит	
	188

Главный редактор Кизилев Михаил Григорьевич

Заместитель главного редактора Чичина Тамара Васильевна
tomasmena@mail.ru

Арт-директор Веселова Надежда Александровна

Корректор Чекова Валентина Михайловна

Обложка и иллюстрации Рябинин Лев Анатольевич

Web-редактор Шеркунова Анна Игоревна
sherkunovaa@gmail.com.

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Главный бухгалтер Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению Мария Александровна Яркина,
e-mail: sales@smena-online.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

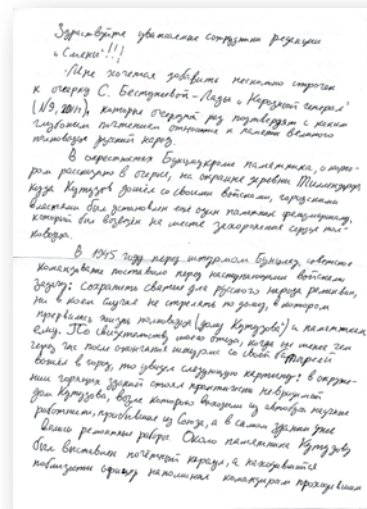
Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**
Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.
Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300 МО г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 14 000 экз.
Зак. № ??????????????
Цена свободная
Номер подписан в печать: 19.10.2011

... В окрестностях Бунцлау, кроме памятника, о котором рассказано в очерке, на окраине деревни Тиллендорф, куда Кутузов дошел со своими войсками, городскими властями был установлен еще один памятник фельдмаршалу, возведенный на месте захоронения сердца полководца.

В 1945, перед штурмом Бунцлау, советское командование поставило перед наступающими войсками задачу сохранить святыне для русского народа реликвии, ни в коем случае не стрелять по дому, в котором прервалась жизнь полководца, и по памятнику. По свидетельству моего отца, когда он со своей батареей вошел в город, то увидел следующую картину: в окружении горящих зданий стоял практически невредимый дом Кутузова, около памятника Кутузову был выставлен почетный караул, а находившийся поблизости офицер напоминал командирам проходивших мимо колонн о необходимости отдачи воинских почестей великому полководцу.

В марте 1945 года главнокомандующим фронтом Коневым был издан приказ: «Всем войскам, идущим по этому направлению, останавливаться в районе города Бунцлау. Приводить себя в порядок и проходить мимо памятника Кутузову торжественным маршем, отдавая воинские почести памяти полководца. После торжественного прохождения следовать по боевому назначению». (Были даже выделены военные оркестры для исполнения маршей.)

После освобождения от фашистов в доме Кутузова был создан музей, просуществовавший до 1991 года, а затем экспозиция была перевезена в ленинградский Военно-исторический музей артиллерии.

Спасибо вам, дорогая редакция, что вы занимаетесь столь благородным делом: храните память и передаете ее молодому поколению о великих людях, сыгравших огромную роль в истории нашей страны.

Полтавец Игорь Владленович,
г. Минск

Денис
Логинов

Ошибка Наполеона

Начиная войну с Россией, Наполеон заявил:

«Если я займу Киев — я схвачу Россию за ноги. Если я возьму Петербург — я возьму ее за голову. Заняв Москву, я поражу ее в сердце...»

Однако целью похода Наполеона летом 1812 года была вовсе не Москва. Сначала поход назывался «Литовским», ибо предполагалось быстро завоевать Литву и заключить мир с Александром Первым на новых условиях: объединить усилия обеих стран против Британии и ее колоний. Об этом Наполеон грешил еще при жизни императора Павла. Если бы Александр согласился — Москва осталась бы цела.

Главной целью Наполеона с самого момента утверждения у власти была ликвидация очень давнего и очень сильного врага Франции — Британской империи. Увы, ввязавшись в войну с Россией, он собственноручно убил эту возможность и, в результате, оказался на острове святой Елены ...

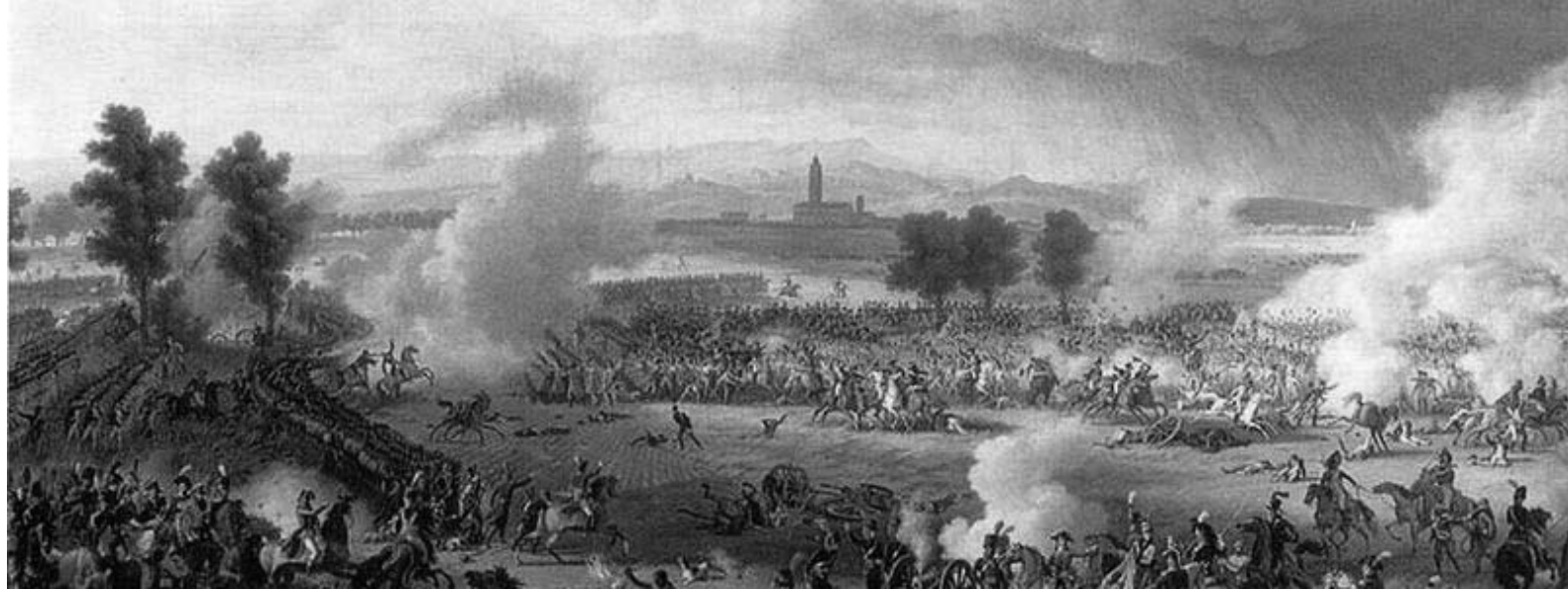

Портрет Наполеона Бонапарта, 1792 г.

К 1812 году в союзе с Наполеоном была почти вся Европа. Император предполагал сделать своим союзником и Россию, а дальше — отправиться в поход в Индию. Вот уж истине наполеоновские планы!

Никто (!), ни в Европе, ни даже — что греха таить? — в России, не сомневался, что «полудикая страна» станет легкой добычей наполеоновских армий и в недалеком будущем — всего лишь одной из колоний Французской империи. Только не за океаном, а гораздо ближе.

Наполеон строил грандиозные стратегические планы, но тактически мыслил весьма и весьма прагматично. Его целью, безусловно, было

Луи Франсуа Лежен. Сражение при Маренго 14 июня 1800 г.

разгромить русскую армию в приграничном сражении, но он также был осведомлен о том, что русские могут избрать тактику отступления, и прекрасно знал историю шведской кампании в России, вернее, чем она закончилась для шведов.

Заняв Витебск, император провозгласил, что закончена... вторая польская компания. Он не предоставил Варшавскому герцогству независимости в ходе войны, но это еще не означает, что он бы ее не предоставил в случае удачного исхода, который был возможен после подписания мира с Александром. Вероятнее всего, именно эти условия нового мира и предполагал Наполеон.

Александр же на переговоры не шел, и русская армия отошла к Смоленску, готовя генеральное сражение.

При таком раскладе и речи не могло быть о том, чтобы двинуться на Санкт-Петербург: русские оказались бы в тылу у французов, а перед ними — болота, окружавшие северную столицу и Балтийское море, на берегах которого были отнюдь не союзные Франции и совсем не мирные шведы. То есть самая настоящая ловушка, в которую сунуться мог только самоубийца. А Наполеон им не был.

Поэтому он вошёл в Россию в наиболее удобном для него географическом месте. В его планах было разбить армию, а после этого он мог уже делать, что угодно — Санкт-

Петербург сдался бы добровольно, просто из-за угрозы голода. В Европе подобная тактика оправдывалась — Наполеон вторгся в государство, вынуждал войско на генеральное сражение, вдребезги разбивал противника, который тут же капитулировал. А дальше шел обычный сценарий: местный государь сам ехал на поклон, вручал символические ключи от столицы, страна молча принимала ситуацию.

Эту же стратегию Наполеон хотел применить в России. Русская армия была так близко, к тому же, по имеющимся у него данным, готовилась принять генеральное сражение ... и долгожданный мир, на который рассчитывал император, мог бы поставить точку в этой кампании окончательно.

Он также надеялся, что с разгромом русской армии русское дворянство заставит Александра подписать мир. Но даже если бы Александр мир не подписал, то без армии территории Великого Литовского княжества ничего не грозило бы. Уже в ходе кампании здесь формировались воинские подразделения Речи Посполитой. При поддержке поляков Наполеоном Россия вряд ли осмелилась бы воевать против новой Польши.

Но надеждам Наполеона не суждено было сбыться. Во-первых, он не учел того, что Россия давно отвыкла вести войну на собственной территории, в отличие от большинства европейских стран. И никакое дворянство не могло бы «заставить» императора подписать что-то противное интересам России — подобный вариант легко «проходил» в Польше, с ее шляхетскими вольностями, но никак не в Российской империи.

Кроме того, «варвары-русские», в отличие от цивилизованных европейцев, не воспринимали нашествие Наполеона как неизбежное явление, а реагировали, с точки зрения Бонапарта, неадекватно. Бросали свои деревни (иногда еще и поджигали их), уходили в леса, ни в какую не шли на контакты с французами. То есть о цивилизованной войне можно было забыть. А проклятая русская армия все отступала...

То есть, армия неприятеля не разгромлена, мир не подписан,

отвести войска тоже невозможно — русские немедленно начнут контрнаступление. Затягивать с решающим сражением тоже опасно: Испания оставалась не до конца завоеванной, и там тоже шла партизанская война. Не такая, конечно, как в России, но, если вывести оттуда хотя бы часть войск... последствия могли быть весьма плачевными для победоносной Франции.

Основные надежды Наполеон возлагал на генеральное сражение при Смоленске, но... оно не состоялось. Русские снова уклонились от битвы. И снова французская армия двинулась следом за отступающим, но целехоньким противником, постоянно получая мелкие стычки в тылу то с какими-то гусарскими разъездами, то с плохо вооруженными крестьянами. Проклятия, которыми Наполеон осыпал своих маршалов, русских генералов и всю дикую Россию, практически не прекращались.

Наконец состоялось грандиозное сражение под Бородино. Но... никакой ясности в ситуацию оно не внесло. Теоретически, французы победили и праздновали свою победу. Практически — у русских оставалось еще достаточно сил, чтобы дать второе сражение, исход которого по-прежнему был непредсказуем.

Но также непредсказуемы были и русские. Вместо того, чтобы попытаться взять реванш или пристойно капитулировать, они... опять отступили, освободив Наполеону прямую дорогу на Москву. Это уже не под-

Жак-Луи Давид. Наполеон при переходе через Сен-Бернар. 1800–1801 гг.

давалось никаким логическим объяснениям.

А последствия Бородинской битвы способны были устроить любого.

«Страшное впечатление, — по словам очевидца-офицера, — представляло по окончании боя поле Бородинского сражения при полном почти отсутствии санитарной служ-

Жан Огюст Энгр.
Наполеон
на императорском
троне, 1806 г.

бы и деятельности. Все селения и жилые помещения вблизи Московской дороги были битком набиты ранеными обеих сторон в самом беспомощном положении. Селения погибали от непрерывных, хронических пожаров, свирепствовавших в районе расположения и движений французской армии. Те из раненых, которым удалось спастись от огня, ползали тысячами у большой дороги, ища средств продолжать свое жалкое существование».

Картина действительно была ужасающей. Много написано о Бородинской битве — и очень мало об ее «ближайших» последствиях. А между тем, в избах окрестных деревень сгорело живьем множество брошенных на произвол судьбы раненых русских и французских военных. Последним вообще пришлось несладко: вооруженные крестьяне хладнокровно добивали раненых и просто отставших от своих частей «хранцузов».

Конечно, виновных немедленно приканчивали без всякого суда. Но ожесточение в народе росло не по дням, а по часам, и фельдмаршал Кутузов должен был с этим, так или иначе, считаться. Поэтому не сразу решился заявить о сдаче Москвы: предсказать последствия такого заявления не мог никто. Так что Кутузов делал все возможное, чтобы создать видимость неизбежной битвы за Москву. Он даже издал приказ, в котором «Милорадовичу представляется почтить древнюю столицу видом сражения под стенами ее»,

причем там же говорилось, что Москву придется сдать. Современники ровно ничего не могли понять в этом полнейшем противоречии между словами и поступками фельдмаршала после Бородина.

Но вот уже русская армия, то есть то, что от нее осталось после Бородина, стала подходить почти вплотную к Москве. Следовало немедленно и окончательно высказать громко, что Москва будет отдана Наполеону без новой битвы, но Кутузов прекрасно понимал, что никто его в этом намерении не поддержит, что патристические соображения однозначно перевесят здравый смысл и логику ведения боевых действий.

13 сентября 1812 г. в деревне Фили собрался легендарный Совет. Протокола не велось, совещание продолжалось всего лишь один час. Кутузову приписывается фраза:

«Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия».

Документального подтверждения этой фразе нет. Но сохранилось письмо графа Воронцова (участвовавшего в Бородинском сражении и раненым в нем) его отцу — дипломату в Англии:

«Бородинский день не был решительным ни для той, ни для другой армии. Потери должны быть одинаковы с обеих сторон. И потеря русской армии чувствительна, вслед-

ствии количества офицеров, выбывших из строя, что необходимо влетает за собою дезорганизацию полков... Остерман спросил Беннигсена, ручается ли он за успех в случае новой битвы под Москвой, на что Беннигсен ответил, что, не будучи сумасшедшим, нельзя на такой вопрос ответить утвердительно. Фельдмаршал сказал: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на провидение, ибо это спасет армию. Наполеон — как бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосет». Затем он встал и объявил: «Я приказываю отступление властью, данной мне государем и отечеством», — и вышел вон из избы, он был подавлен тем, что только что сделал, — это было ясно всем, наблюдавшим его... В остальные часы этого дня, после совещания, фельдмаршал ни с кем не говорил, не спал ночь и слышали, что он плачет...»

Но никто даже из не любивших его не приписывал потрясенное состояние Кутузова мотивам личной боязни или личного стыда. Все его дальнейшее поведение показало, что он делал то, что считал нужным, действовал гораздо самостоятельнее, чем когда-либо в жизни, и меньше всего боялся раздражать царя. Окружающие объясняли его ночные слезы болью за Москву и страхом за Россию, потому что на одно его высказывание, что потеря Москвы не есть еще потеря России, его свита

вспоминала несколько его прежних утверждений, что гибель Москвы равносильна гибели России.

Рядовое офицерство и солдаты были совсем сбиты с толку всеми этими категорическими заявлениями главнокомандующего о том, что Москва ни за что не будет сдана, и внезапным результатом военного совета в Филях.

«Уныние было повсеместное, — писал очевидец. — Я помню, когда адъютант мой Линдель привез приказ о сдаче Москвы, все умы пришли в волнение: большая часть плакала, многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после поносного отступления, или лучше, уступления Москвы. Мой генерал Бороздин решительно почел приказ сей изменническим и не трогался с места до тех пор, пока не приехал на смену его генерал Дохтуров. С рассветом мы были уже в Москве. Жители ее, не зная еще вполне своего бедствия, встречали нас как избавителей, но, узнавши, хлынули за нами целою Москвою! Это уже был не ход армии, а перемещение целых народов с одного конца света на другой...»

Авангард русской армии 12 сентября остановился у Поклонной горы, в двух верстах от Дорогомиловской заставы, откуда непрерывным потоком тянулись экипажи и обозы и шли тысячи и тысячи жителей, покидавшие город.

Но Кутузов уже твердо решил отступать — и не к Твери, чтобы

Неизвестный художник

Вступление французской армии в Москву

предотвратить поход Наполеона на Санкт-Петербург, и не к Владимиру, а по старой Калужской дороге. Русским войскам было приказано пройти улицами Москвы и выйти через Коломенскую заставу. И с раннего утра 14 сентября армия непрерывным маршем проходила через столицу.

Испуганное, растерянное, молчаливое население, точнее, те, кто не мог или еще не успел выехать, толпились по краям улиц и площадей и смотрели на уходящее войско. Солдаты шли угрюмо, не разговаривая, глядя в землю. Очевидцы говорили, что некоторые в рядах плакали.

Первые части отступающей русской армии еще только подходили

к Коломенской заставе, когда командовавший арьергардом генерал Милорадович получил известие, что французская кавалерия вступает в Москву через Дорогомиловскую заставу.

Он смог на четыре часа задержать кавалерию Мюрата в семи верстах от Москвы, что дало возможность многим тысячам жителей покинуть город, но не спасло ни арсенала, где прекрасные новые ружья достались неприятелю, ни магазинов и складов хлеба, сукон и всякого казенного для армии довольствия.

Массовое бегство из Москвы шло уже несколько дней подряд. Толпы народа, растерянные, потрясенные

С.И. Львов, *Поджигатели*

идущей на них грозой, теснились целыми днями на улицах. Одни считали, что Москва погибла, другие верили до последней минуты, что будет еще одно сражение под стенами Москвы.

Десятки тысяч людей бежали из города, окружая армию, опережая армию, разливаясь людскими реками по всем дорогам, идя и без дороги, напрямик по пашне. Вот что творилось утром 20 сентября в нескольких верстах от Рязани:

«Только мы выехали на равнину, то представилось нам зрелище единственное и жалостное: как только мог досягать взор, вся Московская дорога покрыта была в нескольких рядах разными экипажами и пешими, бегущими из несчастной столицы

жителями; одни других выпереживали и спешили, гонимые страхом, в каретах, колясках, дрожках и телегах, наскоро, кто в чем мог и успел, с глазами заплаканными и пыльными лицами, окладенные детьми различных возрастов. А и того жалостнее: хорошо одетые мужчины и женщины брели пешне, таща за собой детей своих и бедный запас пропитания: мать вела взрослых, а отец в тележке или за плечами тащил тех, которые еще не могли ходить, всяк вышел наскоро, не приготовясь, был застигнут нечаянно, и брели без цели и большей частью без денег и без хлеба. Смотря на эту картину бедствия, невозможно было удержаться от слез. Гул от множества едущих и идущих был слышен весьма изда-

лека и, сливаясь в воздухе, казался каким-то стоном, потрясающим душу... А по другим трактам — Владимирскому, Нижегородскому и Ярославскому — было то же, если не более...».

В это время верхом, в сопровождении свиты, Наполеон медленно ехал к Поклонной горе. Ему перевели это название, и он счел его добрым предзнаменованием. В два часа дня император въехал на Поклонную гору, и его взгляду сразу открылась потрясающая панорама Москвы. Яркое солнце заливало сверкавший бесчисленными золочеными куполами город. Шедшая за свитой старая гвардия, забыв дисциплину, тесня и ломая ряды, сгущалась на горе, и тысячи голосов кричали: «Москва! Москва! Да здравствует император!» Въехав на холм, Наполеон остановился и, не скрывая восторга, воскликнул тоже: «Москва!»

Восторг французов можно было понять: по опыту прежних кампаний, через какое-то время должна была прибыть делегация «отцов города» с ключами от него, что означало — конец войне. Так было в Милане, Венеции, Александрии и Каире, Яффе, Вене, Берлине, Лиссабоне, Мадриде, Варшаве, Амстердаме, Риме, Антверпене... Но ни один из этих городов не имел в глазах Наполеона такого огромного политического значения, как древняя русская Москва, соединительное звено Европы и Азии, ключ к мировому владычеству.

Здесь император ждал просьбы смирившегося Александра о мире, армия — теплых квартир, изобильного провианта, всех удобств и наслаждений огромного города после мучительного похода, с его полуголодными рационами, отсутствием питьевой воды, палящим зноем, постоянными стычками с упорным и храбрым врагом.

Люди, пережившие эти часы на Поклонной горе, генералы ли свиты и гвардии, простые ли гвардейцы, говорили потом, что для них это была кульминационная точка похода 1812 года. Они готовы были поверить, что сопротивление русского народа сломлено, и что подписание перемирия, а затем и мира — вопрос дней.

Увы, они были не в Европе, а в России. И все последующие события лишь укрепили у европейцев веру в «загадочную и непредсказуемую русскую душу».

Никто из «отцов города» не явился к Наполеону с ключами от Москвы, как было положено по кодексу ведения боевых действий. Более того, к вечеру стало известно, что никто и не придет, потому что... Москва пуста, покинута всеми своими жителями. Наполеон просто не мог поверить в такую нелепицу и приказал своему адъютанту, графу Д'Арю:

— Москва пуста! Какое невероятное событие! Следует войти туда. Ступайте и приведите мне бояр!

Во Франции, судя по всему, так «хорошо» знали Россию, что называли высшую аристократию «боярами».

Однако посланец Наполеона никаких «бояр» привезти на Поклонную гору не смог. Он только подтвердил, что город пуст, жители исчезли.

«Но таково было упорство Наполеона, что он упрямылся и ждал еще. Наконец один офицер, решив понравиться или будучи убежден, что все, желаемое императором, должно было совершиться, проник в город, захватил пять или шесть бродяг, довел их, подталкивая их впереди себя своей лошадью, до самого императора и изобразил, что это он привел депутацию. По первому же ответу этих несчастных Наполеон увидел, что перед ним — только жалкие поденщики», — писал впоследствии граф де Сегюр, очень преданный Наполеону, но, к тому же, правдивый человек.

Тем временем, конница Мюрата осторожно продвигалась по Арбату к Кремлю. Все было тихо, глухо, мертво. Французы рассказывали потом, что им странно и дико было ощущать себя среди громадного города, двигаясь мимо окон и дверей бесчисленных домов бесконечных улиц, как в пустыне. Они отчетливо понимали, что люди не спрятались, что эти дома и дворы пусты, что никого в городе нет.

(На самом деле, в Москве остались несколько тысяч человек. Во-первых, не успевшие бежать или не имевшие к тому никаких материальных средств и возможностей. Во-вторых, иностранцы (французы, швейцарцы, итальянцы, поляки,

немцы), надеявшиеся на благосклонность победителя. И, наконец, в-третьих, раненые русские солдаты и офицеры, застрявшие в городе.)

Кавалерия шла осторожно, опасаясь засады, внезапного нападения ждали на каждом углу. Но молчание царило и час, и другой, пока бесконечными потоками французская армия вливалась в город. К вечеру Наполеону доложили, что город занят французскими войсками без сопротивления. Было уже поздно, и император решил провести эту первую ночь в Москве не в Кремле, а в одном из брошенных домов у Дорогомиловской заставы, где он находился со свитой после того, как покинул Поклонную гору.

Вошедшие же в город французы были потрясены: они не ожидали увидеть ничего подобного в «варварской Московии». Сохранилось перехваченное казаками письмо одного из офицеров наполеоновской армии:

«Мы вошли в город с надеждой найти там жителей и отдохнуть от дурных бивуаков, но там никого не было, кроме французов и иностранцев, которые не хотели уходить вслед за русскими. Все было спокойно, и ничто не предвещало ужасных событий, которые должны были последовать. При входе в Москву меня охватило удивление, смешанное с восхищением, потому что я ожидал увидеть деревянный город, как многие о том говорили, но, напротив, почти все дома оказались кирпичными и самой изящной и самой новой архи-

*Картина неизвестного немецкого художника
Французы в Москве. 1812 год*

тектуры. Дома частных лиц похожи на дворцы, и все было богато и великолепно. Нас поместили в очень хорошей квартире».

Французы буквально не могли поверить своим глазам, бродя по громадной столице и видя, что она пуста.

По свидетельству ближайшего окружения Наполеона, император был очень мрачен. «Какая страшная пустыня!» — воскликнул он, глядя на мертвые улицы. Совсем не так он въезжал во все европейские столицы и в Александрию. Еще пе-

ред его отходом ко сну, в дом, занятый им, явились, один за другим, несколько адъютантов и ординарцев. Они прибыли из разных частей города, а между тем, докладывали об одном и том же: в городе начнутся пожары.

Первой мыслью Наполеона было то, что его солдаты, расположившись в пустых домах, неосторожно обращались с огнем, поскольку явно увлеклись грабежами. Император призвал маршала Мортье, которого назначил в этот день военным губернатором Москвы, и гроз-

А. Николаев
Расстрел поджигателей

но приказал ему немедленно прекратить грабежи.

— *Вы мне отвечаете своей головой за это!* — прибавил он.

Но не успел Наполеон лечь спать, как получил сообщение о том, что

загораются дома, куда никто из французских солдат не только не входил, но где и поблизости еще никаких французов не было. Например, Гостиный двор, средоточие московской торговли, а вместе с

ним — практически весь центр Москвы. Был сильный ветер, разносивший искры далеко по сторонам, так что восходящее солнце явило очень впечатляющее зрелище огромного пылающего костра.

Тем не менее, император принял решение ехать в Кремль: он был так поражен видом с Поклонной горы, что хотел разглядеть это чудо поближе. Тем паче, что уже написал императрице о своих первых впечатлениях:

«Город так же велик, как Париж. Тут 1600 колоколен и больше тысячи красивых дворцов, город снабжен всем. Дворянство уехало отсюда, купцов также принудили уехать, народ остался... Неприятель отступает, по-видимому, на Казань. Прекрасное завоевание — результат сражения под Москвой».

Слишком скоро Наполеон убедился, что результаты Бородинского сражения не столь уж прекрасны, что народу в Москве практически не осталось, и что пожары охватили уже полгорода, причем, не предпринимается практически никаких попыток их потушить.

Загорелся винный двор, взорвался пороховой магазин, горели Новые Торговые Ряды, потом разом в нескольких местах запылали дома, церкви, фабрики...

Из письма французского офицера: *«...Эти пожары продолжались целых шесть суток, так что нельзя было различить ночи от дня. Во все же сие время продолжался грабеж.*

Французские солдаты, а за ними и французские мародеры вбегали в дома и тащили все, что уцелело от огня. Брали белье, шубы, даже женские салопы... Нередко случалось, что идущих по улицам обирали до рубахи, а у многих снимали только сапоги, капоты или сюртуки. Если же найдут какое сопротивление, то с остервенением того били, и часто до смерти... Кое-кто из солдат прибежал и к пыткам, особенно пытали церковных служителей, так как были убеждены, что они куда-то прятали церковное золото и серебро... Схваченных на улице заставляли работать, носить за собой мешки с награбленными вещами, а также таскать с дороги мертвых людей и лошадей...»

Роль графа Ростопчина в возникновении московского пожара несколько преувеличена, тем более, что к концу жизни он это категорически отрицал и даже издал брошюру о причинах этого пожара, где всячески открещивался от каких-либо своих конкретных действий. С другой стороны, сохранилось официальное донесение одного из его подчиненных:

«...14 сентября в 5 часов пополуночи граф Ростопчин поручил мне отправиться на Винный и Мытный дворы, в комиссариат... и, в случае внезапного вступления неприятельских войск, стараться истреблять все огнем, что мною исполняемо было в разных местах, по мере возможности, до 10 часов вечера...».

Истина, по-видимому, находится где-то посередине. Ведь, независимо от распоряжений Ростопчина, могли найтись люди, которые остались в Москве и с риском для жизни решили уничтожить все, лишь бы ничего не досталось врагу. Наконец, очень много пожаров возникло и по вине французских солдат, хозяйничавших в покинутых домах и лавках, где были найдены огромные запасы спиртных напитков. Пьянство уже с первых дней во французском войске шло невообразимое, а манера французов разводить костры посреди жилых помещений или в церквях явно не могла довести до добра.

Но все это оказалось лишь прелюдией к тому кошмару, который начался впоследствии. Центр города с Кремлем еще был пока не затронут, или, точнее, мало затронут. Вступивший в Кремль Наполеон со свитой оказался разбуженным среди ночи ярким светом, бьющим во все окна. Вид из них был один: огромные вихри пламени, улицы, превратившиеся в огненные реки, дворцы, большие дома, горящие огромными кострами. Страшная буря раздувала пожар и гнала пламя прямо на Кремль, завывание ветра было так сильно, что порой перебивало и заглушало треск рушащихся зданий и вой бушующего пламени.

В Кремле находились не только император со свитой и со старой гвардией, тут же был привезенный накануне французский артиллерий-

ский склад. Был в Кремле и пороховой склад, брошенный русским гарнизоном, вследствие невозможности вывезти его. Другими словами, пожар Кремля грозил полной и неизбежной гибелью находившимся в нем людям. А ветер все крепчал, и направление его не менялось. Уже загорелась одна из кремлевских башен. Нужно было уходить из Кремля, не теряя ни минуты.

Наполеон какое-то время молча смотрел в окно, потом воскликнул:

— *Это они сами поджигают. Что за люди! Это скифы! Варвары! Какое страшное зрелище!*

Это превосходит всякое вероятие, — сказал он, обращаясь к Колленкуру. — *Это война на истребление, это ужасная тактика, которая не имеет прецедентов в истории цивилизации... Сжигать собственные города!.. Этим людям внушает демон! Какая свирепая решимость! Какой народ! Какой народ!*

Возможно, именно в эти минуты император понял, какую ошибку совершил, вторгнувшись в Россию. Роковую, фатальную ошибку, усугубившуюся стремлением во что бы то ни стало овладеть Москвой и Кремлем. Возможно...

А возможно — и нет. Ведь уже в самом конце жизни, беседуя на острове Святой Елены с доктором О'Мира, Наполеон говорил о пожаре Москвы и о том, что не сразу оценил все результаты этой катастрофы, не предугадал далеких еще пока последствий своего кровавого нашествия на Россию,

не предвидел, что пылающая Москва подожжет всю поработанную и раздавленную им Европу.

Свита на коленях умоляла императора покинуть обреченный Кремль. Но Наполеон все медлил. Еще накануне, войдя впервые во дворец, он сказал, обращаясь к свите:

— *Итак, наконец, я в Москве, в древнем дворце царей, в Кремле!*

Он прекрасно знал значение Кремля в русской истории и не хотел покидать его, пожив в нем только сутки, да и то неполные. Но рассуждать было нельзя: пожар с каждой минутой грозил объять дворец и отрезать все выходы. Император решил перейти в Петровский дворец, тогда стоявший еще вне городской черты. Они благополучно добрались до него, но Наполеон все время пребывал в самом мрачном настроении.

— *Это предвещает нам большие несчастья, —* произнес он, глядя на развалины и дымящийся мусор, в который обратился город его честолюбивых мечтаний.

Он еще не знал тогда, что мир с Россией для него не только труден, но невозможен, и что война, которую он со взятием Москвы считал оконченной, для русского народа после гибели Москвы только еще начинается.

«В течение трех дней, пока продолжался пожар, — писал очевидец-француз, — мы оставались в Петровском дворце. На четвертый день мы вернулись в город и увидели там

только развалины и пепел. Кремль сохранился...»

Казавшийся обреченным Кремль действительно каким-то чудом сохранился, хотя и сильно пострадал. Чудом было и то, что в этом огромном костре погибло сравнительно мало французских солдат, которые и при пожаре увлеченно занимались повальным грабежом домов и лавок. Но это привычное для победителей занятие больше напоминало пир во время чумы.

Вот что писал один из оставшихся в Москве русский:

«Опустошение и пожары продолжают... Своевольства столь велики, что были наказываемые, но теперь сам Себастиани приносящим жалобы признается, что он не в силах их удержать. Все французы ежедневно пьяны после обеда, и жители их убивают, тогда их зарывают ночью. Но число сих жертв невелико... Французы опечалены и ожесточены, что не требуют у них мира, как Наполеон обещал при занятии Москвы, а потому разорением и грабежами думают к миру их понудить... У жителей отнимают рубашки и сапоги, мучат их разными работами, не кормя. Иногда они умирают от голода и усталости. Удивительно, что у самих французов бегут ежедневно по сто и более солдат, за ними нет никакого присмотра, и они не слушают начальников. Ежедневно расстреливают их за неповиновение».

Расстрелы поджигателей, или, вернее, тех, кого угодно было счесть

поджигателями, начались уже на второй день пожаров. На третий день начал действовать военно-полевой суд под председательством генерала Мишеля. На первый раз судили 26 человек, из коих расстреляли 10, а относительно прочих 16 сделано любопытнейшее в своем роде постановление:

«Военная комиссия, уважив, что они не довольно изобличены, осуждает их к тюремному заключению».

Первые 10 были столь же «не довольно изобличены», и почему сделано было такое отличие, непонятно. Расстрелы продолжались и в следующие дни, причем, уже никого не приговаривали к тюремному заключению — да и куда было заключать арестантов? Происходили очень часто и простые убийства, производимые солдатами-грабителями под предлогом самозащиты при сопротивлении арестуемых «поджигателей». Сам Наполеон признавал, что расстреляно 400 «поджигателей», но эта цифра явно занижена.

Императору, разумеется, доносили о неистовых грабежах, которыми занималась его армия, особенно баварцы, вестфальцы, итальянцы. Он знал, что и в чисто французских частях немало людей занимается грабежом. Что вместо зимних квартир, которые он обещал своей армии, перед нею обгорелые остатки большого города, дымящееся пожарище — это ему тоже было уже ясно. Как в Европе отнесутся к пожару Москвы? Как посмотрят там на эту удачу рус-

ских, вырвавших у императора буквально из рук его добычу?

В то же время при петербургском дворе, в царской семье, в дворянстве, в купечестве, в простом народе царила большая растерянность. Не пойдет ли Наполеон из Москвы на Санкт-Петербург? Сумеет ли Кутузов добиться столь желанной победы? И где произойдет следующая решающая битва?

Сестра царя Екатерина Павловна, находившаяся в Ярославле, заклонила брата не заключать мира:

«Москва взята... Есть вещи необъяснимые. Не забывайте вашего решения: никакого мира, — и вы еще имеете надежду вернуть свою честь... Мой дорогой друг, никакого мира, и если бы вы даже очутились в Казани, никакого мира!» — так писала справедливо считавшаяся одной из умнейших женщин России того времени.

Александр поспешил ответить сестре, что и не думает о мире.

Как и все русские, он испытывал естественные в такой ситуации чувства гнева, горечи, оскорбленного самолюбия, наконец. Но, кроме того, понимал, что второго Тильзита, особенно теперь, ему не простят, что придется или победить, или потерять престол. А о том, что в России с потерей престола обычно теряют жизнь, он великолепно знал на примере отца и деда. У Александра просто не было выбора. Ему могли простить, что он сидит в Петербурге, когда русская армия истребляется на Бородинском

*А. Нортен
Побег из Москвы*

поле, простить гибель Смоленска, гибель Москвы, потерю пол-России, но мира с Наполеоном не простят. Настал момент решать, кому из двух императоров потерять корону.

Настроения народа были несравненно более искренними и непосредственными. Один из очевидцев писал, что видел «к стороне Москвы сильное зарево, но мало похожее на зарево обыкновенное, а к концу горизонта весь воздух казался как бы раскаленным докрасна столбом, который простирался от земли до неба и казался как бы колеблющимся или дрожащим... Смотря на это, не можно было выразить тех чувств, какие были тогда в душе. Страх, жалость

и ужасная неизвестность приводили в какое-то оцепенение».

«Страх» и «жалость» не выражают того впечатления, которое пожар произвел на крестьян, о чем единогласно свидетельствуют нам сохранившиеся документы. Когда в октябре генерал Лористон, посол Наполеона, жаловался Кутузову на «варварское» отношение русских крестьян к французам, старый фельдмаршал, в извинение и объяснение этого факта, сказал, что русские крестьяне относятся к французам так, как их предки относились к монголам.

Лористон был недоволен этим сравнением цивилизованной армии

*В.В. Верещагин.
Наполеон в зимнем одеянии*

его величества императора с полчищами Чингисхана, но оно очень точно передает психологию русского крестьянина, видящего, как огромная вооруженная орда ворвалась в его отечество и не перестает терзать, грабить, жечь и обливаться кровью. «Татарское разорение» — именно так вспоминали долго под-

московные крестьяне наполеоновское нашествие.

Наполеон, осознав, что продовольствие, на которое он рассчитывал, сгорело, и он оказался с громадным войском в осажденной крепости зимой без топлива и припасов, был вынужден уйти из Москвы, но маршрут отступления выбирал уже не он. Вдобавок, на этом маршруте его армию изрядно проредили партизанские отряды, крестьяне и, конечно, мороз. Но это всем известно.

Менее известен тот факт, что Наполеон все-таки послал шестидесятитысячный корпус с пушками на Санкт-Петербург, но возле Валдая французы заблудились и, от греха подальше, вернулись к Москве, а затем бежали из нее вместе со всеми.

После Бородина и гибели столицы стремление уничтожить захватчиков сделалось всенародным в полном смысле слова. Война 1812 года стала Отечественной войной. Наполеон рассчитывал захватом Москвы устрашить Россию и поставить ее на колени, но жестоко ошибся.

Хуже того — ошибся непоправимо...

СПРАВКА

Строго говоря, только нахождение иностранных завоевателей в Москве и потрясло россиян так сильно: память о татаро-монголь-

ских нашествиях успела ослабнуть за пять с лишним веков.

Но за это же время в Москве неоднократно случались странней-

шие пожары, истреблявшие чуть ли не весь город.

Москву много раз жгли татары, а в XVII веке — поляки. Но гораздо чаще пожары происходили по неосторожности самих москвичей. Деревянная Москва каждые 20–30 лет выгорала чуть не дотла.

В 1365 году при Дмитрии Донском город был опустошен страшным пожаром, известным под именем «Всесвятского», потому что он начался от церкви Всех Святых, стоявшей близ нынешнего храма Христа Спасителя и разобранной при его постройке.

В 1367 году Кремль уже был обнесен белокаменными стенами с башнями и воротами. Но столица еще дважды горела при княжении сына Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича. В отличие от городов Европы, лишь немногие строения Москвы были сделаны из камня, поэтому русская столица чаще других страдала от пожаров.

При Иване III, в 1493 году, случился очередной пожар, от которого выгорело пол-Москвы. Один из самых крупных пожаров произошел в 1547 году. Он начался около полудня с церкви Воздвижения на Арбате и сжег все Занеглименье. Поднявшийся сильный ветер быстро донес его до Москвы-реки, оттуда — в Кремль, где загорелись Успенский собор, царский дворец, казенный двор, Оружейная палата, потом Благовещенский собор, царские конюшни.

Царь с супругой и боярами удалились в Воробьево. Погорели Чудов и Вознесенский монастыри. Еще одна пороховая башня кремлевской стены взлетела на воздух. Пожар перекинулся на Китай-город. Погибло много храмов, причем была утрачена масса древних книг, икон и драгоценной церковной утвари, даже Мощи Святых истлели. Москвичи обвинил в бедствии семейство Глинских, а именно, приписали его волшебству бабки Ивана Грозного.

Самый страшный пожар был в 1571 году, когда к Москве подошли войска крымского хана Девлет-Гирея. Ордынцы подожгли Москву, и ветер быстро разнес пламя по всей ее территории. Многие из ордынцев, которые пытались грабить богатые монастыри и церкви, гибли в огне и задыхались в дыму.

В подземельях и крепостных башнях взрывались пороховые склады. От невероятного жара разрушались каменные строения и падали колокола. Город пылал 6 часов и выгорел полностью. Это бедствие ужаснуло самих поджигателей. По словам одного из англичан, живших тогда в Москве, город был завален человеческими и лошадиными обгоревшими трупами, и очистить его невозможно было за два месяца. После пожара Москва уменьшилась в два раза, а все ее население составляло едва 30 тыс. человек, то есть сократилось по сравнению с допожарным во много раз.

В следующий раз сильно пострадала Москва в Смутное время. В 1611 году великая столица за два дня была обращена в грязь и пепел солдатами польского короля. Через несколько лет, при царе Михаиле сгоревшая в этом пожаре деревянная стена вокруг Скородома была заменена Земляным валом.

«19 июля 1701 года в 11-м часу, волею Божию учинился пожар: загорелись (в Кремле) кельи в Новоспасском подворье; и разошелся огонь по всему Кремлю, выгорел царев двор весь без остатку; деревянные хоромы и в каменных всенутри, в подклетьях и погребах — все запасы еды и питья... Всякое деревянное строение сгорело без остатку, также и дом святейшего патриарха и монастыри, а на Иване Великом колоколы многие от того пожара разселись... Во время пожара монахов, монахинь, священников и мирских людей погибло много в пламени. Огонь был так велик, что им уничтожены были Садовническая слобода и государевы палаты в саду. Даже струги и плоты на Москве-реке погорели без остатку. В Кремле невозможно было ни проехать на коне, ни пешком пробежать от великого ветра и вихря... И земля сырая горела на ладонь толщиной».

Это уже Петровские времена. А 28 мая 1737 года в сильном пожаре сгорел даже Кремль. По преданию, первым загорелся дом Милославских за Боровицким мостом, от свечки, которую постави-

ла перед бумажной иконкой кухарка. Отсюда пошло выражение: «Москва сгорела от копеечной свечки». Ветер был сильный, а время сухое. Пожар впоследствии был назван «Троицким», так как произошел в день святой Троицы.

Именно во время этого пожара раскололся только что отлитый и еще находящийся в земляной яме Царь-колокол — при тушении водой загоревшейся и обрушившейся кровли из-за разницы температур от него откололся кусок весом 700 пудов.

Следующий же крупный пожар случился в Москве в 1748 году, потом — в 1784 году.

Так что пожар 1812 года вовсе не был чем-то из ряда вон выходящим. Просто он произошел во время другого бедствия — войны, и москвичи не тушили домов, а, напротив, сами их поджигали. В огне погибли тысячи москвичей, в том числе, не менее двух тысяч раненых русских солдат и офицеров, не успевших эвакуироваться.

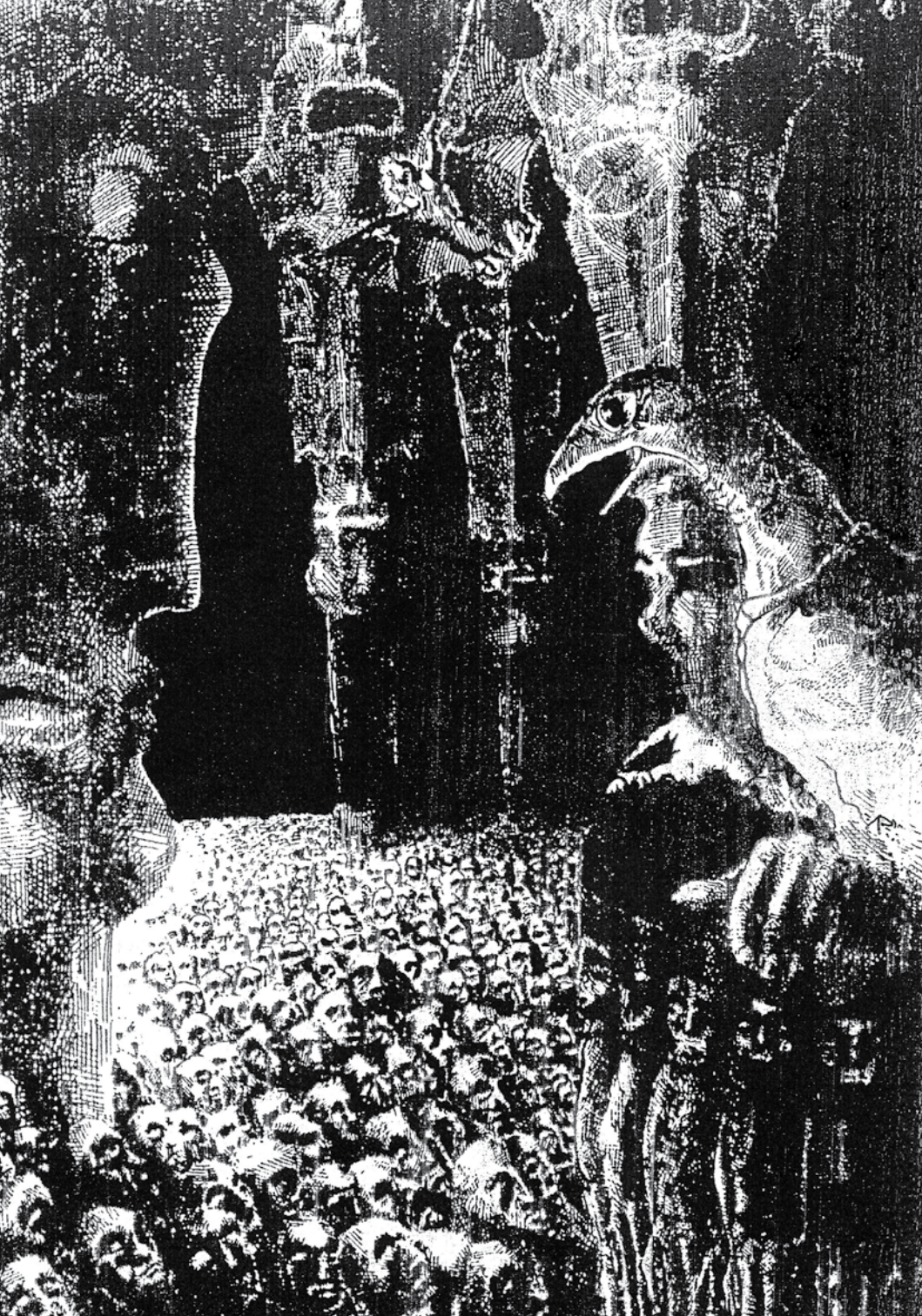
Последствия этого пожара ликвидировались двадцать лет. Улицы были сделаны прямыми, было проложено Бульварное кольцо. Центр застроили каменными зданиями, именно тогда появилось много строений в стиле классицизма, сохранившихся до сих пор.

Как заметил Грибоедовский Скалозуб, глядя на Москву, «пожар способствовал ей много к украшению».

Замечание циничное, но весьма верное. □

*Поль Деларош.
Наполеон в Фонтенбло*

М.Е. Салтыков-Щедрин

История одного города

О корени происхождения
глуповцев

«Не хочу я серым волком рыскать по земле, ни шизым орлом ширять под облакы, ни растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезных мне глуповцев, показав миру их славные дела и предобрый тот корень, от которого знаменитое сие древо произросло и ветвями своими всю землю покрыло».

Так начинает свой рассказ летописец. Был, говорит он, в древности народ, головотяпами именуемый, и жил он далеко на севере. Головотяпами прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» головами обо все, что бы ни встретилось на пути. Стена попадетя — об стену тяпают, Богу молиться начнут — об пол тяпают. По соседству с головотяпами жило множество независимых племен: моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, проломленные головы, слепороды, губошлепы, вислоухие, кособрюхие, заугольники и рукосуи. Они постоянно враждовали между собой, таким образом, взаимно разо-

рили свои земли и взаимно надругались над своими женами и девами. А когда дошли до того, что ободрали на лепешки кору с последней сосны, когда не стало ни жен, ни дев, и нечем было «людской завод» продолжать, тогда головотяпы первые взялись за ум. Поняли, что кому-нибудь надо верх взять, и послали сказать соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами таяться, пока кто кого перетяпает. И как только простодушные соседи согласились на коварное предложение, так сейчас же головотяпы их всех и перетяпали. Первые уступили слепороды и рукосуи, больше других держались гущееды и кособрюхие. Чтобы одолеть последних, вынуждены были даже прибегнуть к хитрости. А именно: в день битвы, когда обе стороны встали друг против друга стеной, головотяпы, неуверенные в успешном исходе своего дела, прибегли к колдовству: пустили на кособрюхи солнышко. Однако кособрюхие не сразу испугались, а сначала тоже догадались: высыпали из мешков толокно и стали ловить солнышко мешками. Но не изловили, и тогда, увидев, что правда на стороне головотяпов, принесли повинную.

Собрав воедино куролесов, гущеедов и прочие племена, головотяпы начали устраиваться внутри, с очевидной целью добиться какого-нибудь порядка. Истории этого устройства летописец подробно не излагает, а приводит лишь отдельные эпизоды. Началось с того, что Волгу толокном замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козла в соложенном тесте утопили, потом свинью за бобра купили, потом рака с колокольным звоном встречали, потом комара за восемь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом блоху на цепь приковали, потом беса в солдаты отдавали, потом небо кольями подпирали, наконец, утомились и стали ждать, что из этого выйдет.

Но ничего не вышло, а рознь и галденье пошли пуще прежнего. Попробовали снова головами таяться, но и тут ничего не доспели. Тогда надумали искать себе князя.

— Он нам все мигом предоставит, — говорил старец Добромysl, — он и солдатов у нас наделает, и острог, какой следоват, выстроит! Айда, ребята!

Искали, искали они князя и чуть-чуть в трех соснах не заблудились, да спасибо, случился тут пошехонец-слепород, который эти три сосны как свои пять пальцев знал. Он вывел их на торную дорогу и вывел прямо к князю на двор.

— Кто вы такие? И зачем ко мне пожаловали? — спросил князь посланных.

— Мы — головотяпы! Нет нас в свете народа мудрее и храбрее! Мы даже кособрюхих, и тех шапками закидали! — хвастали головотяпы.

— А что вы еще сделали?

— Да вот комара за семь верст ловили, — начали было головотяпы, и вдруг им сделалось так смешно, так смешно... Посмотрели они друг на друга и прыснули.

— А ведь это ты, Петра, комара-то ловить ходил! — насмеялся Ивашка.

— Ан ты!

— Нет, не я! У тебя он и на носу-то сидел!

Тогда князь, видя, что они и здесь, переел лицом его, своей розни не покидают, сильно распалился и начал учить их жезлом.

— Глупые вы, глупые! Не головотяпами следует вам, по делам вашим, называться, а глуповцами! Не хочу я володеть глупыми! Ищите такого князя, какого нет на свете глупее — и тот будет володеть вами.

Сказавши это и еще маленько поучив жезлом, отослал головотяпов от себя с честью.

Задумались головотяпы над словами князя, всю дорогу шли и все думали.

— За что он нас раскастил? — говорили одни. — Мы к нему всей душой, а он послал нас искать князя глупого!

Но, в то же время, выискались и другие, которые ничего обидного в словах князя не видели.

— Что же! — возражали они. — Нам глупый-то князь, пожалуй, еще лучше будет! Сейчас мы ему коврижку в руки: жуй, а нас не замай!

— И то правда, — согласились остальные.

Воротились добры молодцы домой, но сначала решили опять попробовать устроиться сами собою. Перуха на канате кормили, чтоб не убежал, божку съели... Однако толку все не было. Думали-думали и пошли искать глупого князя.

Шли они по ровному месту три года и три дня, и все никуда прийти не могли. Наконец дошли до болота. Видят, стоит на краю болота чухломец-рукосуй, руковицы торчат за поясом, а он другие ищет.

— Не знаешь ли, любезный рукосуюшко, где бы нам такого князя сыскать, чтобы не было его на свете глупее? — взмолились головотяпы.

— Знаю, есть такой, — отвечал рукосуй, — вот идите прямо через болото, как раз тут.

Бросились они все разом в болото, и больше половины их потопло. Наконец вылезли они из трясины и видят: на другом краю болотины, прямо перед ними сидит сам князь — да глупый-преглупый! Сидит и ест пряники писаные. Обрадовались головотяпы: вот так князь! Лучшего и желать нам не надо!

— Кто вы такие, и зачем ко мне пожаловали? — молвил князь, жуя пряники.

— Мы — головотяпы! Нет нас народа мудрее и храбрее! Мы гуще-дов — и тех победили! — хвастались головотяпы.

— Что же вы еще сделали?

— Мы щуку с яиц согнали, Волгу толокном замесили.. — начали перечислять головотяпы, но князь не захотел их и слушать.

— Я уж на что глуп, а вы еще глупее меня! Разве щука сидит на яйцах? Или можно разве вольную реку толокном месить? Нет не головотяпами следует вам называться, а глуповцами! Не хочу я владеть вами, а ищите себе такого князя, которого нет на свете глупее!

Задумались головотяпы: надул рукосуй, курицын сын! Сказывал, нет этого князя глупее — а он умный! Однако воротились домой, и опять стали сами собой устраиваться. Под дождем онучи сушили, на сосну Москву смотреть лазили. И все нет, как нет порядку, да и полно. Тогда надоумил всех Петра Комар.

— Есть у меня, — сказал он, — друг-приятель, по прозванию вор-новотор, уж если экая выжига князя не сыщет, так судите вы меня судом милостивым, рубите с плеч мою голову бесталанную!

С таким убеждением высказал он это, что головотяпы послушались и призвали вора-новотора. Долго он торговался с ними, просил за розыск алтын и деньгу, головотяпы же давали грош, да животы свои в придачу. Наконец, однако, кое-как сладились и пошли искать князя.

— Ты нам такого ищи, чтоб немудрый был! — говорили головотяпы новотору-вору. — На что нам мудрого-то, ну его к ляду!

И повел их вор-новотор сначала все ельничком да березничком, потом чащей дремучею, потом перелеском, да и вывел прямо на поляночку, а посередь поляночки князь сидит.

Как взглянули головотяпы на князя, так и обмерли. Сидит перед ними князь, да умной-преумной, в ружьецо попаливает, да сабелькой помахивает. Что ни выпалит из ружьяца, то сердце насквозь прострелит, что ни махнет сабелькой, то голова с плеч долой. А вор-новотор, сделавши такое пакостное дело, стоит, брюхо поглаживает да в бороду усмежается.

— Что ты! С ума, никак, спятил! Пойдет ли этот к нам? Во сто раз глупее были, — и те не пошли! — напустились головотяпы на новотора-вора.

— Ништо! Обладим! — молвил тот. — Дай срок, я глаз на глаз с ним слово перемолвлю.

Видят головотяпы, что вор-новотор кругом на кривой их объехал, а на попятный уж не смеют.

— Это, брат, не то, что с «кособрюхими» лбами тятаться! Нет, тут, брат, ответ подай: каков таков человек? Какого чину и звания?

А вор-новотор этим временем дошел до самого князя, снял перед ним шапочку соболиную и стал ему тайные слова на ухо говорить. Долго они шептались, а про что — не слышать. Только и почуяли головотяпы, как вор-новотор говорил: «Драть их, ваша княжеская светлость, завсегда очень свободно».

Наконец и для них настал черед встать пред ясными очами его княжеской светлости.

— Что вы за люди? И зачем ко мне пожаловали? — обратился к ним князь.

— Мы головотяпы! Нет нас народа храбрее, — начали было головотяпы, но вдруг смутились.

— Слыхал, господа головотяпы! — усмехнулся князь. — Весьма слышал! И о том знаю, как вы рака с колокольным звоном встречали — довольно знаю! Об одном не знаю, зачем же ко мне пожаловали?

— А пришли мы к твоей княжеской светлости вот что объявить: много мы промеж себя убивств чинили, много друг дружке разорений и наругательств делали, а все правды у нас нет. Иди и Володей нами!

— А у кого, спрошу вас, вы допрежь сего из князей, братьев моих, с поклоном были?

— А были мы у одного князя глупого, да у другого князя глупого ж, — и те владеть нами не похотели!

— Ладно. Владеть вами я желаю, — сказал князь, — а чтоб идти к вам жить — не пойду! Потому вы живете звериным обычаем: с беспробного золота пенки снимаете, снох портите! А вот посылаю к вам, заместо себя, самого этого новотора-вора: пуцай он вами дома правит, а я отсель и им и вами помыкать буду!

Понурили головотяпы головы и сказали:

— Так!

— И будете вы платить мне дани многие, — продолжал князь, — у кого овца ярку принесет, овцу на меня отпиши, а ярку себе оставь, у кого грош случится, тот разломи его начетверо: одну часть мне отдай, другую мне же, третью опять мне, а четвертую себе оставь. Когда же пойду на войну — и вы идите! А до прочего вам ни до чего дела нет!

— Так! — отвечали головотяпы.

— И тех из вас, которым ни до чего дела нет, я буду миловать, прочих же — казнить.

— Так! — отвечали головотяпы.

— А как не умели вы жить на своей воле и сами, глупые, пожелали себе кабалы, то называться вам впредь не головотяпами, а глуповцами.

— Так! — отвечали головотяпы.

Затем приказал князь обнести послов водкою да одарить по пирогу, дв по платку алому, и, обложив даями многими, отпустил от себя с честью.

Шли головотяпы домой и вздыхали. «Воздыхали не ослабляючи, вопияли сильно!» — свидетельствует летописец. «Вот она, княжеская правда, какова!» — говорили они. А еще говорили: «Такали мы, такали, да и протакали!» Все ниже понуривались головы головотяпов. «Были между ними, — говорит летописец, — старики седые, и плакали горько, что сладкую волю прогуляли, были и молодые, кои той воли едва отведали, но и те тоже плакали. Тут только познали все, какова такова прекрасная воля есть».

Но драма уже свершилась бесповоротно. Прибывши домой, головотяпы немедленно выбрали болотину и, заложив на ней город, назвали Глуповым, а себя по тому городу — глуповцами.

Но вору-новотору эта покорность была не по нраву. Ему нужны были бунты, ибо усмирением их он надеялся и милость князя себе снискать, и собрать хабару с бунтующих. И начал он донимать глуповцев всякими неправдами, и действительно, не в долгом времени возжег бунты. Взбунтовались сперва заугольники, а потом сычужники. Вор-новотор ходил на них с пушечным снарядом, палил неослабляючи и, перепалив всех, заключил мир, то есть у заугольников ел палтусину, у сычужников — сычуги. И получил от князя похвалу великую. Вскоре, однако, он до того проворовался, что слухи о его несытом воровстве дошли даже до князя. Распался князь крепко и послал неверному рабу петлю. Но новотор, как сущий вор, и тут извернулся: предварил казнь тем, что, не выждав петли, зарезался огурцом.

После новотора-вора пришел «заместь князя» одоевец, тот самый, который «на грош постных яиц купил». Но и он догадался, что без бунтов ему не жизнь, и тоже стал донимать. Полнялись кособрюхие, калашники, солломатники — все отстаивали старину да права свои. Одоевец пошел против бунтовщиков и тоже начал неослабно палить, но, должно быть, палил зря, потому что бунтовщики не только не смирялись, но увлекли за собой чернонебых и губошлепов. Услыхал князь бестолковую пальбу бестолкового одоевца и долго терпел, но напоследок не стерпел: вышел против бунтовщиков собственною персоною и, перепалив всех до единого, возвратился восвояси.

— Посылал я сущего вора — оказался вор, — печалился при этом князь, — посылал одоевца по прозванию «продай на грош постных яиц» — и тот оказался вор же. Кого пошлю ныне?

Долго раздумывал он, кому из двух кандидатов отдать преимущество: орловцу ли — на том основании, что «Орел да Кромы — первые воры»,

или шуянину, на том основании, что он «в Питере бывал, на полу сыпал, и тут не упал», но, наконец, предпочел орловца, потому что он принадлежал к древнему роду «Проломленных Голов». Но едва прибыл орловец на место, как встали бунтом старичане и, вместо воеводы, встретили хлебом-солью петуха. Поехал к ним орловец, надеясь в Старице стерлядями полакомиться, но нашел, что там «только грязи довольно». Тогда он Старицу сжег, а жен и дев Старицких отдал самому себе на поругание. «Князь же, уведав о том, урезал ему язык».

Затем князь еще раз попробовал послать «вора попроще», и в этих соображениях выбрал калязинца, который «свинью за бобра купил», но этот оказался еще пущим вором, нежели новотор и орловец. Взбунтовал семендяевцев и заозерцев и «убив их, сжен».

Тогда князь выпучил глаза и воскликнул:

— Несть глупости горشيا, яко глупость!

И прибыв собственною персоною в Глупов, возопил:

— Запорю!

С этим словом начались исторические времена... □

Эрнест Хемингуэй

БОЕЦ

Эрнест Хемингуэй оставил богатое литературное наследие, причем при жизни писателя читатель сумел познакомиться далеко не со всеми его произведениями. Что-то только готовилось к публикации, что-то ждало своего часа. Вот и рассказы Ника Адамса — Хемингуэй писал их на протяжении всей жизни — так и не вышли отдельным сборником, а некоторые, такие, как «Боец», ранее не публиковались

Ник встал — вроде бы ничего не сломано. Взглянул вверх рельсов на задние огни служебного вагона товарняка, исчезающего за поворотом дороги. По обе стороны железнодорожных путей поблескивала вода, дальше тянулось болото.

Он ощупал колено. Штаны разорваны, кожа содрана. На руках ссадины, под ногти забились песок и зола. Подошел к краю насыпи, спустился по невысокому склону к воде и начал тщательно мыть руки в холодной воде, вычищая грязь из-под ногтей. Потом присел на корточки и промыл колено.

Эта сволочь, тормозной кондуктор! Он до него еще доберется. Он с ним еще встречается. И уж тогда тот свое получит.

«Поди сюда, паренек, я тебе кое-что покажу».

Надо же, попался на удочку, как дите малое. Но уж больше его не проведут.

«Поди сюда, паренек, я тебе кое-что покажу». Потом — бац, и он на четвереньках у самых рельсов.

Ник потерял глаз, над которым вспухала большая шишка. Непременно синяк будет, все так. Глаз уже болел. Этот чертов тормозной кондуктор!

Он прикоснулся кончиками пальцев к шишке над глазом. Да ладно, будет синяк, только и всего. Он еще легко отделался. Хотелось посмотреть, как его разукрасило, но в воде не увидишь. Кроме того, уже стемнело, а от жилья он далеко. Ник вытер руки о штаны, встал и поднялся по насыпи к рельсам.

Шпалы практически засыпали балластным слоем, так что идти было легко. Нога твердо ступала по утрамбованному песку и гравиям. Насыпь, ровная, как шоссе, пересекала болото. Он шел и шел, чтобы скорее добраться до людей.

На товарный поезд Ник вскочил неподалеку от грузовой станции Уолтона, когда поезд замедлил ход. Калкаску поезд миновал, когда уже начало темнеть. Ник полагал, что теперь находится неподалеку до Манселоны: их разделяли три-четыре мили сплошного болота. Он шагал по насыпи, стараясь ступать между шпалами. Болото терялось в поднимающемся тумане, глаз болел, и хотелось есть. Но он все шел и шел, оставляя позади милю за милей. По обе стороны насыпи все время тянулось неизменное болото.

Показался мост. Ник пересек его, каждый шаг гулко отдавался от металла. Внизу, в щелях между шпалами, чернела вода. Ник столкнулся ногой валявшийся на мосту костыль, и он упал в воду. За мостом начались холмы. Высокие черные, они поднимались по обе стороны железнодорожных путей. Вдруг впереди Ник увидел огонек и, осторожно ступая, пошел прямо на него. Костер горел чуть в стороне от насыпи, был виден только его отсвет. Железную дорогу проложили между холмами, и там, где горел костер, ровный участок расширился и поляной вдавался в лес. Ник осторожно спустился с насыпи и углубился в лес. Он был буквый, и, лавируя между деревьями, Ник чувствовал под ногами шелуху буквых орешков.

Наконец, у самой лесной опушки, он увидел костер. Возле него сидел мужчина. Ник остановился за деревом, пригляделся. Судя по всему, мужчина был один. Он сидел, подперев голову руками, и смотрел на огонь. Ник шагнул вперед, войдя в световой круг.

Человек не шевельнулся, даже когда Ник остановился близко от него.

— Привет! — поздоровался Ник.

Мужчина вскинул на него глаза и только спросил:

— Где фонарь заработал?

— Тормозной кондуктор двинул.

— Скинул с товарного?

— Да.

— Видел этого мерзавца, — кивнул мужчина. — Проехал здесь часа полтора назад. Шел по крышам вагонов, похлопывал себя по бокам и распевал.

— Подонок!

— Он, наверное, рад, что спихнул тебя, — голос мужчины звучал серьезно.

— Я еще отплачу ему.

— Подстереги его с камнем, когда он будет проезжать обратно, — посоветовал мужчина.

— Я обязательно доберусь до него.

— Ты парень упертый, да?

— Нет, — ответил Ник.

— Все вы, мальчишки, упертые.

— Приходится быть упертым, — насутился Ник.

— Вот и я говорю, — посмотрел на Ника мужчина и улыбнулся.

На свету Ник увидел его обезображенное лицо. Расплющенный нос, глаза — щелки, бесформенные губы. Это лицо странной формы походило на размалеванную маску и в свете костра казалось мертвым.

— Что, не нравится моя сковородка? — спросил мужчина.

— Да ладно вам, — смутился Ник.

— Посмотри сюда. — Мужчина снял шапку.

У него осталось только одно ухо, опухшее и плотно прилегающее к голове. Вместо другого уха торчал маленький безобразный обрубок.

— Видал когда-нибудь такое?

— Нет, — ответил Ник. Его чуть замутило.

— Я могу с этим жить, — продолжал мужчина. — Ты же видишь, парень, что могу?

— Будьте уверены!

— Они обломали об меня свои кулаки. А мне хоть бы что. Садись. Есть хочешь?

— Не беспокойтесь, — ответил Ник. — Я иду в город.

— Слушай, зови меня просто Эд.

— Само собой!

— Знаешь, со мной не все в порядке.

— А что с вами?

— Я — чокнутый. — Мужчина натянул на себя шапку, и Нику вдруг стало смешно.

— Да все с вами в порядке, — улыбнулся он.

— Нет, не все. Я — чокнутый. Послушай, ты был когда-нибудь чокнутым?

— Нет, — покачал головой Ник. — Отчего это случается?

— Не знаю, — ответил Эд. — Происходит — и ты не замечаешь как. Ты ведь знаешь меня?

— Нет.

— Я — Эд Френсис.

— Быть не может!

— Не веришь?

— Верю.

— Знаешь, чем я их брал?

— Нет, — ответил Ник.

— У меня медленное сердце. Бьется всего сорок раз в минуту. Пощупай. — Видя, что Ник колеблется, Эд взял его за руку. — Давай, положи пальцы мне на запястье. Вот так.

Запястье у него было толстое, кости облегали крепкие мышцы. Под пальцами Ник почувствовал медленное биение.

— Часы есть?

— Нет.

— У меня тоже нет, — вздохнул Эд. — Ничего не выйдет, если часов нет.

Ник отпустил руку.

— Знаешь, возьми снова. Ты считай удары, а я буду считать до шестидесяти.

Ощущая под пальцами медленные, резкие удары, Ник слышал, как Эд медленно и громко отсчитывает вслух: раз, два, три, четыре, пять...

— Шестьдесят, — закончил он. — Минута. А у тебя сколько?

— Сорок, — ответил Ник.

— Верно! — обрадовался Эд. — Никогда не учащается.

С насыпи спустился какой-то человек и, пересекая поляну, направился к костру.

— Привет, Багс! — поздоровался Эд.

— Привет! — ответил Багс.

По выговору чувствовалось, что это негр. Ник уже по шагам знал, что это негр. Он стоял к ним спиной, наклонившись к огню. Потом выпрямился.

— Это мой друг, Багс, — представил подошедшего мужчину Эд. — Он тоже чокнутый.

— Рад познакомиться. — Багс смотрел на Ника. — Так вы откуда, говорите?

— Из Чикаго, — ответил Ник.

— Славный город, — кивнул негр. — Я не расслышал, как вас зовут?

— Адамс. Ник Адамс.

— Он говорит, что никогда не был чокнутым, Багс, — поделился Эд.

— У него еще все впереди, — ответил негр. Стоя у огня, он разворачивал принесенный с собой сверток.

— Скоро есть будем, Багс? — спросил бывший боксер.

— Прямо сейчас.

— Ты голоден, Ник?

— Чертовски.

— Слышишь, Багс?

— Я обычно все слышу.

— Да я не о том спрашиваю.

— Да. Я слышал, что сказал этот господин.

Он клал на сковородку куски окорока. Когда сковородка накалилась, и жир заскворчал, Багс, нагнувшись над костром на длинных, как у всех негров, ногах, перевернул куски окорока и стал разбивать о сковородку яйца, выливая их на горячий жир.

— Вас не затруднит нарезать хлеб, мистер Адамс? — повернулся Багс к Нику. — Вон из того мешка.

— С удовольствием.

Ник подошел к мешку, достал каравай хлеба и отрезал шесть ломтей.

Эд приподнялся и наклонился вперед, наблюдая за ним.

— Дай-ка мне нож, Ник, — попросил он.

— Нет, не давайте, — вмешался негр. — Держите нож крепче, мистер Адамс.

Эд вновь сел.

— Будьте добры, передайте мне этот хлеб, мистер Адамс, — попросил Багс.

Ник принес ему нарезанные ломти.

— Любите макать хлеб в растопленный свиной жир? — спросил негр.

— Еще бы!

— Этим лучше займемся потом, на закуску. Пожалуйста.

Негр взял кусок окорока, положил на ломоть, сверху прикрыл яйцом.

— Теперь накройте еще куском хлеба и передайте, пожалуйста, сэндвич мистеру Френсису.

Эд взял сэндвич и принялся за еду.

— Смотрите, чтобы яйцо не потекло, — предупредил негр. — Это вам, мистер Адамс. Остальное — мне.

Ник впился зубами в сэндвич. Негр сидел против него, рядом с Эдом. Горячий поджаренный окорок с яйцом — что может быть вкуснее?

— Мистер Адамс здорово проголодался, — отметил негр.

Эд сидел молча. Он не произнес ни слова после того, как негр не позволил Нику отдавать нож.

— Могу я предложить вам обмакнуть хлеб в растопленный жир? — спросил Багс.

— Большое спасибо.

— А вам, мистер Адольф Френсис?

Эд не отвечал. Смотрел на Ника.

— Я обращаюсь к вам, мистер Френсис! — вновь послышался мягкий голос негра.

Эд снова не ответил, продолжая смотреть на Ника.

— Я вас спрашиваю, мистер Френсис, — мягко повторил негр.

Эд молча надвинул шапку на глаза, и Нику почему-то стало не по себе.

— Какой черт тебя сюда принес? — раздался резкий голос из-под шапки. — Кого ты из себя корчишь? Говнюк сопливый! Приходишь сюда, хотя никто тебя не звал, жрешь чужую еду, а по-

просишь нож, так корчишь из себя хрен знает кого. — Эд не спускал глаз с Ника, лицо у него побледнело. — Недоносок! Кто просил тебя притаскивать сюда свой зад?

— Никто.

— Правильно, черт подери, никто. И оставаться никто не просил. Пришел, наговорил гадостей о моем лице, курит мои сигары, пьет мое вино, да еще рассуждает, сопляк! Думаешь, тебе это так сойдет?

Ник ничего не ответил, и Эд поднялся.

— погоди, трусливая чикагская свинья! Я тебе голову проломлю! Понял?

Ник отступил на шаг. Маленький человечек медленно шел на него, тяжело ступая, выставляя вперед левую ногу и потом подтягивая к ней правую.

— Ударь меня! — качнул он головой. — Возьми и ударь!

— Я не хочу бить вас.

— Тебе это так не сойдет. Я тебя взгрею, слышишь? Так что подойти и ударь первым.

— Бросьте вы, — ответил Ник.

— Ах, ты так, мерзавец!

Эд посмотрел на ноги Ника. А когда собрался перевести взгляд на негра, шедшего следом за ними, тот нацелился и ударил его прямо по основанию черепа. Эд упал на живот, и Багс отбросил дубинку, обмотанную тряпкой. Эд лежал, уткнувшись лицом в траву. Негр поднял его и отнес к костру. Лицо бывшего боксера выглядело ужасно, но ему удалось открыть глаза. Багс бережно положил его на землю.

— Принесите, пожалуйста, в ведре воды, мистер Адамс, — попросил он. — Боюсь, что ударил его чересчур сильно.

Негр брызнул Эду в лицо водой и осторожно потянул за оставшееся ухо. Глаза снова закрылись.

Негр выпрямился и с облегчением проговорил:

— Все в порядке. Беспокоиться нечего. Простите, мистер Адамс.

— Ничего, ничего.

Ник смотрел вниз, на лежащего мужчину. Увидел на траве дубинку и поднял ее. Ручка гнула под пальцами, черная кожа истерлась, а тяжелый конец Багс обмотал носовым платком.

— Ручка из китового уса, — улыбнулся негр. — Таких теперь не делают. Я не знал, сумеете ли вы с ним справиться, и потом, не хотел, чтобы вы причинили ему боль или изуродовали еще больше.

— Но вы ведь сами его ударили.

— Я знаю, как ударить. Он даже не вспомнит. Мне приходится это делать, чтобы успокоить его в таких ситуациях.

Ник все еще смотрел на маленького человечка, лежавшего с закрытыми глазами в свете костра. Багс подбросил дров в огонь.

— Не бойтесь за него, мистер Адамс. Я вижу его таким не первый раз.

— Отчего он свихнулся? — спросил Ник.

— От многого, — ответил негр, стоя у костра. — Не хотите ли чашку кофе, мистер Адамс? — Он протянул Нику чашку и поправил куртку, которую подложил под голову потерявшего сознание мужчины. — Во-первых, его слишком много били. Но от этого он только поглупел. Менеджером у него была сестра, и в газетах всегда писали всякое про братьев и сестер, и о том, как она любила брата, и как он любил сестру, и они поженились в Нью-Йорке, и из-за этого вышло много неприятностей.

— Я это помню.

— Естественно. Конечно, они такие же брат с сестрой, как заяц и лиса, но все равно, многим это не понравилось, и между ними начались ссоры, и однажды она просто уехала и больше не вернулась. — Багс допил кофе и вытер губы розовой ладонью. — Он сразу и сошел с ума. Хотите еще кофе, мистер Адамс?

— Спасибо.

— Я видел ее пару раз, — продолжал негр. — Очень красивая женщина. Выглядела точь-в-точь как он. Он-то бы совсем недурен, пока ему не изуродовали лицо. — Он замолчал. Казалось, рассказ на этом закончился.

— Где вы с ним познакомились? — спросил Ник.

— В тюрьме, — ответил негр. — Он начал бросаться на людей, после того как она ушла, и его посадили в тюрьму. А меня — за то, что человека порезал. — Багс улыбнулся и продолжал все тем же мягким голосом: — Он мне сразу понравился, и, выйдя из тюрьмы, я его разыскал. Ему нравится считать меня тоже чокнутым, а я не возражаю.

Меня его компания устраивает, и я люблю путешествовать, да и воровать при этом не приходится. Мне нравится жить, не нарушая закона.

— Что же вы с ним делаете?

— Да ничего, просто ездим с места на место. У него есть деньги.

— Он, наверно, здорово зарабатывал?

— Еще бы! Хотя уже почти все растратил. А может быть, его обворовали. Она присылает ему деньги. — Длинной веткой он пошебуршил в костре и добавил: — Она замечательная женщина, и похожа на него, как две капли воды.

Негр оглянулся на маленького человечка, который тяжело дышал. Его светлые волосы свисали на лоб, изуродованное лицо стало по-детски безмятежным.

— Его пора приводить в чувство, мистер Адамс. Не сердитесь, но я думаю, вам лучше уйти. Не хочу быть невежливым, но, увидев вас, он может опять выйти из себя. Терпеть не могу бить его, но это единственный способ его успокоить, когда он разоидется. Мне приходится держать его подальше от людей. Вы не возражаете, мистер Адамс? Нет, не благодарите меня, мистер Адамс. Мне следовало предупредить вас, но вы ему вроде бы очень понравились, и я надеялся, что все обойдется. До города по железной дороге примерно две мили. Он называется Манселона. Прощайте! Я бы с удовольствием пригласил вас переночевать с нами, но об этом и говорить не приходится. Может, возьмете с собой хлеба с окороком? Нет? Возьмите все-таки сэндвич. — Все это он произносил низким, ровным, вежливым голосом. — Вот и хорошо. Прощайте, мистер Адамс. Прощайте, и всего вам доброго!

Ник направился через поляну к железнодорожным путям. Оказавшись в темноте, прислушался. Негр продолжал говорить, но слов уже не было слышно. Потом раздался жалобный голос маленького человечка:

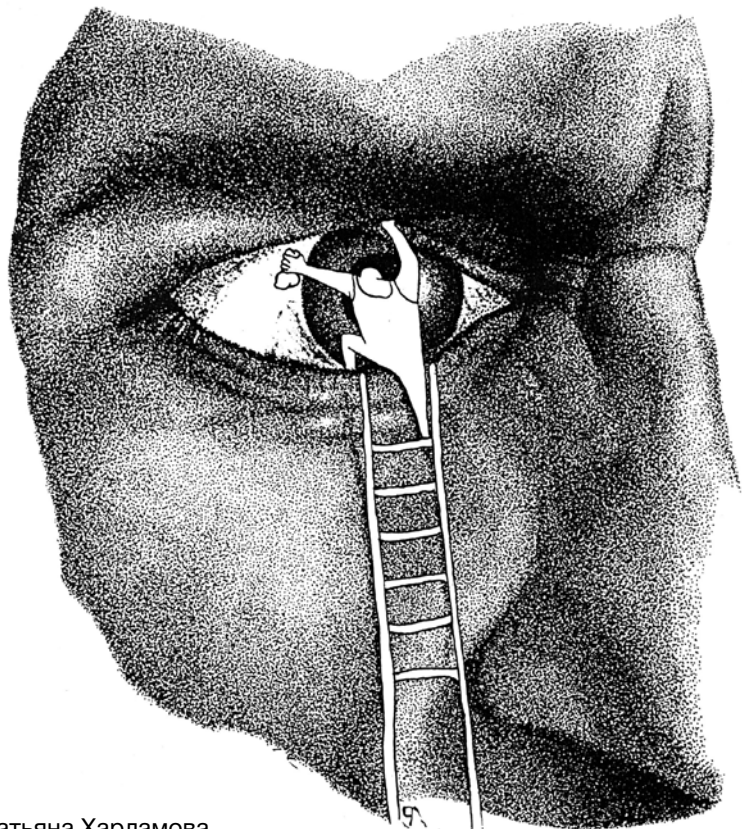
— У меня ужасно болит голова, Багс.

— Ничего, пройдет, мистер Френсис, — утешал негр. — Выпейте чашку горячего кофе.

Ник поднялся на насыпь и пошел по шпалам. Заметил, что держит в руке сэндвич с окороком, и сунул его в карман. Пока рельсы не обогнули холм, он, если оглядывался, видел отсвет костра у опушки леса. □

ТОГДА И СТАРОСТЬ

Татьяна Харламова

В РАДОСТЬ

Георгий Сытин — уникальный человек и выдающийся русский ученый с мировым именем, основатель нового научного направления самовосстановления здоровья при болезнях и старении. Автор 50 монографий и десяти томного руководства по самовосстановлению здоровья, высокоэффективных методик оздоровления и омоложения. Все его титулы трудно перечислить. Под его научным руководством российские ученые открыли кафедру в Московском институте медико-социальной ре-

билитации. Руководитель Всероссийского центра психологической поддержки населения, академик Сытин — единственный врач, трижды доктор наук, который удостоен создания университета его имени. В этом году он отметил свое девяностолетие, и все так же продолжает лечить людей.

В Российской Академии медицинских наук исследовали его биологический возраст и пришли к выводу, что он соответствует пятидесяти годам при календарных девяноста..

... Чтобы попасть на бесплатный сеанс омоложения, пришлось два часа стоять в очереди, а потом брать дверь штурмом, прорываясь по крутым ступеням сквозь толпу бабушек, желающих обрести «вторую молодость». Зато кое-какие позна-

ния об эффективности «системы Сытина» удалось приобрести, еще не переступая порога его салона. Одна дама с энтузиазмом демонстрировала щеки, на которых раньше были морщины, а теперь нет. Другая рассказывала о своем бра-

те, который с помощью методик Сытина и похудел, и вылечил язву, и нашел работу. Все это звучало и выглядело интригующе...

И вот, наконец, нас рассказывают в просторной красивой комнате. Появление Сытина вызвало легкий восхищенный переполох, а у меня — некоторое разочарование. Перед нами стоял седой старик. Но, как выяснилось потом, внешняя оболочка совершенно не соответствовала внутренней сути. Под «сутью» я имею в виду не только дух, но и тело.

Георгий Николаевич попросил одну из женщин пощупать его бицепсы, и та восхищенно зацокала языком — как сталь!

Сеанс начался в атмосфере полного доверия, и мы «наполнялись» минут сорок, мысленно повторяя за доктором его «настрой на омоложение тела»...

Конечно, никакого чуда не свершилось, то есть бабушки не превратились в молодых красоток, но покидали все зал, радостно улыбаясь, может быть, поэтому казались все-таки помолодевшими...

А для того, чтобы чудо свершилось, нужно, оказывается, работать и работать. Методика Георгия Сытина, в сущности, очень проста — воздействие на сознание, самоубеждение с помощью мощных каждодневных волевых усилий. Это антипод гипнозу, подавлению воли в себе. Его метод внедрен в медицинскую практику Минздравом России.

Прежде всего, Сытин опробовал свои «настрои» на себе. Он считает, что самоубеждение может победить и судьбу, и любую болезнь. Пример тому — его собственная жизнь. Девять ранений во время войны, инвалидность первой группы, затем тридцать пять лет непрерывной травли, шестнадцать увольнений с работы за так называемый «идеализм». Такое кого угодно в могилу сведет.

— Еще в госпитале, — рассказывает Георгий Николаевич, — я понял, что медицина мне не может помочь. Тогда и решил сам себя оздоровить, восстанавливать свое тело. Составлял тексты-настрои и мысленно прочитывал их сотни раз каждый день. Через три года я уже

забыл об инвалидности и решил поделиться опытом с коллегами...

В своей жизни он провел немало экспериментов. Особенно интересно было готовить космонавтов к условиям невесомости. В штормовую погоду выезжали на яхтах на Ладогу. Волны достигали трех с половиной метров, швыряли суденышки

для МЧС. Ведь иной раз они по несколько суток находятся в экстремальных условиях, разгребая завалы после землетрясений и оползней, вытаскивая людей из огня. Не у всех хватает на такую работу сил и нервов. Иных спасателей приходится потом самих спасать от переутомления и перегрузок.

В своей жизни он провел немало экспериментов. Особенно интересно было готовить космонавтов к условиям невесомости. Сегодня Георгий Николаевич занимается подготовкой спасателей для МЧС

как игрушки. И в этих тяжелых условиях нужно было трое суток непрерывно и активно работать. Сон режимом не предусматривался. Специальные приборы фиксировали активность мозга. Так вот, у тех, кто слушал и читал настрои, эта активность сохранялась и на четвертые сутки. Сна — ни в одном глазу. Те же, кто не пользовался «настроями», засыпали на вторые сутки.

Сегодня Георгий Николаевич занимается подготовкой спасателей

Оказывается, во время непрерывной деятельности в организме человека скапливаются молочная кислота и мочевина. От этого и усталость, и депрессии. Накануне эксперимента, в течение пятидесяти часов спасатели читают настрои. Так вот, у тех, кто их усваивает, кровь остается чистой, и высокая работоспособность сохраняется на протяжении нескольких суток.

Поражают и результаты экспериментов со спортсменами. Стрель-

бы, например, проводились после трехдневных непрерывных занятий и нагрузок. Тем не менее, те, кто не держал в руках никогда оружия, стреляли как перворазрядники.

Так что сфера применения «сытинских методик» очень широкая.

голизма, и против курения, и на активизацию мужской силы, и на исцеление от различных болезней. Пациентка Георгия Сытина, больная раком, переписала рекомендованный ей исцеляющий «настрой» две тысячи раз. Сделали

Академиком Сытиным создано уже более двадцати пяти тысяч «настроев» — и на усиление воли, и на омоложение души и тела, и на здоровый сон, и на преодоление алкоголизма и курения, а также на преодоление ракового заболевания, лейкемии и шизофрении...

Академиком Сытиным создано уже более двадцати пяти тысяч «настроев». И на усиление воли, и на омоложение души и тела, и на здоровый сон, и на преодоление алко-

повторное обследование — опухоль исчезла. А недавно Георгия Николаевича посетила пациентка из США. Благодаря лечению «посытински», она преодолела чет-

вертую стадию рака. Сейчас совершенно здорова.

Георгий Николаевич хранит толстые тетради, исписанные почерком своих пациентов, как реликвии. Есть случаи излечения лейкемии, шизофрении — болезней, против которых медики бессильны. Во время «женских сеансов» многие дамы избавляются от морщин, восстанавливается натуральный цвет волос, свежесть кожи.

Главное — воля. Поэтому Георгий Николаевич скромно считает себя лишь «активизатором» успеха. Из дня в день, в течение многих месяцев, нужно прослушивать, читать или переписывать определенный «настрой», чтобы добиться успеха. А иначе ничего не получится. Это только кажется, что все легко, как в сказке, — прочитал, настроился и омолодился.

С другой стороны, все действительно элементарно просто — сродни утренней гимнастике или шейпингу, или приему лекарства. И дел-то всего — слушай сорок минут текст и

старайся его прочувствовать. Зато результат может быть сногсшибательным. Через восемь месяцев таких ежедневных занятий можно омолодиться на тридцать лет. Только не перестарайтесь, а то в одно прекрасное утро проснетесь младенцем.... К счастью, подобное еще не зафиксировано.

Георгий Сытин продолжает эксперимент над собой, которому Минздравом дан статус государственного. Каждый день во время его чтения «настроя» для себя ведется видеосъемка — «для истории». Заключение медиков сенсационны: нервной системе Сытина позавидуют тридцатилетние, сердце работает как часы, упругая кожа, мускулы молодого мужчины, запросто может поднять сто сорок килограммов! Георгию Николаевичу было семьдесят, когда он родил очаровательного малыша. Сын уже окончил школу с золотой медалью, сейчас — студент института имени Баумана.

Мы хотим предложить вашему вниманию несколько настроев Георгия Сытина.

Попробуйте, а вдруг...

НАСТРОЙ НА РАДОСТЬ ЖИЗНИ

«Новая здоровая новорожденная жизнь вливается в мою голову — во все мое тело. Я вся наполняюсь радостью. Я с каждой секундой живу веселей — радостнее, веселее — радостнее. Во все миллиарды нервных клеток головного мозга сразу, одновременно вливается новорожденная жизнь.

Все мои умственные способности развиваются быстрее -веселее-энергичнее. Вся душа поет от счастья, от радости жизни.

Радость жизни становится все более яркой, все более сильной. Она перекрывает все невзгоды, все трудности. Наперекор всем невздам, я живу все веселее-веселее, жизнерадостнее.

Радость наполняет всю мою жизнь, от пробуждения утром до отхода ко сну вечером. Наперекор всему, веселый-веселый огонек разгорается в моих глазах, вся душа поет от счастья — от радости жизни...»

НАСТРОЙ НА ЗДОРОВЫЙ СОН

«...Я готовлюсь к здоровому крепкому ночному сну. Когда я лягу спать, едва моя голова коснется подушки, я сразу засну спокойным крепким блаженным сном на всю ночь до самого утра. Я всю ночь буду спать абсолютно спокойно, безмятежно спокойно.

Я вся насквозь успокоилась. Как зеркальная гладь озера, я абсолютно спокойна. Сон надвигается на меня со всех сторон, сон обволакивает меня со всех сторон. Я вся наполняюсь покоем и сном. Я погружаюсь в море глубокого сна. Все мышцы расслабляются — засыпают спокойным детским сном. Глубокий сон — глубокий сон — глубокий сон...»

НАСТРОЙ НА ОМОЛОЖЕНИЕ И УСТОЙЧИВОСТЬ ВОЛИ

«Я настраиваюсь на веселую, молодую, энергичную жизнь и сейчас, и через тридцать, и через сто лет.

Все изменения в моем теле, происшедшие после семнадцати-двадцати лет, навсегда уходят из моего тела в пространство Вселенной. Я прихожу в соответствие с юным возрастом, сохраняя свои знания и жизненный опыт. Свежесть юности рождается в моем лице, все лицо наполняется ровным розовым светом, ярко-красным цветом наполняются мои губы. Все лицо наполняется монолитной крепостью. Мое лицо — молодое, гладкое, крепкое. Белки глаз быстро светлеют, становятся яркими, как снег на солнце. Я отчетливо чувствую, как здорověю, молодею, в мою психику вливается здоровая стальная крепость. Каждый прожитый день увеличивает продолжительность моей будущей жизни. Я живу по закону: чем старше, тем моложе.

Я постоянно поддерживаю полную боевую готовность к преодолению всех вредных влияний, разрушающих настрой на веселую долголетнюю молодую жизнь. Я постоянно подавляю влияние разговоров людей о кратковременной человеческой жизни, о болезнях и смерти, я знаю, что

ко мне это не имеет никакого отношения, как к человеку, живущему по закону: чем старше, тем моложе. Я постоянно создаю себе защиту от всех вредных влияний.

Я человек смелый, уверенный в себе, все могу и ничего не боюсь. Я твердо знаю, что, если даже все невзгоды обрушатся на меня сразу, им не сокрушить моей могучей воли. И потому я смотрю миру в лицо, ничего не боясь. Среди всех житейских ураганов и бурь непоколебимо стою как скала, о которую сокрушается любой негатив.

Предо мной открылись все пути, все дороги в долголетнюю энергично-веселую молодую жизнь. Я наполняюсь солнечной радостью жизни, во мне всегда цветет-цветет весна, неугасимый веселый огонек всегда горит в моих глазах, на моем лице всегда веселая светлая улыбка. Все внутренние органы работают энергично и весело. Моя походка веселая-веселая, быстрая, иду — на крыльях лечу.

Я настраиваюсь на развитие своих способностей сейчас, и через тридцать, и через сто лет...Рождается энергичное, как молния, мышление, рождается яркая крепкая молодая память. Все мои способности энергично развиваются...Неугасимый веселый огонек всегда горит в моих глазах...»

НАСТРОЙ НА ПОКОЙ И РАДОСТЬ

«Все тревоги исчезли, все абсолютно спокойно... совершенно спокойно, безмятежно спокойно. Все заботы ушли, все тревоги исчезли, я весь наполняюсь блаженным покоем: совсем спокойно, абсолютно спокойно, совершенно спокойно. Успокоилась душа, успокоилось сердце. Все тревоги исчезли на все времена, вся душа наполняется абсолютным покоем...»

НАСТРОЙ НА СИЛУ ДУХА

«В миллионы раз возрастает моя сила духа. Рождается божественная, всепобеждающая сила духа. Наперекор всем противодействующим внешним силам, я непоколебимо сохраняю прекрасное самочувствие, веселое, жизнерадостное настроение. Я могучими волевыми усилиями подавляю все вредные влияния внешней среды... Я добиваюсь всего, что мне хочется... Я непоколебимо сквозь все преграды иду к намеченной цели...»

Человеческие возможности безграничны, главное, как любит по-вторять академик Сытин, — Желание и Воля. Так что — держайте! □

Новое имя

По профессии он — врач-кардиолог, но в его жизни огромное место занимает творчество. Причем, разностороннее — рассказы, стихи, участие в конкурсах, организация литературных встреч «Берновская осень», публикации в поэтических альманахах и многое другое. Одним словом, он — талантлив. Именно поэтому мы решили представить вам молодого поэта и прозаика из Твери Максима Страхова.

* * *

Серым орнаментом тени, скрестившись, легли,
Крошится свет сквозь зернистую матовость стекол.
В заводях поисков встали мои корабли
Слов, размышлений и доводов. Живо захоал
Филин потерь, что не спит в перелесках ночей,
Прожитых мной в тишине, ударованной теми,
Кто так хотел создавать благодатный ковчег,
Чтобы уплыть и понять недочет в теореме,
Где в треугольниках острыми стали углы
На перекрестках судеб и прерывистых линий...
Плавность движений и точность каленой иглы
Путь пробивали для ниток атласных и синих,
Чтобы морской, незатейливый ожил мотив
В кухне на скатерти, вышитой в мой День рожденья.
И попадая опять в цифровой объектив,
Мы улыбались и радостно ели варенье.
И лишь спустя приходила незримая явь
Тщетности веры в абсурдность чужих доказательств
Тех теорем, что отчаянно не доказав,
Мы разбегались, ныряя в аврал обстоятельств.
В тысячный раз выдыхая тугой никотин,
Вновь понимаю наивность упрямого Ноя
И представляю сюжетную легкость картин,
вышитых скоро твоей грациозной рукою.

* * *

Я гляжу в небеса и болтаю с продрогшими птицами,
Не задав им вопроса, ответы ловлю на лету.
Я увидел, как вяжется город огромными спицами
кем-то в кресло усевшимся, где-то совсем на верху.

Этот кто-то задумал создать ощущение праздника
и вплетает в сюжетный каскад разносолые цветов,
он с тревогой в глазах и натурой былого проказника
укрывает пейзаж под затейливым пледом зонтов.

Здесь по улицам вечером пляшет благое безумие,
поглощенное тайной былых пережитых веков,
а свидетели-сфинксы застыли в надменном раздумии
и усталостью взглядов своих рвут брезент облаков.

А художник ворчит, и сбиваются петли вязальные,
и стремится изнанка нырнуть в лицевые ряды,
но создатель уперт — распускаются нити спиральями,
и скрепят снова спицы под шелест седой бороды.

И петляет сюжет, и рыдают события красками,
и по-новому как-то молчат в полумраке мосты,
в арках тени ползут и на стенах сливаются масками,
округляя в овалы квадраты, углы и кресты.

Опускается ночь, тяжелея бездонными веками,
и оставлена пряжа до завтра на кресле лежать,
примеряю тайком этот город, любясь прорехами,
до утра. Чтоб согреться. А завтра вернуться опять.

* * *

Расстелилось седое поле
Мягким матовым одеялом,
А на небе, большом, усталом,
Одичала совсем луна.
Тишина, замерев от боли,
Схоронилась в большом овраге,
Вить ей хочется, как собаке,
Потому что она одна.
В черный бархат ночного неба
Звезды копья свои вонзают,
Блеск их жемчугом пропадает
В полумертвом речном плену,
И пшеничным кусочком хлеба
С роговицы воды пугливой
Как-то нежно, неторопливо
Лунный воск не спешит ко дну.
Где-то птица роняет звуки,
Утопая в глубинах счастья,
Ей сосна, обнажив запястья,
На ладонях гнездо несет.
И танцуют деревьев руки
Колыбелями хаотично,
И рождается песня птичья,
Что зарю, словно горн, зовет.

* * *

Убегаю от себя — в город,
Затонуть хочу в его мыслях,
У меня таких своих ворох,
Но они все сбежали в письма.
Я пишу их для Нее устно
И читаю каждый день ветру,
Он лишь ветками шумит грустно...
Не дожидаться на них ответа.
Я пытаюсь отравить время,
Не хватает мне опять яду.
Позабывтый, словно долг, всеми
Помолиться на асфальт сяду.
А потом пойду бродить ночью,
Собирать с воды рукой звезды.
Я увидел, как одна хочет
С неба к птичьим сигануть гнездам.
Не спроста она сюда прыгнет —
Чтобы птиц ночных спугнуть стаю,
Пусть летят, мою любовь выгнать,
Что поделаться с ней, я не знаю...

* * *

Мать холодной воды набрала из колодца,
По пути, из ведра напоив пастухов...
Вверх лениво ползет круглолицее солнце,
Из сарая звучит сонный хрип петухов...

Мягкий бабушкин голос разбудит мальчишку,
А в руках загорелых — кувшин с молоком.
Наспех им запивает ребенок коврижку
И к ведру умываться бежит босиком.

А потом с братом — к речке. Играть и резвиться,
Нарвать с корешками букет васильков,
И смотреть, как на отмели белая птица
В воде неуклюже пугает мальков...
...Однажды меня рассказать попросили
О том, как живется в стране нелегко.
Мне кажется, что не соврать о России
Сумеет тот мальчик, что пьет молоко.

(Из цикла рассказов «Вместо таблетки...»)

Пришелец

Когда санитарка приемного отделения Зоя Алексеевна ворвалась в хирургическую ординаторскую, там царил атмосфера «девятого сна». Ответственный дежурный мирно спал на старом плюшевом кресле, его коллега устроился неподалеку на сдвинутых стульях. Остальные дежурные и ординаторы рассредоточились по свободным палатам.

— Михаил Палыч, Михал Пааалыч, — тараторила в ухо не желающему просыпаться хирургу чем-то явно взволнованная санитарка, — вставайте, родимый, тут у нас тааакое...

Хирург, наконец, открыл глаза, поднял голову и, увидев Зою Алексеевну, недовольно пробурчал:

— Ёё-пперный балет! Зоя Сеевна, ну, что за дела! Когда вы дежурите, вечно что-нибудь происходит, не даете хирургам поспать спокойно. Ночь на дворе, а вы все за свое! А еще приемным покоем называетесь... Ну, что там у вас, опять канализацию прорвало?

— Михаил Палыч, тут это, у нас в приемном, как вам сказать, ну, гуманоид...

— Зоя Сеевна! — вскочив с кровати, проревел хирург. — Ты что, клеола нанюхалась или клофилину переборщила! Какие еще гуманоиды в чetyре утра! Имейте совесть-то!

— Какие, какой? Пьяный, вот какой! Пойдемте скорее, он меня спросо-нья чуть до смерти не напугал!

Через полчаса в ординаторской хирургического отделения была уже вполне бодрствующая обстановка. Все доктора и стажеры, дежурившие в эту ночь, расселись по креслам и углам и, попивая кофе и явно не сдерживая веселых эмоций, с интересом слушали рассказ ночного пришельца. Перед ними сидел вполне земной и цивилизный мужчина по имени Саша, прилично одетый и даже не очень-то пьяный. Одно только умиляло развеселившихся докторов — голова его была помещена в прозрачный стеклянный колпак шаровидной формы. Видимо, именно за этот атрибут всполошившаяся санитарка приняла его за «гуманоида».

Сам виновник сего незабываемого эпизода с удовольствием и подробненько рассказывал историю своей «болезни».

— Вчера днем я случайно встретил своего старого приятеля Борьку, которого лет семь не видел. Ну, за встречу, тем более с любимым другом, грех не выпить. Мы пошли в закусную и просидели там, пока нас не попросили удалиться, а сил, и главное, желания продолжить общение было еще предостаточно. Вот Боря и предложил зайти к нему домой, так сказать, «на чай». Мы прикупили в ночном магазине парочку «поллитрушек» и поехали к нему. Супруга его встретила нас не очень-то гостеприимно, даже чаю не предложила и устроила скандал в лучших театральных традициях. Я как-то смутился, растерялся, попробовал, было, попроситься с супругами, но Боря усадил меня на кухне, а сам вступил в переговоры с женой, вежливо попросив, чтобы она не чирикала лишнего и не портила настроение. Женщина все сразу поняла и спешно удалилась в комнату, демонстративно громко хлопнув при этом дверью. Борис махнул рукой и приказал вытаскивать из пакета наши покупки.

Когда мы приступили ко второй бутылке, Борис вдруг призадумался и лукаво спросил меня: «А ты все такой же смелый и изобретательный?» Я, естественно, ответил положительно, тогда он вызывающе крикнул: «Докажи! — Вытянул вперед руку и торжественно проговорил: — А слабо тебе, как в шестом классе, аквариум на голову надеть?» Ну, выпил я еще рюмочку для смелости и надел... прямо с рыбками. Вода хлынула на паркетный пол, а Боря захлопал в ладоши и буквально завизжал от удовольствия.

Когда пик озорства прошел, и мой друг убедился, что я с годами не потерял способность пошалить, мне захотелось снять с себя стеклянное «забрало», но не тут-то было! Аквариум никак не хотел покидать меня. Тут уж стало не до смеху. Как только я ни корячился — и угол подбирал, и шею растительным маслом смазывал — ничего не помогало. Тогда Борис выдвинул смелую идею — удариться головой об стол, чтобы разбить стекло. Мне эта идея сразу не понравилась, и я потребовал стеклорез.

Минут двадцать Борис потрошил свой столярный арсенал, безбожно матерился, обвиняя в бардаке жену и сына, но стеклореза так и не нашел. Но он не отчаялся и ушел к какому-то Толяну в соседний дом, уверив меня, что у него инструмент обязательно найдется.

Прошло минут пятнадцать, потом еще столько же, потом еще... От Бориса — ни слуху, ни духу. Я засуетился. Попытался ему позвонить — телефон лежал в нагрудном кармане куртки, мирно висевшей в коридоре. И тут произошло страшное — в коридор вышла, жутко матерясь, сонная и злая Борькина жена. Я тщетно пытался объяснить ситуацию, но она не хотела меня слушать и схватила молоток. Тут я понял, что Бориса лучше не дожидаться, и быстрее молнии выскочил из квартиры. Слава Богу, ей

не пришло в голову меня догонять. Видели бы вы ее! Если бы догнала, лежать мне сейчас в реанимации.

— А как ты, артист, до больницы-то добирался? На улице ночь, неужели на такси приехал? — требовали продолжения ухахатывающиеся хирурги.

— Да какое такси?! Тут пешком всего десять минут идти. Я пулей мчался! Сами понимаете, стресс. Однако тут произошло страшное...

— Неужели поскользнулся? — не унимались доктора.

— Хуже! Вот вы, мужики, гогочите, а мне не до смеху было. На улице — минус двадцать, я без куртки, в тапочках, а тут еще стекло аквариума запотело, когда я выскочил на улицу. Пока до вас добежал, постоянно этого гада вокруг шеи вертел, чтобы об затылок стенки вытирать.

Хирурги хохотали, требовали подробностей. Спать всем давно расхотелось, вряд ли после такого уснешь. «Пришелец» Саша на них не обижался, терпеливо рассказывал свою историю и сам заливался раскатистым смехом, понимая всю абсурдность ситуации. А когда закончил, вполне серьезно произнес:

— Мужики! Хватит уже издеваться! Вы же обещали, что, когда я вам все расскажу, вы тут же высвободите меня отсюда. Давайте уж побыстрее, а! Так покурить хочется — сил никаких нет!..

Послушная пациентка

Дежурного врача хирургического отделения, мирно сидевшего у телевизора в ординаторской, отвлек от просмотра ток-шоу телефонный звонок.

— Алло, — недовольно проговорил доктор.

— Тут женщину привезли, — услышал он, — «скорая» ставит диагноз — парапроктит. Спускайтесь, надо бы посмотреть и решить, будем укладывать или нет.

— А чего там смотреть, я что, парапроктита не видел, — буркнул хирург. — Оформляйте госпитализацию, я здесь, в смотровой посмотрю.

Дабы просветить читателя, необходимо доступными словами объяснить, что такое парапроктит.

За этим неблагозвучным диагнозом кроется весьма неприятное страдание. По сути, это осложнение острого геморроя, требующее хирургического вмешательства, поэтому врач решил сэкономить время и не устраивать «смотрины» в приемном отделении, предполагая, что с таким диагнозом больную обязательно надо госпитализировать.

Через полчаса та самая больная стояла перед уставшим хмурым доктором в смотровой комнате хирургического отделения. Ею оказалась интеллигентная смущающаяся дама лет пятидесяти, с седоватыми волнистыми волосами и больших округлых очках.

Перед осмотром доктор принялся тщательно мыть руки, а пациентку попросил раздеться. Смущенная просьбой, но послушная женщина начала аккуратно расстегивать блузку. Увидев это, врач буркнул:

— Что вы делаете? Штаны снимайте!

Женщина с недоумением посмотрела на доктора, но безропотно выполнила просьбу, а потом почти шепотом проговорила:

— Доктор, я сняла. А что теперь?..

— У-у-ух! — протянул хирург. — Как с вами трудно! На стол залезайте, сейчас перчатки надену и осмотрю вас.

Дама еще больше округлила глаза от удивления, но перечить врачу не решилась. С трудом ей удалось забраться на высокий смотровой стол и лечь на спину, скрестив руки. Когда доктор, надевая перчатки, повернул к ней голову, казалось, его от возмущения сейчас инсульт хватит.

— Да вы что, издеваетесь надо мной?! — взревел он. — На колени вставайте, и на локти, попой вверх! Как я вас осматривать буду?

До смерти перепуганная женщина, кряхтя и охая, с огромным трудом перевернулась на живот и приподнялась.

Хирург подошел сзади и неожиданно громко проговорил:

— Ну, что, горемычная, к обследованию готова?

— Да! — испуганно вскрикнула пациентка.

После тщательного осмотра доктор, к своему изумлению, ожидаемых признаков парапроктита не обнаружил.

— Пойдите, тут ничего нет! У вас что-то болит?

Едва удерживая равновесие, дама принялась стаскивать со своей шеи цветастый шелковый платок...

— Доктор, у меня вот шея вздулась, и болит очень, уже третий день сил никаких нет...

Она обнажила шею, и перед глазами изумленного хирурга предстали признаки паротита, именуемого в народе «свинкой». Ошибочка вышла! Врачи на «скорой» поставили не тот диагноз, а наш доктор поленился спуститься в приемное отделение...

Набрав в легкие воздуха, он, всхлипывая от хохота, молнией метнулся из смотровой комнаты.

Что было дальше — представить легко. Мрачное настроение хирурга вмиг улетучилось. Он спустился в приемное отделение и рассказал об этом эпизоде коллегам. Врачи хохотали как умалишенные, звонили дежурным по отделениям и в красках передавали о досадной ошибке «скоромощных» и бедной женщине. Через двадцать минут истерика охватила всю больницу, коллеги звонили врачу, поздравляли с «косяком», расспрашивали подробности.

Сам хирург, выпив кружку кофе и выкурив три сигареты, решил-таки продолжить осмотр многострадальной пациентки. Он подошел к смотровой, открыл дверь и увидел, что послушная и перепуганная женщина продолжает пребывать все в том же пикантном положении. Ей ведь никто не разрешал слезть со стола!

Доктор стремительно закрыл дверь и, задыхаясь от смеха, помчался в соседнее травматологическое отделение к дежурящему коллеге. Последний, естественно, был в курсе и, глядя на хохочущего хирурга, процедил: — Ну, что там еще?

— Она... Она... — стонал доктор, — она там еще стоит... Слушай, сходи ты... Опиши историю сам, я больше не могу...

Что поделаешь, пришлось травматологу выручать умирающего от смеха и надолго потерявшего работоспособность хирурга, который впредь без осмотра в приемном отделении больных госпитализировать не решался. Мало ли, какую ошибку еще допустят «умельцы» со «Скорой помощи»...

У НИКУМ

Зимняя сессия. Экзамен по гигиене — предмету своеобразному и весьма точному. Экзаменовались студенты лечебного факультета, которым в обозримом будущем суждено на практике заниматься именно гигиеническими проблемами. Поэтому и спрос с них больше, чем со стоматологов и педиатров вместе взятых.

Заведующий кафедрой — доцент Павел Борисович Виноградов, человек скрупулезный, рассудительный, уважающий в студентах понимание всех подробностей и мелочей в обожаемом им предмете, — всегда был в

большом авторитете не только у преподавателей, но и у студентов. Молодежь любила его за незабываемые лекции, на которых он очень органично и интеллигентно шутил, рассказывал байки, читал юмористические стихи, в общем, был весьма оригинален и, в какой-то степени, незабываем. На экзаменах же доцент Виноградов всегда пребывал в деловом и серьезном настроении. Студентов спрашивал долго, монотонно, требовал конкретики и задавал кучу дополнительных вопросов...

На этот раз ему попался типичный студент-«хорошист», стремящийся показать, что он может претендовать на «пятерку». Будущий эскулап вытащил содержательный билет из трех вопросов. К тому же, проверяющим на экзамене оказался доцент Виноградов, так что, дело ясное — процесс затянется надолго, да и «бла-бла-бла» с доцентом вряд ли проскочит. Не до «пятерок» тут, «тройак» бы не схлопотать — тогда придется без стипендии остаться. Посидел студент, подумал — кое-чего читал, что-то помнил по тестам, о рационах питания подсмотрел в шпаргалку, пока доцент на пару минут покинул аудиторию, об устройстве водоочистительных сооружений слизал у соседа — в общем, неплохо. С миру по нитке — глядишь, и повезет!

Час настал. Павел Борисович, прищурясь, прочитал фамилию бедолаги на титуле зачетки и вежливо пригласил его пересесть на стул рядом с собой. Выполнив просьбу заведующего кафедрой, студент сразу начал, витиевато и красноречиво, рассказывать об особенностях системы канализации и водоснабжения в нашей многострадальной стране, зачем-то приводя несурзные примеры о Франции, Германии и республике Перу. Затем стал убеждать в разумности авторских открытий в сфере законов гигиены труда школьников и подростков и, в итоге, перешел к самому важному, с точки зрения доцента, вопросу — нормативам суточного питания взрослого человека. Он с живым, но искусственно демонстративным интересом говорил о белках, жирах, углеводах, называл цифры, пытался убедить в рациональности раздельного питания — в общем, выкручивался, как умел. Когда багаж знаний и умений исчерпался, парень начал нести полную белберду, пытаясь отвлечь внимание экзаменатора другими несущественными темами. Павел Борисович быстро просек ситуацию и решил остановить студента, ибо тот мог от вопросов питания дойти до истории массовых самоубийств тараканов под действием сильнодействующих отравляющих веществ.

— Лапушка, — по обыкновению, ласково проговорил он, — достаточно, будет с тебя! Тебя, брат, однако, несет! Я уж и нить потерял, а ты все — тра-та-та, тру-ля-ля. Язык у тебя вертлявый, без костей.

Но студент не унимался:

— Пал Борисович, на что это вы намекаете? Я что-то не то говорю? Это вы зря, я тут в одном научном журнале вычитал, что в апельсинах очень много...

— Все, все! Про апельсины я уже не выдержу, это уже перебор! Ты мне вот что лучше скажи — какова норма элемента кобальта в суточном рационе здорового человека? А то апельсины, мандарины... Давай мне цифру!

Студент сник. Помрачнел, задумался. По его лицу было видно, что показателя этого он не знает, да и о кобальте вообще слышит впервые в жизни.

— Ну, что, Ганс Христиан Андерсен? Молчишь... Не знаешь — так и скажи. Дальше пойдём, — поддел его Павел Борисович.

— Да знаааю я! — напряженно потирал лоб студент, — только вот забыл!

— Гм, забыл... — хмыкнул доцент. — Так и скажи, что не знаешь, что тут такого!..

— Знаю я! Знаю! Точно помню, что учил! Только вот забыл, блин! — не сдавался четверокурсник.

— Ну, вспоминай, раз такой упрямый, — пробубнил экзаменатор, — а я пока другого спрошу.

Студент пересел, а его место заняла розовощекая отличница, которая отвечала Грамотно, подробно и очень убедительно. Павел Борисович обрадовался, восторженно, на время забыл про нашего «водолея» и злополучный кобальт, а в итоге, поставил студентке «пятерку» и пригласил к себе в студенческий научный кружок. Счастливая студентка упорхнула, вновь оставив доцента наедине с незадачливым экзаменуемым.

— Ну, что, лапушка, вспомнил, али нет?

— Пал Борисович, ну, ей Богу, точно читал про этот, как его там, кобальт. Вылетело из головы, прям, горе какое-то. Честно говорю, читал я это... — оправдывался бедолага.

— Читал, читал... Читают Паустовского с Пришвиным, ты мне так и скажи, что не знаешь, я же тебя бить не буду!

— Да, правда, знаю! Даже страницу помню — триста восемьдесят шесть в толстом зеленом учебнике! — не уступал студент. — Там еще картинка какая-то была черно-белая, с цифрами!

— Ух, ты! Погляди-ка, страницу помнит!.. Картинка, говоришь, была? Ну, вспоминай тогда, еще тебе время даю, — решил доцент и вызвал следующую «жертву».

Он опросил одного, второго, затем третьего студента. Время тянулось медленно и нудно, казалось, все это никогда не кончится.

— Скажи, что не знаешь этого вопроса! Скажи, ради Бога, и я тебя, лапушка, отпущу на все четыре стороны. Ну? — с завидной периодически-

стью приставал за кафедрой к засидевшемуся студенту. Но тот ни в какую! Учил, говорит, знаю точно, но забыл. И все продолжалось по новой...

Ситуацию разрешила лаборантка, которая сидела на билетах в соседней комнате и проставляла полученные оценки в сводную ведомость. Она забеспокоилась — прошло больше двух часов, а студент от заведующего никак не выходит. Лаборантка набралась храбрости и решила посмотреть, что за ерунда происходит в соседнем кабинете. Войдя в аудиторию, она увидела обычную картину — доцент мирно беседовал с очередной экзаменуемой, а в уголке сидел тот самый «пропавший» студент — весь красный, взлохмаченный и явно возбужденный. Сердобольная лаборантка не вытерпела:

— Павел Борисович, а этот-то чего сидит? Уже третий час пошел...

— Не мешай, Валентина, он материал вспоминает. Говорит, что знает точно, но вспомнить не получается. Я ему еще один шанс дал, — улыбаясь, объяснил доцент.

Лаборантка с тревогой посмотрела на парня. Он скривил печальную мину и обреченно провел ребром ладони по шее.

— Пааавел Борисович! — простонала лаборантка, — Ну, не зверствуйте! Отпустите парня, он ведь не глупый, на сессию вовремя вышел, учится без троек... Отпустите его, полно уж...

— Не могу! — категорически замотал головой Виноградов. — Никак не могу! Мне этого не простят!

— Почему-то? — с испугом одновременно протянули лаборантка и студент.

— Почему-почему? Потому! Валюша, вот сама посуди — как я его могу отпустить? Я же себе этого не прощу. Он же уникал! Открытие в науке! Со мной здороваться перестанут, если я его вот так отпущу! Понимаешь или нет?

— Ничего не понимаю...

— Ну, как не понимаешь? Он уникаааа! — торжественно заголосил доцент, подняв указательный палец вверх. — Я его спрашиваю, мол, может, не знаешь, скажи честно, а он уверяет, что точно знает цифру. Сенсация! Никто в мире не знает норматива содержания кобальта в суточном пищевом рационе человека, а он один знает! Как же не уникал? Еще какой! Просто вундеркинд! А ты говоришь, чтобы я его отпустил...

Сами понимаете, что за этим последовало. Довольно напряженную обстановку экзамена сменило хорошее настроение и веселый смех свидетелей произошедшего. А гигиену студент все-таки сдал, причем на «хорошо»... □

Ирина
Опимах

ГОРДОСТЬ ВСЕЙ РОССИИ

В Русском музее и в Третьяковской галерее среди работ замечательного художника Ильи Ефимовича Репина невозможно не заметить портреты Марии Тенишевой. На этих картинах она каждый раз разная. На одной — в роскошном бальном платье, с прямой спиной, гордая, статная, настоящая аристократка, подчиняющая и восхищающая всех, кто оказывается с ней рядом. На другой — погруженная в работу, с кистью в руке, и отрешенная от мирской суеты. Эту женщину — умную, очаровательную, невероятно щедрую и преданную искусству — Репин рисовал много раз. И понять его можно — столь неординарные, яркие личности встречаются нечасто... История ее жизни — настоящий роман, с семейными тайнами, несчастной любовью и драмами

Мария Тенишева была незаконнорожденной. Понятное дело, что об обстоятельствах ее рождения в семье особенно не распространялись. Не ясна даже дата ее появления на свет. Считается, что она родилась 20 мая 1867 года. Мать, в дальнейшем вышедшая замуж за вполне состоятельного и высокопоставленного господина фон Дезена, не любила дочь — по-видимому, та напоминала ей о времени, которое хотелось вычеркнуть из памяти. Девочка чувствовала себя дома чужой, никому не нужной...

Как только Марии исполнилось 16 лет, мать поторопилась выдать ее замуж — с глаз долой. В мужья ей нашли некоего Рафаила Николаева, вполне себе аристократа, но человека скучного, ничем не примечательного и ничем особенно не интересующегося. У него была лишь одна страсть — карты. Они влекли его гораздо больше, чем молодая жена. Проигравшись в пух и прах, он днями валялся на диване, а потом шел к родственникам кланяться деньгами — чтобы снова проиграть их. А когда ему уже все отказывали, он заставлял просить деньги Марию, посылал ее к матери... Это было невыносимо! Поначалу Мария старалась быть хорошей женой, родила дочь, тоже Марию, но все равно ничего не клеилось. Она чувствовала себя несчастной, одинокой.

Но однажды в ее душе появилась искорка надежды. Мария всегда любила петь, как-то ей сказали, что у

нее сильный, оперный голос, только вот надо учиться — в Италии или во Франции. И она решает — бежать из этого душного мирка, от опостылевшего мужа, бежать в новый мир творчества, музыки. «Да, настал мой час. Явилась смелость, решимость. Я перестала бояться. Дух мой освободился от гнета. Явился просвет...» Конечно же, у матери она ни материальной, ни душевной поддержки не нашла. И Мария, распродав все, что могла, собрала какие-то деньги и, выпросив разрешение у мужа, с маленькой дочкой на руках села в поезд, который увез ее в неизвестность, в новую жизнь.

В Париже она времени даром не тратила — училась вокалу, в студии знаменитой Матильды Маркези, и осваивала живопись в Академии Жульена, частной художественной школе, основанной в 1858 году гравером, живописцем и иллюстратором Рудольфом Жульеном. Мадам Маркези была уверена, что ее русскую ученицу ждет блестящее будущее — прекрасный голос, да еще как хороша!

И ей действительно предложили турне по Италии и Франции, но, оказывается, ее антрепренер хотел бы получить за все свои хлопоты не только причитавшиеся ему проценты от ее гонораров, но и совсем другого рода дивиденды — ведь молодая красивая женщина могла и по-другому отблагодарить своего благодетеля. Получить место на сцене было совсем не просто — здесь царил произвол, и всем правили день-

ги. «Женщина может выдвинуться только чудом или способом, ничего общего с искусством не имеющим, каждый шаг дается с невероятными усилиями», — горько признавалась Мария.

Иллюзий не осталось. Она, талантливая, молодая, но одна, без поддержки, не в состоянии пробить эту стену. Что же делать? И вот, когда уже казалось, что выход один —

смерть, в ее жалком парижском жилище появилась давняя подруга детских лет Екатерина Святополк-Чернецкая. Увидев, в каком отчаянном положении находится Мария, княжна Чернецкая сразу все поняла и приняла решение: «Ты едешь со мной в Россию, в Талашкино». Это имение в Смоленской губернии Екатерина купила совсем недавно. Там, в тишине, среди прекрасных средне-

русских пейзажей, Мария найдет успокоение и отдых, которые были так нужны ей сейчас...

Вернувшись в Россию и немного прийдя в себя после волнений парижской жизни, Мария попыталась решить свои семейные проблемы. Ведь муж фактически отобрал дочь, отправив ее в закрытое учебное заведение, а попытки жены стать певицей считал полной дурью. Жена-певичка? Нет, он определенно не желал, чтобы его благородное имя появилось на афишах!

Конечно же, они были совершенно чужими друг другу людьми. И, наконец, развод, о котором она так мечтала, свершился. Мария даже выбила разрешение общаться с дочерью. Единственно, что ее мучило, так это то, что жила она на средства подруги Кати Чернецкой...

Именно в это время и произошло знакомство с Ильей Репиным. Он вспоминал: «...к нам приехала великолепная дама — Мария Клавдиевна Николаева. Она оказалась дивной певицей и страстной любительницей живописи. Живет в Париже и погружена в интересы тамошнего мира. Ко мне она обратилась с заказом своего портрета. Я пообещал ей исполнить заказ будущей осенью в Париже... Сегодня она уезжает в смоленское имение, а оттуда за границу».

В нее влюблялись многие, а художники, увидев ее, жаждали запечатлеть ее образ на полотне. Высокая, стройная, с копной темных густых волос, прямой спиной, величе-

ственная и женственная, она производила на мужчин сильнейшее впечатление. К тому же, была еще умна и талантлива. И обладала чарующим, завораживающим голосом...

Как-то на одном званом вечере ее попросили спеть. Аккомпанировать ей предложил солидный мужчина в дорогом костюме, явно, от парижского портного. Виолончель в его руках звучала волшебным дуэтом. Этот всем понравился. А после выступления Марии представили виолончелиста — князь Вячеслав Николаевич Тенишев.

Это был очень необычный человек, обязанный особым положением в обществе исключительно своим недюжинным способностям. Начав карьеру с должности инженера на заводе, Тенишев быстро стал известен как выдающийся строитель, промышленник, коммерсант. Он руководил крупнейшим рельсопрокатным заводом под Брянском, являлся членом Совета двух крупнейших международных коммерческих банков. Князь пользовался невероятным авторитетом в российском деловом сообществе и при этом хорошо разбирался в музыке, играл значительную роль в музыкальных кругах столицы, был членом дирекции Петербургской консерватории, а с 1883 по 1887 год — председателем дирекции Петербургского отделения Российского музыкального общества. В его доме в Петербурге бывали П.И. Чайковский, А.Н. Скрябин, А.С. Аренский.

Этого умного энергичного человека называли «русским американцем». Он был очень богат, и его огромное состояние с каждым днем становилось все больше. Кроме того, он являлся автором нескольких серьезных работ по агрономии, этнографии и психологии, а также занимался благотворительностью и делами просвещения. (В 1898 году князь создал на собственные средства школу «нового типа», прославившуюся впоследствии как Тенишевское коммерческое училище. В училище работали самые лучшие педагоги того времени. Среди выпускников Тенишевского училища — люди, составившие славу России: В.В. Набоков, О. Мандельштам, художники Н.Н. Куприянов, Н.А. и Л.А. Бруни, академики Д.В. Скобельцин, В.М. Жирмунский и многие другие.)

Вот какой удивительный человек сопровождал в тот вечер Марии. Он был всем хорош, и самое главное — был разведен, так что мог позволить себе увлечься очаровательной певицей, так замечательно вторившей его виолончели.

Тенишев влюбился как мальчишка. Да и как можно было устоять перед обаянием этой талантливой, красивой, удивительной женщины!

В 1892 году они поженились. А потом было волшебное свадебное путешествие по Европе, щедрые подарки мужа, который, как мог, баловал свою молодую женушку и покупал ей дорогие украшения и безделушки. Посещая антикварные и юве-

лирные магазины, Мария восхищалась работой настоящих мастеров, шедеврами прикладного искусства.

Наконец они вернулись в Россию, и князь снова с головой погрузился в работу. Днями и вечерами он пропадал на бежецком заводе под Брянском, а Мария оставалась дома одна. Как-то она пошла в рабочий поселок. Бедность, грязь, пьянство — все это потрясло ее чувствительную душу. Она попросила у мужа денег и построила на них школу для местных ребятишек. А потом — и дешевые столовые, магазины, клуб, где устраивались концерты для рабочих. Все получалось с большим трудом — заводские чиновники воспринимали благотворительность княгини в штыки, обсмеивали все ее начинания, но муж ее поддерживал, и Мария не сдавалась. Теперь она точно знала, для чего следует жить...

И вот супруги Тенишевы приехали в Петербург. Надо сказать, что князь, несмотря на свое высокое положение, не был близок ко двору, да и не стремился туда — придворная жизнь была ему глубоко чужда. Не стремилась ко двору и княгиня — ее интересовали и влекли к себе совсем другие люди: художник, музыканты, литераторы, люди творческие, яркие, дерзкие. Она открыла в своем доме на Галерной школу для подготовки молодых неимущих талантов, а в качестве консультанта пригласила Репина. А еще подкармливала вечно голодные юные дарования булками с чаем. Неудивительно, что желающих

И.Е.Репин в Талашкине пишет портрет М.К.Тенишевой. 1896 г.

попасть в «Тенишевскую школу» оказалось гораздо больше, чем имевшихся мест. Эта затея княгини сыграла большую роль в жизни многих русских художников — там начинали свой путь в искусство Билибин, Серебрякова, Остроумова-Лебедева. Наверное, это были лучшие годы жизни Марии Тенишевой, недаром она с таким светлым чувством потом вспоминала о них: «Иногда у нас в студии по вечерам собирались художники, ели, играли и даже танцевали, устраивались чтения, и всегда было так молодо, весело, непринужденно. Однажды я устроила для моих больших детей елку, а потом мы до утра танцевали. Кажется, это единственное место в Петербурге, где я так от души веселилась».

А потом Мария Клавдиевна увлеклась коллекционированием. Благо, у мужа были деньги, в которых он ей не отказывал, а вкус, понимание истинного в искусстве она воспитала в себе во время поездок в Европу, и в общении с замечательными русскими художниками того времени. В антикварных магазинах европейских городов покупала картины, фарфор, мрамор, старинные украшения, нравились ей и работы восточных мастеров — из Китая, Японии, Ирана. А позже она полюбила и русское прикладное искусство — стала приобретать одежду, утварь, мебель, посуду. «Что мне мадонны XII века, что мне мраморные капители? Когда я приехала в Ярославль, с моей душой сотворилось что-то волшеб-

ное, я просто не чувствовала себя и влюбилась во все, что видела перед собой», — писала она.

Летом 1896 года Мария купила у своей старой подруги Екатерины Святополк-Чернецкой Талашкино, которое так помогло ей вновь обрести себя, и теперь она собиралась отплатить этой чудесной деревушке радостью творчества и просвещением.

Эта история продолжалась двадцать лет...

Мария Клавдиевна открыла в селе новую школу, организовала библиотеку, обустроила учебно-хозяйственные мастерские, где местные жители занимались обработкой дерева, чеканкой, керамикой, росписью тканей

и вышивкой. Княгиня задумала возродить в Талашкине забытые народные ремесла. Сюда стали приходить на работу и жители окрестных деревень, причем, их заработки достигали 10–12 рублей в месяц, по тем временам это были вполне солидные деньги. Вместе с деревенскими мастерами здесь работали и весьма известные в России люди, друзья княгини — Врубель и Серов, Нестеров и Коровин, Рерих и Поленов. Просвещать местный народ приезжали лучшие актеры и певцы страны, бывал иногда и Шаляпин. В селе имелся и свой оркестр народных инструментов, детский хор, театр с залом на 200 человек, причем декорации де-

лали вместе с талашкинскими художниками Васнецов и Врубель.

А сама княгиня серьезно увлеклась эмалью. Целые дни проводила она в своей талашкинской мастерской возле печей и гальванических ванн. Сохранились фотографии, на которых она увлеченно занимается своим непростым искусством, требующем почти мужских умений, тонких знаний. Сохранились и выполненные ею чудесные эмали — яркие, полные красок, изящные и причудливые, они явно навеяны русскими народными мотивами...

Все, что делалось в Талашкине — посуда, мебель, украшения, вышивки и многое другое, — поступало в открытый княгиней в Москве магазин, носивший наполненное глубоким смыслом название «Родник».

Удивительное дело — предприятие княгини оказалось вполне прибыльным. От покупателей не было отбоя, и заказы приходили даже из-за границы!

Только вот сказать, что все это нравилось ее сиятельному супругу, никак нельзя. Он мечтал о домашней, милой женушке, которая будет встречать его дома после трудного дня, о красавице, которая будет блистать на приемах, а Мария неделями пропадала в Талашкине, занимаясь своими художниками и сельскими мужиками! И все это — и помощь неимущим талантам, и ее многочисленные школы и курсы, и мастерские обходились ему в копейчку. Нет, он никогда не жалел денег для

своей жены, не раздумывая покупал для нее самые роскошные украшения, но совсем не хотел, чтобы его деньги шли в карман каким-то неизвестным сомнительным дарованиям! (Кстати, у него были все основания полагать, что его деньги не всегда попадают тем, кто в них действительно нуждается. Многие молодые таланты без зазрения совести пользовались добротой Марии Клавдиевны, а если она отказывала, обливали ее грязью. Как-то в сатирическом журнале «Шут» появилась карикатура на Дягилева и Тенишеву с красноречивой подписью «Дягилев доит корову».)

А тут еще ее увлечение эмалью! Нет, эту женщину, если уж она что задумала, удержать не мог никто. Решив, что ей нужно учиться, княгиня снова отправилась в Париж, к известному во всем мире ювелиру Рене Лалику. За короткий срок она достигла таких высот, что мэтр сказал: «Мне больше нечему вас учить». Княгиня действительно делал невероятные успехи, и скоро ее работы уже выставлялись в Лондоне, Праге, Брюсселе и Париже, а в Италии, на родине эмали, ее выбрали почетным членом Римского археологического общества.

В 1897 году министр финансов Сергей Юльевич Витте, хорошо знавший мужа Марии Клавдиевны, обратился к Николаю II с просьбой назначить члена Совета торговли и мануфактуры князя Тенишева, ввиду особых заслуг в отечественной про-

мышленности, Генеральным комиссаром Русского отдела на Всемирной выставке в Париже, которая должна была состояться в 1900 году. Высочайшее соизволение было дано 24 октября 1897 года, и уже в ноябре утвержденный в этой должности князь Тенишев был представлен царю. Всемирная выставка 1900 года в Париже стала звездным часом Тенишева, укрепила его авторитет в правительстве и при дворе. Благодаря огромной энергии князя и его жены, которая, конечно же, помогала мужу, как могла, и таланту приглашенного им главного художника экспозиции Константина Коровина Русский павильон пользовался у посетителей буквально бешеной популярностью. Мария Клавдиевна активно участвовала в формировании экспозиции и «команды» русских мастеров — ей было из кого выбирать. Так князь и его жена создавали то, что сегодня называют «положительным имиджем» нашей страны за рубежом. За заслуги перед Родиной Николай II пожаловал Тенишеву звание камергера двора Его Императорского Величества. Более того, князь был отмечен и французским правительством — его наградили орденом Почетного легиона второй степени.

У князя было еще множество замыслов, направленных на дело процветания России, но в 1903 году, 25 апреля, он умер — сказалась тяжелая, неизлечимая болезнь сердца. Его смерть стала огромным ударом для

Марии Клавдиевны. Княгиня похоронила мужа, забальзамировав его тело, в подклети храма Святого Духа, построенного ею близ Талашкина.

Петербургский дом князя на Английской набережной был продан, вещи, предметы антиквариата, картины пошли с аукциона. Княгиня переехала в любимое Талашкино — только здесь, в этом созданном ею самой мире, она могла смириться с утратой и начать учиться жить без мужа.

В 1905 году Мария Клавдиевна решила подарить свою огромную коллекцию Смоленску. Но удивительное дело — городские власти не выказали никакой заинтересованности в даре и даже отказались выделить помещение для ее демонстрации. Тогда она купила землю в центре города и меньше чем за год построила здание, где и разместила свои сокровища. Так в России появился один из первых музеев русского народного творчества. Тот год — 1905-й — был беспокойным, то тут, то там что-то загоралось, появились люди с красными знаменами, готовые крушить все подряд, черносотенцы выкрикивали свои безумные лозунги. Боясь, что с коллекцией что-то может случиться, княгиня все тщательно упаковала и увезла в Париж. А вскоре в Лувре открылась выставка, на которой парижская публика смогла увидеть собрание княгини Тенишевой. Иконы, фарфор, резьба по кости, расшитые драгоценными камнями царские одеяния, кокошники, украшенные жемчугом, изделия старых

неизвестных мастеров и умельцев Талашкино — чего тут только не было! Это был поистине триумф — триумф Марии Клавдиевны, и триумф русского искусства! Париж словно сошел с ума — в залах Лувра, где была выставлена тенишевская коллекция, можно было встретить весь цвет французский богемы, известных политиков, коллекционеров, модельеров, писателей. Потом Тенишева с гордостью отмечала, как быстро француженки переняли линии и стиль русского крестьянского костюма: «Я заметила явное влияние наших вышивок, наших русских пла-

тьев, сарафанов и рубах, головных уборов, зипунов... Появилось даже название «блуз рус» и т.д. На ювелирном деле тоже отразилось наше русское творчество, что так порадовало меня и было мне наградой за все мои труды и затраты».

Тогда, в Париже, княгиня Тенишева, еще задолго до дягилевских Русских сезонов, первая открыла Европе русское искусство.

Ей предлагали за многие вещи из коллекции, к примеру, за балалайки, расписанные в Талашкине Головиным и Врубелем, огромные деньги, но она все привезла обратно на ро-

*Из коллекции М.К. Тенишевой:
Бронзовое блюдо с изображением
цветов, Переплет кожаный с
металлической пластиной, Икона
в дар императорской семье по случаю
300-летия дома Романовых, 1913 г.,
Солонка с сибирским камнем орлецом,
вмонтированным в серебро, Шкатулки
«Сова» и «Петух»*

дину и снова обратилась к смоленским властям с просьбой принять в дар городу ее собрание. Но тут в газетах появились гнусные статьи, в которых вспоминалось, как княгиня приобретала некоторые экспонаты своей коллекции, ей инкриминировали «разграбление соборной ризницы». Началось судебное разбирательство, и княгиню даже подвергли семи дням домашнего ареста! В это тяжелое время Марию Клавдиевну горячо защищал Николай Рерих, напминавший общественности, сколько она сделала для развития русского искусства. И только в 1911 году ее коллекции перешли городу. Отказываясь от права собственности, она лишь просила, чтобы «музей навсегда остался в Смоленске, и ни одна вещь не была взята в другой музей». И еще у нее была одна просьба — чтобы ей позволялось пополнять музей новыми экспонатами, разумеется, за свой счет, ну, и содержать его тоже за свой счет. На таких «жестких» условиях Смоленск, наконец-то, согласился принять щедрый дар. Торжественная церемония состоялась 30 мая 1911 года. На большом блюде, изготовленном самой княгиней, было начертано: «Владейте, мудрые».

А между тем, Россия вступала в самый трагический период своей истории. Все только и говорили о Распутине, о бессилии властей, о продажности высших чиновников. В народе ощущалось недовольство богатыми, брожение. Все это доносилось и до Талашкина, какие-то

люди призывали талашкинских мастеров «сбросить ярмо». В 1917 году во время революции княгиня была во Франции. Из России приходили нерадостные вести — говорили, что старой страны уже нет, а власть забрала в свои руки чернь. И тогда Мария Клавдиевна, решив, что возврат на родину невозможен, купила под Парижем кусок земли и назвала его Малым Талашкиным. А душа болела за смоленский музей, за собрание...

Там действительно творились страшные вещи. Музей, созданный ею с такой любовью, фактически погиб. Коллекции буквально «выжили» из здания и спрятали в непригодных для хранения музейных ценностей помещениях. Лишенные заботы, талашкинские постройки ветшали, приходили в негодность. В церкви Святого духа, построенной Тенишевой, хранили картошку. Зимой 1923 года местные крестьяне осквернили фамильный склеп, гроб князя вынесли наружу, разломали, останки перенесли на сельское кладбище в неизвестное место. От талантливейшего человека, предпринимателя, ученого и благотворителя, каким был князь В.Н. Тенишев, на родине не осталось даже могилы! (Нужно было, чтобы прошли годы, пока жители смоленской области поняли: для того, чтобы сохранить себя и свою историю, нужно восстановить все, что создала на их земле княгиня Тенишева, и стали возрождать ее Талашкино.)

А княгиня и в эмиграции продолжала работать во славу русского искусства. Она по-прежнему занималась эмалью, а еще оформляла театральные постановки. И впервые не она давала деньги (их, собственно, у нее в то время было уже совсем не много, она жила на жалкие остатки когда-то огромного состояния), а ей платили — за глубочайшие знания, потрясающие умения, за ее вкус и невероятную фантазию. «Работоспособность ее была изумительная, — вспоминала верная подруга Екатерина Святополк-Чернецкая, которая и во Франции всегда была рядом с Тенишевой. — До своего последнего вздоха она не бросала кистей, пера и шпателей». И вспоминала свою жизнь, свое Талашкино. В конце жизни Мария Клавдиевна тяжело болела, но ее недуг, как рассказывал посетивший ее в 1925 году И. Билибин, «не мог осилить ее духа, ее любви к России и всему русскому».

Она оставила сей мир весной 1928 года. Похоронили ее, как и многих других лучших представителей нашего народа, оказавшихся ненужными России, на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Долго о ней на Родине не вспоминали, но постепенно времена менялись, о Тенишевой снова заговорили, стали пикники, снимать документальные фильмы. И сегодня в Талашкино приезжают туристы, которым рассказывают о замечательной русской женщине, называя ее, как и в годы ее жизни, «гордостью всей России». □

С
В
Е
Р
Х
У
В
Н
И
З

Евгения Гордиенко

И
З
Н
И
З
У
В
Е
Р
Х
У

Говорят: «Надоели снимки Родченко — все «сверху вниз» да «снизу вверх». А вот из «середины в середину» — так лет сто не снимают; нужно же не только, чтоб я, но и большинство снимало «снизу вверх» и «сверху вниз». А я буду «с боку на бок».

А. Родченко.

«Записная книжка ЛЕФа»

Если вы внимательно прочитали эпиграф, то наверняка обратили внимание, как трудно его читать. Как слова словно «выпрыгивают» из привычного нам порядка, отказываются становиться ровным, логичным, классическим предложением. Этот текст выглядит конструктивистским домом, неожиданно затесавшимся на улице, полную классических портиков.

Так и автор этих строк всю жизнь старался сломать стереотипы, создать новое, неизведанное, непривычное. Он вовсе не хотел, чтобы его считали новатором, его злило, когда про молодых фотографов говорили: «Работает под Родченко». Но, чтобы продолжать жить, ему было необходимо делать все по-новому, не так, как раньше

АНТИ

24 марта 1920 жена Родченко, художница Варвара Степанова, записала в своем дневнике: «Недавно Анти размышлял, ему хотелось бы очутиться во времени на пятьсот лет вперед — посмотреть, что случилось с его картинами в будущем, и обратно сейчас же вернуться. Он, конечно, уверен, что таких вещей, как у него, не было и не будет...»

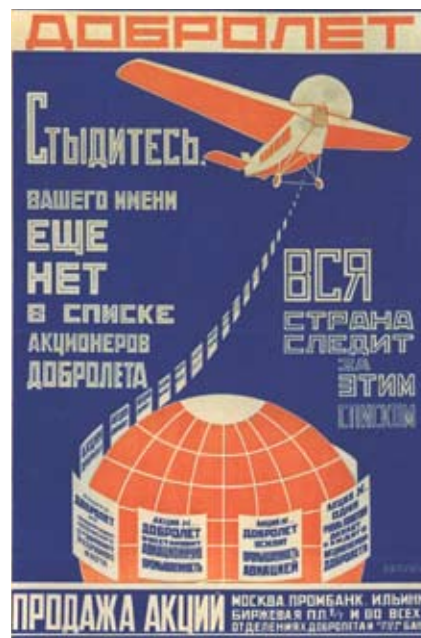
Еще с момента знакомства, в 1914 году в казанской художественной школе, Степанова и Родченко называли друг друга вымышленными именами: «Анти» и «Нагуатта». Неизвестно, чем руководствовался будущий фотограф в выборе прозвища для возлюбленной, но ему самому «Анти» очень подходило. Он

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!

всегда был «против» и всегда был разным. Та же Степанова пишет: «...Апатичный и даже, пожалуй, немного ленивый, раздражительный и нетерпеливый — он совсем другой у своего стола, и понятна его нелюбовь к гостям, к хождениям куда-нибудь — ибо это отрывает и отвлекает его от творчества. У стола Анти нельзя вывести из терпения никакими мерзостями, и он не станет дома расстраиваться, так как всю энергию бережет для творчества и твердо убежден, что он «горит» на стенах выставок. До остального ему нет дела».

Что сформировало такой характер? Сам Александр Родченко, считавший, что к творческому человеку нельзя подходить с общей меркой, нужно непременно учитывать его особенности. Про себя он говорил так:

Первый номер журнала «СМЕНА».
Оформление А. Родченко

«Мои особенности таковы.

Родился над сценой театра, где отец работал бутафором, в Ленинграде...

Мечты детства. Они сложились здесь. Я хотел быть ярким и ослепительным, выходить среди музыки и аплодисментов. Я мечтал о чем-то особенном и неизвестном...

Я довел левую живопись до логического конца и выставил три холста: красный, желтый, синий...

Мы создавали новые понятия. Мы — не изображатели, а новаторы...

И пришел 1917 год...

Мы первые из художников работали во всех учреждениях...

Мы делали плакаты, писали лозунги. Мы установили существующий до сих пор шрифт для лозунгов...

Я хочу спросить, имею ли я право искать, быть художником, ставящим высокие задачи композиции, искать, как выразить нашу тематику высококачественными средствами? Иметь взлеты и промахи? Или быть среднячком, подражая образцам живописной классики, вроде Рембрандта-Бродского, Домье-Кацмана, Сурикова-Богородского?»

Что-то чувствуется знакомое в последней фразе, не правда ли? «Бросим Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с парохода современности!»

Родченко, кстати, был очень дружен с Маяковским, они вместе работали над многими, как сказали бы теперь, проектами.

Но все, что Родченко говорил о себе, — что это? Желание выде-

литься? Или, напротив, желание причислить себя к касте, к поколению? Недаром же так часто употребляется им слово «мы». Точно сказать можно только одно: Родченко постоянно жил в развитии. Всякая стагнация была ему противна, пусть даже застыть можно было в своих лучших работах...

ОТ ЖИВОПИСИ — К ФОТОГРАФИИ

К фотографии Родченко привело тоже, скорее всего, постоянное желание расти и развиваться. И любовь к результату. Ведь картина пишется долго, и всегда есть возможность чуть «подправить» реальность. А фотография — холодна и жестока. Она четко отражает факт и не приемлет толкований. И новому увлечению Родченко предавался со всей страстью. Сам он вспоминал: «В магазине у Гека на Тверской я обнаружил подходящий увеличитель, но сунул-ся платить — оказалось денег 180 рублей, а нужно 210. Сгоряча заплатив 180, я сказал, что сейчас принесу остальные. Выбежал из магазина и, идя, дорогой раздумывал, у кого взять деньги? У Бриков? У Володи?»

Но они дома будут только вечером... Так я шел в глубоком раздумье по Кузнецкому...

И вдруг прямо передо мной... «Что с тобой, старик? У тебя такой убитый вид!»

Володя...

Я сразу ничего не объясняю ему: «Мне нужно три червонца!»

взорвался, и Родченко получил ожог левой руки. С той поры осталось много фотографий, сделанных Варварой Степановой: Родченко на балконе, на улице с забинтованной рукой, рука с потрескавшейся кожей...

Зато, чтобы не пользоваться больше магнием, он пользовался способом, придуманным им самим еще в 1924 году: наводил резкость, гасил свет, вставлял пластинку и в темноте открывал затвор. Включал на 1–2 секунды лампу, затем закрывал затвор.

Он постоянно искал новые ракурсы. Знаменитые «снизу вверх» и «сверху вниз» — результат долгих

Володя дал, и я быстро от него сбросился обратно.

Пришел в магазин. Заплатил и потащил фонарь домой, отдыхая на подоконниках магазинов. Горестно думал: «Вот, идиот, не взял денег у Володи больше, на извозчика...» Притащил на восьмой этаж — меня встретила встревоженная Варвара...

Оказывается, Володя звонил и спрашивал, что со мной, он встретил меня расстроенного; я спросил у него три червонца, а взяв и ничего не сказав, убежал куда-то...

Володя — это, конечно, Маяковский.

Родченко очень много снимал: и для себя, и на заказ. Именно в 1924 году им была сделана обложка первого выпуска журнала «Смена».

В 1924–1926 годах он часто пользовался магниевой вспышкой. Но в 1926 году магний во время работы

поисков и проб. Но не только восхищение и благодарность получал фотограф за свои открытия.

Первый публичный критический отзыв на ракурсные фотографии

Родченко был опубликован в журнале «Советское фото» (1928, №4). Это были смонтированные фотографии зарубежных авторов и фотографии Родченко. В тексте говорилось, что фотограф не сам находит свои идеи, а черпает их у зарубежных коллег. Даты снимков говорили не в пользу Родченко.

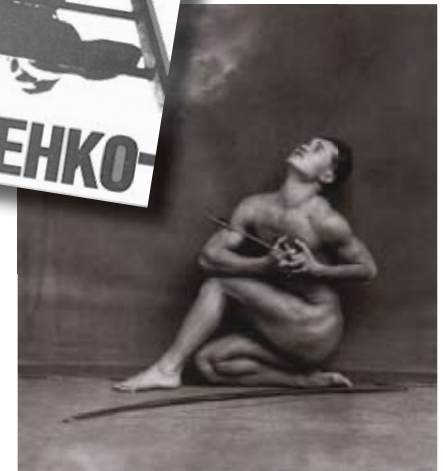
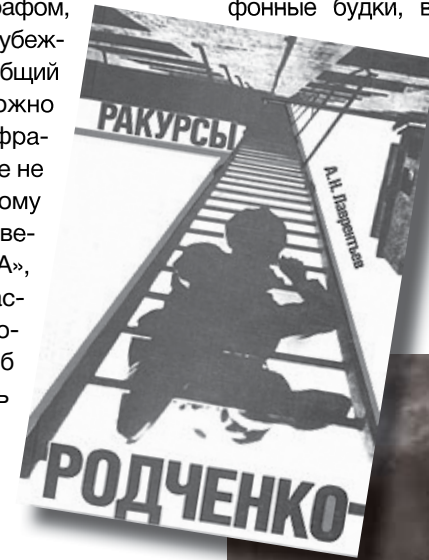
Родченко написал ответную статью, где подобрал множество похожих фотографий мировых мастеров, снятых в самое разное время, какие-то фотографии были сняты раньше советским фотографом, какие-то — его зарубежными коллегами. Общий смысл статьи можно выразить в одной фразе фотографа: «Мне не важно, как и всякому культурному человеку, кто сказал «А», важно это «А» расширить и использовать до конца, чтоб была возможность сказать «Б».

РОДЧЕНКО — ДИЗАЙНЕР И МОСКВИЧ

Дизайн входил, скрыто или явно, в контекст многих фотографий Родченко. Он, например, много и часто снимал дом с башенкой на Арбатской площади. Дом принадлежал Моссельпрому, и именно для него была сделана первая реклама авторства Родченко. Ею стала рекла-

ма папирос «Ира». Текст написал Маяковский: «Нами оставляются от старого мира только папиросы «Ира». Именно с этого начались знаменитые «Нигде, кроме как в Моссельпроме» — реклама печенья, пива, конфет и папирос...

Родченко много снимал Москву. Петербуржец по рождению, юность проведший в Казани, он очень любил столицу. Но его город — не только художественная фотография, это еще и исторический документ. Милиционеры и пионеры, автобусы и телефонные будки, вокзалы и разнообразные персонажи города — все это в объективе камеры Родченко становилось интересным, благодаря неожиданно выбранному ра-

ством изобразительных искусств «Изогиз». В договоре было указано, что Родченко должен предоставлять не менее 40 негативов в месяц, а «Изогизу» предоставляется «неограниченное право использования принятых и оплаченных негативов для любого издания без повторной оплаты, за исключением монтированных плакатов». Платили Родченко 400 рублей в месяц из расчета по 10 рублей за снимок.

Он согласился работать на таких условиях, потому что в эти годы не имел никакого другого заработка. Зато работа эта дала ему много больше — возможность поехать по стране и сделать достаточно много фоторепортажей. Одна из поездок — на Беломорстрой. Эту командировку он считал очень важной, нужной и социально оправданной работой. Сохранилось несколько официальных писем на бланках журнала «СССР на стройке», издававшегося в «Изогизе».

курсу или соединению неожиданных объектов.

Родченко хорошо знал город, хотя зачастую маршруты для него «расписывала» жена, отлично ориентировавшаяся не только в названиях улиц, но и в маршрутах городского транспорта.

Ботинки Родченко обычно покупал на полразмера больше, чтобы не стесняли, ведь фотограф — как и турист — всегда на ногах.

ПОДАТЕЛЮ СЕГО ПИСЬМА...

В 1932 году Родченко заключил договор с Государственным издатель-

«Удостоверение.

Выдано тов. Родченко А.М. в том, что ему редакцией журнала «СССР на стройке» поручается организация и засъемка специального номера журнала, посвященного строительству Беломорского канала.

Просьба оказывать т. Родченко полное содействие.

Действительно по 15 июня 1933 года».

На основании этого документа Родченко выдали другой — на бланке Главного Управления исправительно-трудового лагеря. В нем говорилось, что Родченко разрешается «производить киносъемки всех видов работ и сооружений строительства ББВП, отдельных процессов жизни и быта заключенных».

Всего с командировки Родченко привез около 4000 негативов. Это были не только снимки со стройки, но и фотографии быта заключенных. (Все помнят, что в конце 30-х годов каждый рисковал стать «героем» подобного репортажа.)

Родченко писал в 1938 году: «Странное время. Все шепчутся. Все боятся. Очень нервирует, что у каждого кто-нибудь из знакомых взят. Не знают, за что, и где он. От их разговоров сам начинаешь поддаваться панике... Это от неизвестности...»

Но, к счастью, ни с Родченко, ни с его семьей ничего не случилось.

В июле 1941 года закрылся журнал «СССР на стройке», а семья Родченко вскоре уехала в эвакуа-

цию в город Молотов вместе с московским отделением Союза художников. Однако Родченко жалел об эвакуации и старался вернуться в Москву как можно раньше. Но лишь весной 1943 года семья собралась в Москву — вернулись жена Варвара и дочь — тоже Варвара, которую все звали Мулей. Он же на протяжении всех военных лет продолжал работать и делал уникальные снимки с полей сражений...

Умер Александр Родченко в 1956 году. И в том же году открылась его персональная фотовыставка, устроенная Союзом журналистов СССР и подобранная Варварой Степановой. □

Алеф Верди

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ТРЕНИНГИ

ОПАСНЫ

Я — практикующий психотерапевт. Мне сорок пять лет, десять лет назад я открыл свою фирму, теперь она процветает. Такие заголовки в газетах, мягко говоря, вредят моему бизнесу. Кроме того, я — маг второго уровня, что тоже немало. От истории, изложенной в статье под столь театральным вопросом, за версту пахнет ложью и обманом, я-то чувствую такие вещи сразу.

— Зачем вы подсовываете мне эту пожелтевшую от грязи газетенку? — спрашиваю я мистера Твиттера, незваного визитера в моем гостиничном номере, расположенного в одной из самых фешенебельных гостиниц этой захолустной Москвы, куда привела меня очередная деловая поездка. Уж лучше бы я сидел в родном Питере да окучивал своих клиентов, право слово. Нет, надо было сорваться на показавшийся привлекательным заказ! — Что вы пытаетесь этим доказать?

— А вы посмотрите телепатический ролик, и сразу все поймете, — ответил мистер Твиттер. — Ролик любительский, не обессудьте, но суть дела передает хорошо. Нашего с вами дела, ради которого я, лично я вас сюда и вызвал. Ах, так мистер Твиттер и есть мой таинственный заказчик! Это объясняет многое. Посмотрим же историю, которую он столь назойливо мне рекомендует...

— Ниночка, распечатай еще эти два договора, пожа-луйста, — приторно скромный голос Ирины вернул меня к реалиям офиса.

— Да, дорогая, — кисло-вато отозвалась я. И вместо того, чтобы обернуться с дежурной улыбкой, шустро спрятала от всевидящего ока начальства окошко с рекламой очередного психологического чуда. Работа администратором офиса, а по сути, секретаршей достала меня до рези в горле, но это — запретная тема.

— Что у тебя там было такое секретное? — тут же поинтересовалась моя как бы партнерша по бизнесу. Вот черт, мои манипуляции с Интернетом оказались слишком заметными. Впрочем, чего иного я ожидала?

— Сайт знакомств, разумеется, — пододвинула я поближе спасительно затренькавший телефон. — Фитнес-центр «Америго», здравствуйте!

Цокот каблучков моей бывшей подруги у меня за спиной. Интересно, сколько часов в день разумное существо может находиться под прицелом всеобщего наблюдения?

В нашем фитнес-центре было все: тренажерный зал, с беговой дорожкой, эллиптическими и велотренажерами, силовыми скамьями и инструктором Карлом, сильным мужчиной во цвете лет, умеющим поставить себя и перед качками, и перед случайными девушками, заглянувшими в этот зал из любопытства или из желания найти себе нового партнера. Два уютных зала для аэробики, шейпинга и йоги, стильный зал, весь в зеркалах и со станками для танцев. Роскошные раздевалки — когда мы с Ирочкой подбирали для них шкафчики, мы еще считались друзьями...

Тогда она была еще для всех знакомых просто Ирочкой. И куда только подевалась ее подкупающая простота, ведь полгода всего прошло, как мы вышли на пик продаж? Она теперь — стильная бизнес-вумен, а я... Я просто подрабатываю секретаршей и тайком хожу на психологические тренинги, прикрываясь легендой о поиске мужчины. Какие мужчины на психологических тренингах, откуда они там? Нет, есть, конечно, но очень уж странные...

Этот тренинг, впрочем, обещал быть интересным. Я снова открыла страничку с фотографией тренера. На-

стоящее, кроме шуток, магическое существо. Даже сертификат на сайте светится, с этим у нас сейчас строго, и доверять Интернету вполне можно — кому охота лишний раз связываться с занудными контролирующими органами? А кто у нас в городе из магических существ ведет психологические тренинги? Маги собственной персоной, правильно! «Симпатичный какой, — подумала я и гордо усмехнулась: — У меня будет муж — самый настоящий маг. То-то все удивятся!»

Ведьмы у нас давно считаются существами обычными, магическими наполовину, в лучшем случае, и они же, чаще всего, ведут тренинги. Ох, и намучилась же я с ними, пока считала, что хожу на тренинги ради банальной профориентации! Ведьмы такие въедливые, все копают и копают причины мои нынешних проблем да способы их решения, а мне-то не то от них нужно. Да и, к тому же, я сама ведьма, даже сертификат имеется, пылится на стенке у меня за спиной. Чем же мне могут помочь «сестры по цеху»!

Однако охмурить ведущего тренинга — моя давняя мечта, и ради этого я готова терпеть даже работу секретарши. Ведь эта рутинная обя-зательность дает мне деньги на драгоценные походы по таким злачным местам!

Приличные люди не знакомятся с мужьями на психологических тренингах — это мне еще мама говорила, пока я от родителей не съехала. Черный холодок мрачного предчувствия деловито пробрался ко мне в сердце... Но был безжалостно выдворен вон.

В дверь ввалилась стайка подростков. Ну вот, работа начинается, а до конца моей смены всего-то пять минут. Вообще-то, наш фитнес-центр работает до полуночи, но вечером на моем месте сидит Света, девушка-студентка «на полставки». Хоть ближе к ночи я избавлена от каждодневной рутины! Впрочем, подросткам иногда очень просто показать дорогу и выдать ключи, что я, куда уж деваться, сосредоточенно проделываю... И взгляд поостроже, чтобы не цеплялись.

Закончив с посетителями, я быстренько кидаю в сумку блокнот и ручку со стола. Сумка любимая, вельветовая, синяя, мечтала я о ней недели две перед тем, как купила. Да и сама я сегодня одета напоказ: черные сапоги-чулки до колена, клетчатая мини-юбка, белая блузка с воротником-«жабо», клетчатый шарф в тон юбке — наматываю его, якобы, небрежно и бросаю на себя предпоследний «контрольный» взгляд в зеркало. Фигурка все-таки хороша, мага сегодня вечером будет, чем соблазнить. А вот макияж хорошо бы поправить, и где же там, наконец, Света, я уже бегу-бегу-бегу?

Дверь открылась шумно, резко. Вместо Светы — незнакомая девушка. Высокая, тоненькая, первый вопрос при взгляде на такую: этой-то фитнес-центр зачем, пополнить пришла, что ли?

— Здравствуйте, меня зовут Елизавета, я на собеседование к Ирине Свержиной, — бодро начала незнакомка.

— Очень приятно, Нина, — улыбнулась я напоказ неожиданной гостье. «Вакансия? У нас? Почему я об этом не знаю?» — Все эти вопросы, да и множество других вились вокруг меня, словно мошки. Но победная мысль, что «сегодня я охмурю своего мага!», заглушала их все. Неужели я опять влюбилась заочно?

— Присядьте пока, Ирина сейчас подойдет, — показала я, возможно, новой коллеге на пару стульев около стены. Где же Света? Именно сейчас она нужна мне, как никогда!

— Спасибо, я постою, — гостья начала снимать пальто, бежевое, приталенное, модное. А она настырная!

Я взялась за трубку телефона, больше от отчаяния. До ужаса хотелось уйти отсюда поскорее!

— Ирочка, к тебе пришли, на собеседование. Ты в курсе, дорогая? Света пока еще не подошла, а мне уже нужно бежать, ты не могла бы посидеть вместо меня пару минуток? Спасибо! — Всю эту тираду я пропела на одной уверенной ноте, не оставляющей собеседнице ни секунды на возражение, и тут же нажала на кнопку, прерывая разговор.

— Вы тоже торопитесь? — доброжелательно улыбнулась Лиза. — Представляете, и у меня сегодня очень насыщенный вечер!

Я не успела придумать какую-нибудь шпильку ей в ответ. Дверь распахнулась, впуская волшебницу-спасительницу Свету. Можно выдохнуть спокойно, наконец-то накинуть плащ и бегом, бегом в салон красоты!

Оказывается, тренинги нынче проводятся в гостиницах. Я как-то пропустила этот момент: изучая фотографию ведущего и его «послужной список», место встречи просто отправила на печать, вместе с одним из тех... Вместе с одним из тех документов, которые приносила Ира! И теперь этот документ у меня в руках!

Вдруг словно дымка перед глазами растаяла, и я поняла, что стою на перекрестке, жду зеленого свето-

фора, а рядом со мной стоит та самая девица в бежевом пальто, как ее... Лизавета!

— Здравствуйте еще раз! — оборачивается девушка ко мне. И я с удивлением замечаю, что могу читать... нет, не ее мысли, это было бы слишком круто, скорее, ее настроение, фон ее мыслей. Вообще-то, я не первая ведьма в роду, но это так редко проявляется в обычной жизни — а сейчас надо же, будущая коллега, и такое обстоятельство. Я тут же почувствовала волну приязни к этой... девице в бежевом пальто.

— Очень приятно увидеть вас снова! — отзываюсь я, тем временем загорается долгожданный зеленый. — Мы, наверное, идем в одну и ту же сторону. Я на тренинг Леонида Вацлава. А вы?

— Тренинг уверенности в себе? Я туда же! — мило улыбается она. Нет, правда, действительно мило. Как-то нам с ней везет этим вечером, куда я — туда и она.

— Да, действительно! — мне даже почти не приходится прилагать усилий, чтобы изобразить на лице радость совместного действия. Кстати, а не потомок ли русалок эта самая Лизавета? Уж больно быстро она к себе симпатию вызвала!

Я прячу в сумочку злополучный документ и карту — они уже не нужны, мы почти пришли.

— Вы уже занимались у Леонида? — спрашиваю я, лишь бы поддержать разговор.

— Нет, его нахваливала моя подруга. Мне как раз нужны курсы уверенности в себе, чтобы устроиться на работу...

— Как вам Ирина, моя партнерша? — резко перебиваю ее я, почувствовав вдруг что-то неуместное в обсуждении Леонида на улице, да еще так близко к его дому. Ведь Леонид достойный маг, с такой внушающей доверие фотографией, правда? К тому же, мой возможный будущий муж!

— Ирина? — моя собеседница была явно сбита с толку. — Мы с ней так и не встретились. Она позвонила Светлане, и перенесла встречу на завтра — сегодня какие-то дела, дела... И я подумала, что самое время сходить к Леониду на тренинг уверенности — завтра больше шансов получить работу!

В этом вся моя Ирочка — заманила и бросила. Лиза уж точно получит у нас работу — ведь с ней даже встречаться не захотели. В первый-то день! День собеседования у нас, как и у любой уважающей себя конторы, считается первым рабочим днем. На рынке так мало достойных специалистов, и так мало людей, готовых вылезти из Интернета и явиться собственной персоной, что приходится оплачивать каждую личную встречу, лишь бы иметь возможность выбирать!

Все это пронеслось у меня в голове вихрем и буквально взорвалось разочарованием. Мы дошли, наконец, до входа в гостиницу. Мы дошли, и я сразу чувствую ауру нашего ведущего тренингом. Конечно же, кто может вести тренинг уверенности в себе, кроме... Я так ожидала увидеть мага, но зачем прилично зарабатывающей ведьме вампир!

Я вдруг почувствовала себя старой и усталой. Сколько усилий — и все напрасно! Кому они нужны, вампиры, их же на каждой улице пруд пруди, стоило ради такого «счастья» тащиться на тренинг...

Впрочем... Я приободрилась. Ведь рядом со мной идет Лизавета! А значит, насколько я помню правила вампирских сходов, одна из нас имеет шанс вернуться с этой вечеринки живой! Это уже древнее правило, возникшее еще в те времена, когда вампирам трудно было заманить к себе на вечер обычных людей, и правило гласит: смертный, что привел на вечер другого смертного в качестве пищи, может удалиться беспрепятственно, и даже вместе с тем, кого назовет своим другом. Так, вперед, вдруг удастся подать руку помощи какому-нибудь неопытному молодому магу, которые иногда забегают на вампирские сборища — бедняги, поодиночке!

Все же знают: на психологическом тренинге, устраиваемом вампиром, обязательно должна быть хотя бы одна жертва — иначе не получается у этих кровососов. И только человек, ведущий себя в соответствии со всеми правилами, может выбраться из переделки живым и невредимым, не становясь вампиром. Это просто обыкновенная техника безопасности на встречах с лидерами вампиров, а в психологию у них подаются только лидеры. Шпана, прячущаяся по кустам и грабящая прохожих, считает людскую психику предметом «ниже своего достоинства».

Говорят, когда-то давно вампиры умели проводить тренинги вовсе без жертв. Но те времена давно канули в Лету. То ли вампиров не осталось достойных, то ли все достойные потеряли интерес к психологическому просвещению малограмотных из народа — но на сегодняшний день все, абсолютно все тренинги, которые

ведут вампиры, заканчиваются двумя, тремя, иной раз и десятью жертвами, и даже вампиров-новичков появляется в результате все меньше и меньше! Безобразие, на самом деле, куда только смотрит клановый контроль... Достоверность рекламы почти абсолютная, а наркодиспансеры уже толпы мечтающих вылечиться от вампиризма осаждают! Куда катится мир?

— Что-то мне тут не нравится, — прерывает поток моих мыслей Лиза. — Какое-то место странное, и, кажется, я тут уже была...

Тем временем, мы зашли в гостиницу и уже обзреваем местный интерьер. Самый обычный интерьер, надо сказать: коричневые тона, много зеркал и блеска, аккуратная стойка администратора, гладкие колонны, черные кожаные кресла рядом со стеклянными столиками... И наш вампир собственной персоной охмуряет клиентку за одним из них. Бежевые спортивные брюки с карманами по бокам у колен, черный свитер, аккуратно выбрит, ярко-голубые глаза, телосложение плотное... он начинает мне нравиться! А Лизонька рядом, моя гарантия уйти свободной с этого тренинга вселяет в меня оптимизм и задор...

— Лиз, это обычная для таких гостиниц атмосфера, расслабься, — успокаиваю я мою будущую коллегу, на всякий случай, подстраиваясь к ее дыханию и делая два глубоких расслабляющих выдоха. Чему-чему, а технике ведения собеседника меня учила еще прабабка в детстве, пока жива была, и пригодилось! Лизонька действительно расслабилась, повторив за мной мои вдохи.

— Может быть, ты и права, — как-то сонно пробормотала она. Меня ее податливый вид тоже успокоил. В конце концов, жертвы вампиров на психологических тренингах получают больше всего полезного и изумительного — ведь вампиры умеют отсасывать накопившийся негатив! Лиза, по сути, помолодеет, мне же нужно не это — мне нужен молодой свободный маг, чтобы срочно выйти за него замуж — ведьме с высшим магическим образованием к 30 годам уже неприлично оставаться холостой!

Я маю Лизу за собой, подхожу к Леониду и терпеливо выжидаю окончания его диалога с клиенткой. Это очень важно в общении с вампирами — никогда их не прерывать на середине речи: все равно не получится, зато энергию потеряешь. Наконец дожидаясь знаменательного момента:

— Леонид?

— Да, это я, — оборачивается он ко мне. У него бархатистый, обволакивающий голос. Ей-ей, он меня очаровывает!

— Мы, кажется, на ваш «Тренинг уверенности в себе». Где мы будем заниматься?

— Прямо и направо. Давайте, я вас провожу. До свидания, — раскланивается он с клиенткой. — Пойдемте, — это уже нам.

А походка у него вразвалку, как у довольного жизнью кота. Я невольно вздрогнула от предвкушения вампирского пиршества, и устремилась вслед за Леонидом, держа вспотевшую ладошку Лизы в руке.

Лизавета обвела взглядом всех присутствующих. Это был маленький, темный зал, с красными стенами и ковролином на полу, окна занавешены жалюзи. Собралось человек пятнадцать, семеро стояли за спинками стульев, остальные на стульях сидели полукругом напротив НЕГО. Классический вампир, с красными глазами, дорогим сюртуком на голое тело, в черных лакированных туфлях и дежурной хищной улыбке, перечеркнутой двумя поблескивающими клыками, с бейджем, легкомысленно подвешенным на воротник.

— А сейчас каждый из нас расскажет о своей профессии и о своих страхах, — тихим шелестом пронеслось по залу безмолвное приглашение... К трапезе? Лизавета вздрогнула, почувствовав оживление ассистентки за ее спиной. Уже успевшие пройти инициацию начинающие вампиры готовятся испить крови новичков?

«Что я тут делаю? Я, человек с двумя высшими образованиями, на тусовке вампиров, как так получилось?» — пронеслась в голове у Лизаветы запоздалая мысль.

— Я врач-стоматолог и очень боюсь мышей, — представилась стоящая сзади девушка с бейджем «Вика» на полной груди. Лизавета специально оглядывалась назад, чтобы видеть, кто говорит. Образ маленькой, белой лабораторной мышки тут же мелькнул в ее сознании при виде Вики. Девушке до ужаса захотелось уйти с этого собрания живым, здоровым и вменяемым человеком.

Дальше все развивалось как-то очень быстро и невнятно. Это, впрочем, обычная практика мероприятий, устраиваемых вампирами: никто ничего понять не может, а все уже произошло. Во всяком случае, я плохо помню последовательность собы-

тий. Вроде бы, сначала нас представили. Потом я почувствовала панический ужас Лизаветы, наконец осознавшей, где она очутилась. Потом я увидела глаза мальчика-мага, тусклые, отчаявшиеся. Я попыталась ему помочь, не получилось, кажется, я только вызвала его отвращение. Потом... или это было сразу?

Во всяком случае, нас представили друг другу в какой-то, прямо скажем, неприличной манере — с выведением на сцену и аплодисментами. Нет бы, сделать тихо, по-семейному... да, не важно, наверное. Потом мы долго смотрели друг другу в глаза и говорили комплименты. Точно, именно в этот момент мальчик-маг и привлек меня своей патетикой взора. Потом, кажется, мы творили простейшие трюки на публику, просто чтобы почувствовать себя всемогущими. Опасное это чувство всемогущества, коварное тем, что спотыкаешься от него совершенно неожиданно. Помню еще: сам вампир в глаза не смотрел, не нарывался. Зато среди его ассистентов начинающие вампиры были, и уж они-то в глаза смотрели только так... У меня половина защитных амулетов истощилась только на этом упражнении.

А потом я очулась на улице, одна, зато с подписанным Леонидом контрактом на аренду зала в нашем фитнес-центре и резкой болью в губах от прорезающихся клыков... И мальчик-маг не помог, вот же сволочь такая. Опять мне тратить деньги и нервы на курс лечения в наркодиспансере, плакать хочется...

— Запись обрывается довольно неожиданно, — замечаю я. — В чем ущерб и опасность? Ведьма сама нарывалась, вот и получила от моего коллеги пару новеньких клыков, а с Лизаветой, судя по всему, все в порядке?

— Лизавета не вернулась с тренинга, — укоризненно говорит мистер Твиттер. — На собеседование в следующий день она тоже не пришла. Вам, как опытному магу и психотерапевту, предстоит ее найти.

Смех забурлил у меня в горле, и в то же время я почувствовал, что влип. Как выпутаться из этой истории, не посвящая мистера Твиттера в одну из самых страшных тайн практикующих психотерапевтов? Ведь под кодовым именем «Елизавета» даже на такой паршивой записи я узнал обычного боевого голема, ту самую распространенную модель, которую так часто мои молодые коллеги используют для соблазнения сомневающихся клиентов! □

Александр Аннин

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ

«Зачем я здесь?..»

Метель не унималась, и ломаные очертания заснеженных берегов лишь смутно проступали сквозь круговерть льдистой крупки, сыпавшей с бледновато-серого неба. На лесистом «материке», совсем недалеко от острова, угадывались ветхозаветные избы-сугробы да приземистые кирпичные дома, построенные еще полтора века назад, ветер доносил тонкий запах дыма из печных труб...

Сторожевой катер с темными глазницами пулеметных гнезд намертво, теперь уж до весны, вмерж в узенькую бухту, прорезавшую остров, чуть поодаль, возле обвалившейся крепостной стены, сквозь ледяной панцирь проглядывал борт старенького бронетранспортера.

Леониду Непряеву странно было видеть все это на территории строгого мужского монастыря — не так представлял он себе Спасо-Преображенскую пустынь, когда добирался сюда, в карельские земли, из далекой Находки. О молитвенном предназначении островка говорили три разрушенные церквушки да огромный стылый Преображенский собор, который, казалось, вот-вот раздавит горбивший посреди озера клочок земли.

Коренастый бородатый монах-завхоз в треухе, валенках и телогрейке еще немного повозился с амбарным замком, подул на покрасневшие пальцы, повернулся к Леониду:

— Зажигалка есть?

Леонид рассеянно пошарил по карманам «аляски», нащупал пластиковую тушку «Крикета», покорно протянул бородачу.

— Отогреть надо, — зачем-то прокомментировал свои нехитрые действия завхоз и принялся водить язычком пламени по замочной скважине. — А курить бросай, тут с этим ох как строго...

«Зачем я здесь? — с тоской думал Леонид. — На что рассчитывал? Край света, чужие, угрюмые люди... Нет, я не выдержу! Сбегу... Но куда? Куда бежать?»

Тяжелый литой засов глухо стукнул о почерневшую бревенчатую стену, через разверзшийся дверной проем в лицо Леониду дохнула пыльная темнота. Завхоз включил автомобильный фонарь, и Леонид увидел, как в широком луче света по земляному полу пробежала крыса. Где-то под потолком урчал голубь...

— Заходи, — буркнул пышнобородый монах. — Здесь у нас вся амуниция. Выбирай, что поглянется.

Леонид недоуменно озирался в полумраке. На стене висела конская сбруя, тут же, в углу, притулилась сломанная телега. Битые кадушки, ржавые косы...

— Держи фонарь, — сказал завхоз и включил эбонитовый радиоприемник с зашторенным материей динамиком.

«Точно такое же радио у мамы в Находке», — мелькнуло в сознании Леонида.

Он повел тусклым пятном света по растрескавшимся бревнам стены и оторопел... Подошел поближе.

Дрожащий луч автомобильного фонаря выхватил из мрака длинную, уходящую вглубь склада слегу, на которой плотным рядом висели на плечиках мужские вечерние костюмы. Все — в запыленных полиэтиленовых чехлах, с торчащими наружу бирками. Малиновые и бутылочного цвета, бежевые с искрой... А вот и чопорные смокинги, две-три фракных пары. На глазок — в среднем, по тысяче-полторы долларов за костюмчик.

Леонид в каком-то полусне перебирал глянцевые бирки — Австрия, Великобритания... Из охрипшего радиоприемника лилась бессмертная музыка Леграна. Вспомнилось всякое...

— Бушлаты и валенки вон там, — ткнул пальцем в противоположный угол монах-завхоз.

Забудь своё фамилие!

Леонид сидел на сосновом чурбаке, перед ним грудой возвышались забранные валенки — серые, черные, коричневые...

— Бери подшитые, не смотри, что ношенные, — нудно советовал завхоз. — Потом спасибо скажешь.

— А костюмы клубные зачем? — не к месту спросил Леонид.

— А ни за чем. Тут еще не такое увидишь...

Бушлат Леонид подобрал быстро, и неожиданно почувствовал себя очень даже комфортно в этой воензированной телогрейке. Нашлись и ватные брюки цвета хаки — аккурат, по размеру.

— Шарф можешь свой оставить, — продолжал бородач. — И шапочка вроде у тебя подходящая, неброская... А куртку твою и джинсы я сейчас оформлю как положено...

— Под расписку, что ли, примете?

— Ишь, ты... — усмехнулся в усы монах-завхоз. — Обойдешься! Забыл, куда попал? Расписку ему... — Он достал мятую тетрадь и огрызок чернильного карандаша, послунял грифель: — Тэ-экс... Как же тебя записать-то?

— Непряев, Леонид.

— Ну, фамилие твоё тут ни к чему, и ты его лучше не вспоминай. Забудь. Откуда прибыл?

— Из Находки.

Завхоз задумчиво теребил губу.

— Хм... Приморский у нас уже есть. Будешь Дальним. Значит, так и запишем: «Выдано Леониду Дальнему — валенки (одна пара)...»

— А это можно взять? — Леонид держал в руке просторные опорки из толстого войлока. — Вместо тапочек.

— Бери, от Смоленского в наследство остались. Схоронили мы его недавно...

Братство строгого устава

Электричество в тесных комнатухах-кельях с неизменными печками-голландками гасило строго по часам — в двадцать два тридцать, а на случай крайней необходимости имелись толстые стеариновые свечи.

Когда Леонид, пробывший на острове всего-то с месяц и еще не постигший всех монастырских законов, простодушно предложил сотоварищам по келье посидеть до двенадцати ночи при свечах, поговорить «за жизнь», никто ему даже не ответил. Сергей Московский — молодой разорившийся бизнесмен — посмотрел на новичка тяжелым взглядом, Саша Архангельский (бывший переговорщик в одной из крупных банд) вообще не выказал никаких эмоций, а молоденький паренек, которого все звали Федяем, украдкой покрутил пальцем у виска — так, чтоб этот выразительный жест видел только Леонид.

Леонид за этот месяц оброс настоящей бородой — не столь пышной, разумеется, как у пожилого монаха-завхоза, но все-таки это была уже борода, а не щетина. Странно, однако, наличие бороды, которую Леонид сподобился отрастить впервые за свою сорокалетнюю жизнь, вызывало у него чувство спокойного удовлетворения, хотя он мог определить ее «качество» лишь на

ощупь — зеркала на острове почему-то были запрещены. Может, начальство в лице архимандрита Варсонофия добивается, чтоб монахи и послушники не только забыли свои фамилии, но и то, как выглядят? Свой собственный облик? Похоже, что так. И вообще, чем дальше, тем больше Леонид убеждался, что монастырская жизнь продумана до мелочей, и нет здесь ничего случайного или необязательного.

Жизнь подвела под монастырь

Здесь было не принято расспрашивать о прошлой, мирской жизни, как не принято было вести праздные разговоры вообще. Но скудная информация о судьбе послушников и монахов каким-то образом просачивалась, становилась общеизвестной.

Послушник Валерий служил еще недавно майором-ракетчиком в Подлипках, брат Виктор был директором магазина, да проворовался, чудом избежал заключения. Черноризец Евгений служил на флоте — кажется, штурманом...

Закончил мехмат МГУ иеромонах Нафанаил, от усиленной учебы слегка тронулся рассудком и теперь иной раз вел себя, как ребенок. Иеромонах Вианор был саксофонистом в Сочи, а иеромонах Мелхиседек пел в престижном ресторане.

Что случилось с этими вполне успешными людьми (иеромонах Нафанаил и брат Виктор не в счет), каким таким образом жизнь «подвела их под монастырь»? О том и гадать не стоило — все равно не узнаешь.

Но Леонид, конечно же, нутром чувствовал, что не от хорошей жизни оказались тут и Архангельский, и Московский, и Федяй — равно как все остальные два десятка разновозрастных мужиков, обитателей островка. Добровольно заточить себя на клочке земли посреди студеного озера, быть постоянно готовым безропотно выполнить любое распоряжение архимандрита Варсонофия — это надо либо характер иметь железный, полностью проникнуться осознанием святости поставленных целей, либо... Попасть в безвыходное положение. Наблюдая за обитателями острова, Леонид пришел к выводу, что всех или почти всех объединяет именно второе «либо», и многие, совершенно очевидно, как и Леонид, скрываются на этом пятачке суши. От чего или от кого? Бог его знает...

И Леонид изо всех сил старался сделать так, чтобы его пребывание в Спасо-Преображенской пустыни казалось ему самому осмысленным и вполне искренним жизненным поступком.

Теперь он вскакивал в половине пятого утра, с первым ударом соборного колокола, стряхивал с солдатского одеяла иней и спешил раньше других к допотопному умывальнику в коридоре. Кулаком пробивал корку льда, образовавшуюся в умывальнике за ночь — иначе, сколько ни долби по длинному носику мойдодыра, а вода не потечет...

— Слишком сильный мороз, — качал головой Архангельский. — Слишком. Вчера на градуснике было аж минус тридцать пять. И это днем! А ночью?..

В том, что мороз способен победить любую твердыню, Леонид убедился ближе к обеду, когда его послали колоть дрова. Вместо колуна, который был бы куда более подходящ, Леонид получил довольно хилый топорик. Что ж, пока нет серьезной мужской работы, можно и топором помахать — все лучше, чем пресные щи на кухне помешивать.

Леонид бросил бушлат на борт бронетранспортера, подошел к вмерзшему в снег чурбаку. Примерился и легонько, но точнехонько тюкнул топориком в краешек среза тополя. И... здоровенный чурбак со стеклянным звонком развалился надвое.

— Во, что мороз-то делает! — восхищенно пробормотал Леонид.

— Нашел, чему удивляться, — послышался за спиной спокойный голос Сергея Московского. — Ты назад оглянись!

Леонид повернулся назад. В нестерпимо ярком зимнем солнце перед глазами посверкивали мельчайшие льдинки, а далеко-далеко, над озером, стояла радуга. И какая радуга! Если б кто сказал, ни за что бы не поверил. Отчетливая и круглая, она, словно разноцветный бублик, висела над соседним островом...

Уже дважды за минувший месяц на острове появлялся какой-то полковник с квадратным телосложением — неизменно под вечер и, как говорится, не с пустыми руками. Благо по льду озера была проложена устойчивая дорога. Леонид из отрывочных фраз, которые ему довелось случайно услышать, понял, что это начальник крупной военной базы, расположенной неподалеку. Помимо бушлатов, цигейковых шапок и солдатских одеял он-то и подарил монастырю списанный БТР и сторожевой катер. А здесь ни от чего не отказывались. Вот и костюмы вечерние, которые Леонид с изумлением увидел на складе в день своего прибытия, у разорившегося торговца взяли. Зачем? А Бог его знает... Пусть будут. А то ведь как? Один раз откажешься, в другой раз чего полезного не предложат.

Дед Иван

Вообще-то, ходить в гости друг к другу в строгой обители не положено, однако келья деда Ивана — негласное исключение из монастырского правила. Бывало, тоска накатит или просто не спится — бредут молодые насельники к седобородому старцу. Отвара брусничного похлепать, да поучения нехитрые, неторопливые, послушать.

Не утерпел и Леонид, приперся к старцу в ночь-полночь. Глядь — а тут и Архангельский, и Московский, и заезжий журналист.

— А так. Мафиози того выпустили, а меня стали вынуждать уволиться. Жизнь пошла — не соскучишься. Идешь по улице, рядом ментовский «воронка» тормозит, руки заламывают, лицом в капот. Я им: дескать, я следователь прокуратуры, выньте удостоверение из кармана. А они: удостоверение фальшивое. И в отделение. А там — сам понимаешь... Потом, конечно, выпускали. На следующий день — новое дело. Гражданин, вы пьяны. И в вытрезвитель. Опять — побои... На работу «телегу» прислали — выговор. И главное, доказать ничего нельзя — у них там все врачи свои. Пьян, и все тут. Ну, я написал заявление об уходе.

— Сломали тебя, брат, — покачал головой Камчатский.

— Вот-вот, — кивнул Леонид. — То же самое мне и невеста сказала. Слабак, мол. И ушла.

— Это она зря, — буркнул Камчатский, чтоб хоть что-то сказать.

— Ладно, все, что Бог ни делает, все к лучшему, — махнул рукой Леонид. — Это я только теперь понял. А тогда... Хотя я уволился, думаешь, от меня отстали? То хулиганы избыют, то к участковому вызов... И на работу нигде не берут, понимаешь, Миша, ни-где! Квартиру служебную, конечно, отобрали, поселился в домике у матери, на окраине... Возле большу-у-ушей свалки. И не видать этой свалке ни конца, ни краю...

Телеграмма из прошлого

Камчатский заменил догоревшую свечу, переставил кассету с заунывными песнопениями. А Леонид после длинной паузы продолжал:

— Стал я, Миша, в церковь ходить, хотя особо верующим не был. Почему ходил? Знаешь, я как порог церкви переступал, словно в другом мире оказывался. Уходил в иное измерение. Я даже не молился, а просто так стоял. А потом втянулся, начал кое-что понимать. А понял я, Миша, что там, — Дальний ткнул пальцем куда-то за пределы острова, — жить по-людски, по-Божески нельзя.

— А здесь можно? — криво усмехнулся Камчатский. — Сбылись, брат, предсказания святых, что придет время, и в монастыре будет как в миру, а в миру — как в аду. Пришло это время.

— Понимаю тебя, — нахмурился Леонид. — И здесь страсти кипят, озлобление да тоска. И все-таки... Здесь есть прямой путь, прямая стезя. Знаешь, какая? Полное подчинение отцу настоятелю, отсечение своей воли. Делать то, что он велит и не делать того, на что нет его благословения. Не ошибешься. Вот я и стараюсь так жить. Уже третий год.

— А ты хоть понимаешь, что коли решил так жить, то надо быть готовым к испытаниям? Большущим испытаниям? — разозлился почему-то Михаил.

Леонид сразу вспомнил отца Мелхиседека... Этот молодой иеромонах тяжело страдал от блудных помыслов и видений. Проснется Леонид, бывало, ночью — глядь, мерцают свечи в окошке Мелхиседека, что в братском корпусе напротив. Не спит, молится коленопреклоненно (это уж он сам Леониду потом рассказывал). Лечение бессонницей и изнурительным трудом не помогло. Тогда стал бедный искушаемый искать «рецепта» у древних святых отцов — в монастыре-то обширная церковная библиотека собрана. И — нашел! Оказывается, чтоб отошел от тебя блудный бес, надо... вообще не пить жидкости. Уж тогда-то лютая жажда пересилит либидо.

Через два дня у Мелхиседека начались почечные колики. Выслушав грозную отповедь архимандрита Варсонофия, иеромонах прекратил «сухую диету». Так и борется по сей день с бесом, трудами да молитвами. Помогли ему Бог...

Леонид не успел ответить брату Михаилу. Снизу, сквозь лестничный ход, послышался крик Федяя:

— Брат Леонид, ты тут? Брат Леонид? Телеграмма тебе! Из дому, из Находки!

По грохочущим деревянным ступеням нескончаемой лестницы — аж целых двадцать два пролета! — вниз, вниз... Федяй протягивает Леониду телеграфный бланк, смущенно отводит глаза в сторону.

— Прости, брат Леонид, я не утерпел, прочел...

Писала соседка матери: мол, при смерти родительница Леонида, не чаёт увидеть сына, чтоб проститься. Вот оно, накаркал юродивый Мишенька!

У Леонида голова пошла кругом...

А тут и архимандрит Варсонофий из собора выходит — задержали его после службы пришлые богомолки, затюкали жалобами на своих мужей-пьяниц. Бросился к настоятелю брат Леонид, благословился, телеграмму показал.

— Ну что ж, поезжай, может, успеешь... Дело святое, — нехотя произнес отец Варсонофий. — Денег я тебе дам, и на дорогу туда-обратно, и... сам знаешь, на что. И вот тебе мое благословение на вкушение мяса. Только ты вот что... Пробудь, сколько потребуется, и ни дня лишнего не задерживайся. Как только — так сразу возвращайся.

Может, случайно вырвались последние слова из уст наместника, может, через минуту он уж и позабыл о них... Да только слова эти — «ни дня лишнего не задерживайся» — определили всю дальнейшую судьбу Леонида по прозвищу Дальний.

Стропальщик

Мать была еще жива, но угасала без лекарств. «Больно дорого, сынок, где же денег-то взять?» — оправдывалась старушка.

И Леонид, помаявшись, истратил деньги, предназначенные на обратную дорогу и для похорон. Купил необходимые лекарства — и впрямь дорогие, аж до изумления. Не отходил от матери ни на шаг, а по весне, когда старушке стало чуть лучше, и ее можно было уже рискнуть оставлять одну, устроился в порт Находки стропальщиком — надо же назад в монастырь собираться, скоро наступит тот день, о котором говорил отец Варсонофий: «Как только — так сразу возвращайся». Слава Богу, что это самое «как только» будет означать не похороны, а выздоровление матери.

Бригадиром стропальщиков, грузчиков и водителей электроплатформ был приятель юности Леонида, грубый верзила Павел. Леонид цеплял крючьями тросов ящики с рыбой, и корабельный кран переправлял улов на берег, на электроплатформу. Монастырский послушник подрядился на месяц: денег, обещанных Павлом, аккуратно, хватало на дорогу до монастыря. «Ни дня не задерживайся», — время от времени всплывали в памяти непреклонные слова архимандрита Варсонофия.

— Я хочу получить расчет, Паша, — сказал через месяц Леонид, вытирая руки о спецовку. — Мы же договаривались. Я месяц батрачу «негром», ты мне платишь, честь по чести. Все, месяц прошел.

— Нет сейчас у меня, не дает Негребецкий бабла. Он, мол, рыбу еще не продал. Говорит, заплатит все чохом, как путина кончится. Оставайся еще на месяц, получишь сполна, обещаю. Мы ж с тобой с малых лет друг дружку знаем.

Леонид смотрел куда-то вдаль.

— Не могу, Паша. Рад бы, да не могу. Я обещание дал. Не задерживаться.

— Тьфу ты! Успеешь еще намолиться до одури! Куда ты спешишь, или помирать собрался? Стоял без тебя монастырь, и еще тыщу лет простоит!

— Прости, Павел.

— Прости? Морду бы тебе набить, вот что! Прости! Ты, выходит, святой, а я — подлец, так, что ли? Да я никогда никого на бабки не кидал, сволочь ты церковная!

Леонид был уже далеко, так что бригадир приходилось надрываться в иступленном оре:

— Слышь, псих! Надумаешь — возвращайся.

— Я уже надумал, — прошептал Леонид. — Возвращаюсь. Пора.

Он быстро-быстро зашагал домой к матери. Лихорадочно побросал вещи в рюкзак, облачился в подрясник, сапоги и скуфейку...

— Давай прощаться, мать, — повернулся к обомлевшей старушке. — Ты поправляешься исправно, лекарства еще есть... А мне пора, нельзя больше... Нельзя... — Подошел к матери, обнял ее и через плечо увидел в окне чью-то фигуру, медленно приближающуюся к крыльцу.

В дом вошел сосед. Было видно, что нелегко дался ему этот визит. Потоптался на пороге, прокашлялся.

— Слышь, Леня... Ты уж и забыл, поди... А я помню, потому как честный человек. Я ж тебе две тыщи должен, выручил ты меня тогда. Вот, возьми.

Деньги сейчас, конечно, уж не те, так что прости великодушно. Больше нету.

Положил на стол бумажки и стремглав выскочил из хибары, негодую на себя самого: зачем отдал? Зачем монаху деньги?

Леонид сунул одну «синенькую» в карман подрясника, другую незаметно положил на комод.

— Прощай, мама!

Странствующий монах

Денег хватило только до Уссурийска. Немного постояв в размышлении на платформе, Леонид пошел разыскивать местную церковь.

Смущенный старичок-священник показал Леониду гору березовых чурбаков, сваленных посреди церковного дворика, и послушник за полдня переколол их на дрова, перетаскал в сарай. От приглашения переночевать отказался.

Священник скрылся в приходском доме, вернулся с большим полиэтиленовым пакетом:

— Вот, матушка тебе еды на дорогу собрала. А денег, извини, нет...

И потопал Леонид в своих кирзачах по знаменитому шоссе на Хабаровск. «Ни дня не задерживайся». Хм... Предельно ясное указание архимандрита. Только вот не уточнил отец Варсонофий, каким макаром в монастырь возвращаться. Значит, если идти пешком, то и это будет прямым исполнением воли настоятеля. Главное — двигаться к обители, нигде не задерживаться сверх крайней нужды. А может, и подвезет кто-нибудь...

Километров за сто до Читы услышал Леонид за спиной жужжание двигателя, привычно поднял руку. Ан это... милицейский «уазик»! Выскочили двое в форме, один заломил руку, другой бесцеремонно вывалил прямо на асфальт содержимое рюкзака, брезгливо осмотрел, потом обхлопал Леонида, вытащил полиэтиленовый пакетик с паспортом.

Второй ослабил хватку:

— Собирай свое барахло. Поедешь с нами в отделение. До выяснения личности. Уж больно вид у тебя странный. Вроде мужик, а одет как баба...

— Послушник я монастырский, — пояснил Леонид, растирая ноющую от боли руку. — И одежда моя — самая что ни на есть мужская, только монашеская.

— А, странствующий монах! — злобно обрадовался тот, что вытряхнул рюкзак Леонида. — Слыхали про таких... Бродяга, значит?

— Какой же я бродяга, если в свой монастырь возвращаюсь? — удивился послушник.

— А чо пешком? У вас так принято, что ли?

— Да нет, я по обету...

Ничего не поняв, сержанты махнули рукой, усадили Леонида на заднее сиденье. В узике Боря и Леша — так звали патрульных — почему-то подошли к задержанному, доверительно рассказали, что наемники из близлежащей колонии бежали трое матерых экзков. Убили охранника, забрали пистолет... Теперь вся окрестная милиция и воинские части подняты на их розыск. Вот и лютуют, хватают всех подозрительных. Ты уж прости, святой отец...

— Да и местные добровольцы в тайгу ушли с ружьями, — продолжал Боря. — Награда за этих экзков большая объявлена. Конечно, из тайги трупы не доволочешь, чтоб предъявить да деньги получить. Поэтому достаточно отрубленную правую руку с наколками принести. Короче, монах, придется тебе здесь покуковать, пока что, сам понимаешь, не до тебя. А личность твою установить надо, ты уж не обессудь. Закон. Ничего, утречком с Находкой свяжутся, получат подтверждение, и — гуляй себе дальше.

— А спать где?

— Как это где? — удивился Леша. — В КПЗ, а то где же. Правильно, Борь? Чай, комфортней, чем в лесу-то. А то посидим, в картишки перекинемся, ты как?

— Спасибо, мужики, я лучше прилягу.

Шли по обшарпанному коридору.

— Ты уж извини, монах, камер для особо важных персон у нас нет, у нас вообще она одна единственная...

Но эта койка в КПЗ показалась Леониду роскошной кроватью: уж много дней ему приходилось спать на земле.

И кастрюлька в придачу

— Ну и здоров же ты спать, монах! Моя бабка покойная поговорку говорила: «Отчего монах гладок? Наелся, да на бок». Прямо про тебя.

Леонид сел на койке, мотая головой — отгонял сон. В зарешеченное оконце светило солнышко.

— Пошли лопать, а то скоро начальство придет, — подмигнул ему Боря.

Леонид по привычке перекрестился на угол, где ничего, кроме бурых разводов сырости, не было. А в кабинете закипал электрический чайник, на столе громоздились бутерброды.

Вошел озабоченный капитан, Боря и Гена лишь кивнули начальнику и продолжали уплетать обильную снедь.

— Та-рищ капитан, все в порядке, без про-сшествий, — с набитым ртом доложил Леша.

— Ни хрена себе, в порядке, — буркнул капитан. — Трое беглых бандитов поблизости шляются... А этот кто таков? Бурят?

— Наш, русский. Послушник из монастыря. Пешком чешет через всю матушку-Россию.

Капитан воззрился на Леонида:

— Куда направляемся, уважаемый? Документы есть?

— Есть у него документы, — отмахнулся Боря.

Леонид уже стоял во весь рост.

— Иду в Карелию, товарищ капитан.

Тот внезапно рассвирепел:

— Да хоть к черту лысому! Какого лешего он тут расселся?

— Так ведь проверить надо, — лениво отвечал Боря.

— Пошел ты в задницу со своими проверками! — рывкнул на него начальник. — Тебе делать больше нечего? Документы в порядке — пусть катится!

Леонид сидел на крыльчке — Боря дал ему знак обождать. От нечего делать играл с приبلудным щенком... Появился Леша:

— Хочешь, бери его с собой, все веселей будет. Далеко тебе топать-то...

— Взял бы, — с сожалением отвечал послушник, да ведь ему за мной не угнаться, а бросить посреди тайги жалко будет, грех...

Вышел Боря, протянул Леониду новехонькие кирзачи — примерь, мол, должны подойти, а то твои-то прохоря скоро совсем развалятся... Еще — шматок сала, хлеб, лук, огурцы. И — бутылку водки.

— А это зачем? — отстранил пузырь Леонид.

— Дурак ты, святой отец! Такая вещь всегда пригодится. Сам не выпьешь, так на хлеб, на картошку в деревне обменяешь. Или на ночлег. Как вон Зарема. Она то и дело у нас за бутылку ночует.

— Ну, помогай вам Господи, братья. А кастрюльки какой-никакой у вас не найдется?

Сыскалась и кастрюлька.

— Ты только пока особо костров-то не разводи, с вертолета увидят — опять тебя брать будут, — напутствовал черноризца сержант Боря. — А наши сейчас дюже злые, всяко может случиться...

На лесном кордоне

Леонид ходко шагал по прямому, как стрела, шоссе. Справа — лес стеной, и слева — лес стеной. И не видать этому шоссе ни конца, ни края. Где же Чита?

Справа, из лесной дебри, донеслось дуновение дыма и — не может такого быть! — мычание коровы. Где-то в километре от шоссе, определил Леонид. А вот и проселок, зигзагом уходящий в тайгу.

Перед Леонидом открылась обширная лесная поляна, а на ней — кордон лесника. Добротная изба, хлев, банька, колодец-журавль... Надо предупредить обитателей, что в нескольких верстах отсюда бродят беглые экзы, лесник и его домашние, поди, и не слыхали про ЧП местного масштаба...

На рубленое крыльчко вышла крепкая, ядреная баба-хозяйка, поздоровалась с Леонидом, пригласила в избу. Смелая баба: лесник-то с дочерью о ту пору были в городе, поехали на мотоцикле за продуктами.

Леонид с наслаждением пил в сенях уж которую по счету кружку молока вприкуску с черным хлебом, хозяйка, прислонившись к притолоке, смотрела на него с доброй усмешкой.

— Чудно как все у тебя, — качала она головой. — Это ж надо — в такую даль переть! Или крест у тебя такой?

— Благословение такое, матушка, — бубнил Леонид.

— Ну, воля твоя. А я уж, грешным делом, обрадовалась. Думала, послал Господь помощника по хозяйству. У меня ведь дочь на выданье, а тут в лесу какие женихи? Одни медведи бродят да волки воют. В кои-то веки мужик к нам завернул, и тот — монах!

И непонятно было, шутит бабенка, или все же под видом шутки искренне высказывает наболевшее...

— Я, матушка, пока еще не монах, может, и не возьмут меня в монахи-то. Со двора донесся стрекот мотоцикла.

— Приехали, — обрадовалась хозяйка.

Леонид выглянул в оконце. Возле «Урала» стоял низкорослый, коренастый лесник и плотно сбитая девушка лет двадцати пяти — в мужских брюках, штормовке и с длинной светлой косой. Отец и дочь выгружали из коляски сумки с крупой да мукой.

Лесник велел женщинам топить баньку — мол, гость с дороги усталши. Лена — так звали дочь лесника — пошла на колодец.

— Слышь, муженек, он в монастыре служит, — поведала хозяйка. — Знаешь, где? Аж в Карелии. Пешком туда идет. Уже тыщу с лишним верст отмахал. Леонидом звать.

— Ну-ну, добре, — слегка удивился хозяин. — А знаешь, мать, что в городе говорят? Утром нашли тех беглых бандитов, так что теперь спи спокойно.

— Поймали, значит? — обрадовалась лесничиха.

— «Пойма-а-али!» — передразнил ее муж. — В расход пустили, вот оно как.

Жизнь удалась?

В парилке, отделанной осиновыми досочками, лесник и Леонид от души хлестались березовыми вениками.

— Я тебя понимаю, — говорил лесник. — И одобряю. Надо — значит, надо. Тем более, если слово дал. И все-таки, вот ты скажи мне, чего ты ищешь? В жизни, я имею в виду.

— Царствия Божия, — неуверенно отвечал Леонид.

— Так то оно так, — покивал головой хозяин. — Да ведь только оно там, — лесник ткнул пальцем в потолок, — а мы — здесь.

Они вышли на двор, и их разгоряченные, мокрые тела тут же облепили полчища комаров. Леонид и лесник окатили себя из ведер колодезной водой и скорехонько метнулись обратно в парилку.

— Вот ты мне скажи, раз ты церковный человек, — гнул свое хозяин кордона. — Взять, к примеру, меня и домочадцев моих. Мы, конечно, молимся мало, редко, чего уж греха таить. Ну, если пожар в тайге случится или корова заболит. И в церковь не ездим — некогда, да и не приучены. И что же получается, мы в Царствие Божие не попадем, так что ли?

— Царство Божие внутри нас, — как можно убедительнее сказал Леонид.

— Слыхал, слыхал... А коли так, чего ж ты в монастырь пошел? Зачем от себя бегаешь?

— Понимаешь... Хочется жить среди людей и в то же время... по-людски.

Лесник задумчиво покивал в ответ.

Распаренные, шли к избе.

— Старший у нас в городе, бизнесом занимается. Ну, это его дело. А Лена ни в какую не хочет отсюда уезжать. Ее, почитай, тут каждый зверь знает. Я, конечно, не агитирую ее тут в лесу век свой вековать, но, прямо скажу, и против ничего не имею. Сам, поди, знаешь, какие нравы в городах-то.

И спросил неожиданно:

— Пойдешь завтра с утра со мной просеку расчищать?

— Пойду, Михаил Северьянович...

Место, где нет зла

Уж который час они порубали мелкие осинки, притомились.

— Передохнем, Лена. Сейчас я тебе кое-что покажу.

Долго пробирались сквозь чащу. Внезапно открылась поляна, да какая! Круглая, ровная, окруженная дремучими елями. По поляне извивался ручей, образуя перед сосной небольшое озерцо.

— Вот это да! — ахнул Леонид. — Разве такое в природе бывает? Этакая идеальная красота.

— Не бывает, — вздохнул лесник. — Это я полянку расчистил, особой травой засеял. И озерцо выкопал. А Лена за этим пятчком все время ухаживает. Это, понимаешь... Ну... Для отдохновения души, для радости. Та-ак, а где же мой Лёшка? Он обычно меня за версту чует.

— Лешка? Это кто?

— Лось это. Я его как-то у волков отбил, а Лена выходила. Это она его Лешкой прозвала.

Леонид стоял в изножье гроба со свечой и псалтирью. Ночь на дворе, даже собака не твякнет.

За стенкой раздавался раскатистый мужицкий храп. Внезапно все стихло.

В горницу вошел Николай в майке и брюках, сумрачно посмотрел на Леонида. Молча сел на табуретку. Заговорил куда-то в пространство, не обращая внимания на чтение псалтири:

— Вот и один я остался. Сын телеграмму из города прислал, мол, приехать не могу, работа... А дочь на юге, на курорте, со своим хахалем. Такие дела, отец.

Помолчал.

— Руки, что ли, на себя наложить? Ни работы, ни семьи, ни здоровья, ни денег... Раньше хоть она была, Марья, все какой-то смысл. Чтоб, значит, за ней ходить. Глядишь, думал, поправится. А теперь что? Только в петлю.

Леонид прервал монотонное чтение, посмотрел на Николая:

— Дурак ты.

— Известное дело, дурак, — охотно согласился вдовец...

Все-таки дошел

В начале декабря, точнехонько на Введение во Храм Пресвятой Богородицы, в воротах Спасо-Преображенской пустыни показалась странная, а пожалуй что и нереальная фигура. Голова повязана дырявой бабьей косынкой, поверх которой кое-как нахлобучена потерявшая форму скуфейка; над тугим узлом топорчатся лохмотья бороды. На обтрепанное платье неопределенного цвета, в котором лишь с трудом можно признать подрясник, напылена измазанная краской телогрейка. Фигура хромала, опираясь на кривую клюку.

Праздничная служба только что отошла, мы стояли с архимандритом Варсонофием посреди монастырского двора и обсуждали мою последнюю статью о Спасо-Преображенской пустыни, вышедшую в одной из московских газет. Прямо скажем, не все в публикации пришло к отцу настоятелю по душе, это чувствовалось по интонациям его тихого голоса. Но добрый старец ни словом не упрекнул меня, пожалел, что ли...

Мы оба замолчали, принялись всматриваться в приближающуюся фигуру. Человек подошел, уронил клюку и, сложив ладони лодочкой, поклонился отцу Варсонофию, испрашивая благословение. Старец перекрестил пришельца, тот выпрямился.

— С праздником, отец настоятель.

— Брат Леонид? Ты? — обрадовался архимандрит. — Вот уж не чаял тебя больше увидеть. Сколько ж тебя не было? Почитай, год.

— Десять месяцев, отче, — тихо сказал Леонид. — С половиной.

А я возьми да брякни:

— Ты, брат Леонид, пешком, что ли, шел?

— По большей части пешком, а где и подвозили добрые люди. Я ведь, простите, отец настоятель, ваши деньги на лекарства для матери истратил. Слава Богу, поправилась.

Скорбно нахмурился архимандрит Варсонофий, промолчал — ведь еле на ногах стоит брат Леонид.

— Так что ж ты мне не дал знать? — свернул разговор о матери настоятель. — Я бы тебе на дорогу выслал! Вот дурак-то, прости Господи.

Леонид потупился с виноватым видом.

— Иди в трапезную, скажи, я распорядился тебя покормить, — продолжал настоятель. — А насчет кельи... Твое место давно занято, но что-нибудь придумаем.

Когда я снова приехал в Спасо-Преображенскую пустынь, архимандрит Варсонофий благословил нас с Леонидом класть русскую печь в мастерских. То есть клал-то, конечно, Леонид, а я усердно месил глину в чане да подавал кирпич. Работали мы неспешно, основательно — как оно и принято в монастыре. И Леонид вполголоса рассказывал о своем возвращении в обитель из далекой Находки.

Всякое случалось на его пути-дорожке. В Кургане разгружал пиво, привезенное в супермаркет, в Челябинске месил бетон на строительстве коттеджа.

Я слушал, машинально ворочал глину совковой лопатой и мысленно не переставал изумляться: как можно вот так взять и загубить свою земную жизнь? Она что, совсем ничего не значит? Неправда! Земная жизнь, семейные радости — это наивысший дар Божий...

Когда после возвращения в монастырь брат Леонид окреп душевно и телесно, ему сообщили, что мать его умерла спустя неделю после того, как он ее покинул. Телеграмму с этим скорбным известием прислала в Спасо-Преображенскую пустынь все та же соседка. А задержись Леонид в Находке, нарушив благословение наместника — как знать, как знать...

Ради чего были все эти жертвы? Только ради того, чтоб ни на шаг не отступить от монашеского послушания настоятелю? Так ведь не оценил отец Варсонофий подвига своего черноризца, попросту назвал дураком... Может, правильно назвал?

Так кто же он, неужели — одержимый? Да нет, непохоже. Видимо, я просто чего-то не понимаю. Или, может, люди, добровольно избравшие для себя монашеское поприще, действительно сделаны из другого теста... Недавно понятие «инок» созвучно со словом «иной».

— Брат Леонид... — заговорил я, но черноризец тут же перебил меня:

— Не называй меня Леонидом. Нет больше Леонида.

Теперь у него, оказывается, другое имя: мантийный монах Пахомий. □

Андрей Дышев

ПРИВИЛЕГИЯ БОГА

Журнальный вариант. Окончание. Начало в № 9, 2011

ГЛАВА 45

Кабина лифта беззвучно скользила вниз.

— Если бы вы знали, как мне не терпится поговорить с охранниками кладбища, — признался Адриано, поправляя на плече лямку сумки. — Наверняка они знают намного больше, чем сообщила пресса... Ага, вот и приехали! Бери ключи, заводи и прогревай машину, а мы с Мари рассчитаемся с метрдетелем!

С этими словами он протянул Владу ключи от машины, да еще взвалил на него свою сумку. Подведя сестру к стойке ресепшн, шепнул:

— Не вздумай рассказать Владу о своем отважном поступке! Ты ударила его лучшего друга! Влад будет очень переживать!

— Почему же мы бросили его лучшего друга замерзать на балконе?

— А кто сказал, что мы его бросили? — пожал плечами Адриано. — Сейчас я вызову врача... Э, милейший! — позвал он метрдетеля. — Мы срочно

съезжаем... Нет-нет, нам тут очень понравилось. Очень! Особенно Varolo местного разлива. Будьте так любезны, дайте мне лист бумаги и карандаш, я черкну пару слов...

Сонный метрдотель придвинул ему блокнот и осоловелыми глазами уставился в экран телевизора, по которому шли ночные новости. Адриано склонился над стойкой и мелкими буквами, какие Мари с расстояния нескольких шагов ни за что бы не разобрала, написал: «В номере 1410, на балконе, заперт преступник, пытавшийся убить двух мирных постояльцев. Его оружие спрятано в технологическом лючке за биде. Причитающуюся мне премию прошу направить в фонд любителей истории».

— Прочитайте это сразу же, как только за нами откроется дверь, — заговорщицки прошептал он метрдотелю, вместе с запиской передавая ему купюру, и, обняв Мари, повел ее к выходу. — Скажи-ка мне, детка, правду, ведь ты примчалась в Л'Аквилу не только потому, что хотела сообщить нам приятную новость о разрытой могиле доблестного Коллеоне. Так ведь? Тебя сюда принесло по зову сердца, которое неровно дышит по отношению к Владу...

— Адриано! — с возмущением воскликнула Мари. — Что ты говоришь?!

— Ах, птичка моя! Уж кто-кто, но старый кот Адриано всегда заметит тот неповторимый блеск, какой бывает только в глазах влюбленной девушки!

Они вышли на улицу. Влад уже подогнал машину и раскрыл двери.

— К рассвету мы должны быть в Риме! — сказал он, водружаясь на водительское сиденье, отчего старенький «альфа ромео» просел, едва не коснувшись земли днищем.

Мари расположилась сзади. Едва машина тронулась, она достала из сумки телефон и стала набирать номер справочной, заодно обращаясь к своим спутникам:

— Думаю, вы не станете возражать, если с охранниками кладбища буду говорить я? Даже мой устав-

ший голос, в сравнении с львиным рыком Адриано, покажется им мелодичным журчаньем ручья.

— Валяй! — позволил Адриано и принялся откупоривать бутылку пива.

Машина выехала за границу горнолыжного поселка и тотчас окунулась в непроглядную темень.

— Алло, справочная? — заговорила в трубку Мари. — Мне нужно срочно связаться с охраной городского венецианского кладбища... Нет, девушка, я не шучу. Почему так поздно? Видите ли, я придерживаюсь мнения, что на кладбище лучше звонить поздно, чем рано... Да-да, я запомню, диктуйте!

Адриано, посмеиваясь, прихлебывал пиво. Влад, придвинувшись к ветровому стеклу, вглядывался в ночь и осторожно давил на педаль газа.

— Алло, это охрана кладбища? — нарочито томным голосом продолжала Мари. — Вас беспокоит Мари-Рафаэль Берлускони, корреспондент газеты «Спагетти», той самой, которая платит безумные деньги своим информаторам. Я хотела бы поговорить с господином, которому посчастливилось дежурить в момент совершения акта вандализма... Ах, его зовут Витторио?.. Звали? А почему звали?.. Простите, не поняла... Как, то есть... Извините... — Девушка отключила телефон и после недолгой паузы растерянно объявила: — Этот охранник трагически погиб... Он попал под машину в Риме на набережной Микеланджело.

Влад от неожиданности едва не ударил ногой по педали тормоза, что на заснеженной дороге могло бы привести к печальным результатам. Адриано обернулся и, выпучив глаза, воскликнул:

— Чертовщина какая-то! А что он делал в Риме?

— Его коллеги тоже не могут ответить на этот вопрос. Говорят, что Витторио вел себя очень странно, но в чем эта странность заключается, может пояснить только некий лейтенант Джорджо Сорди из службы безопасности метрополитена.

— Служба безопасности метрополитена, — проворчал Адриано, делая приличный глоток из горлышка. — Знаю я одного прохвоста из этой организации, который отвечает за связь с журналистами и общественностью. Как-то консультировал его по поводу подделок произведений искусства, и этот неандерталец никак не мог понять, почему мы, искусствоведы, так переживали, когда из Флорентийской церкви был украден барельеф эпохи Возрождения со сценой «Благовещения» или уникальная ваза, расписанная греческим мастером Евфронием. Представляете, что он мне заявил? Говорит, что мы, раздувая скандалы, кидаем тень на авторитет полиции, и что вообще Италии пора поделиться шедеврами со всем миром, продать подлинники, а вместо них поставить копии. Дескать, обыватель не заметит подмены, а государственная казна значительно пополнится.

— А этот «неандерталец» ничем не сможет нам помочь? — спросила Мари, очень раздосадованная тем, что не смогла получить никакой полезной информации у кладбищенских охранников.

— Попробую, — неохотно ответил Адриано, доставая из кармана телефон. — Кажется, он у меня есть в записной книжке... Ага, вот он, Сегатори Лиццани. Сейчас...

Влад хмыкнул и покачал головой:

— Ты собираешься звонить ему в половине шестого утра?

— Самое лучшее время для объяснения с подонками, — безапелляционно ответил Адриано, потом долго слушал гудки и, наконец, сказал:

— Что, подонки, спишь? Крепко спишь? А я готовлю новую экспозицию, которая обещает произвести настоящий фурор среди журналистов. Она будет называться «Спящая полиция, или Как у нас разворачивают национальное достояние»... Что ты, какие шутки?

Увидев, что Влад и Мари просто сгорают от любопытства, желая узнать подробности разговора, Адриано нажал на кнопку громкой связи, и все услышали гнусавый сонный голос Сегатори:

— А что случилось, Адриано? Ты как с цепи сорвался!

— Рим содрогнется от такого удара по авторитету полиции! Моя экспозиция вывернет наизнанку всю вашу мелочную сущность!

— Да что ты шипишь, как дырявая шина? Из твоего музея что-то украли?

— Если б из моего, ты бы уже лежал в больнице с сотрясением мозга, подонки! Разворовали захоронение Коллеоне, и не делай вид, что ты впервые слышишь об этом!

— Да ничего оттуда не украли! Ты верь журналистам больше, они еще не такое напишут!

— У меня есть все основания им верить, — распял сам себя Адриано, и его неумная фантазия хлестала фонтаном. — А ради чего тогда сицилийская мафия наехала на кладбищенского охранника Витторио? Отвечай, подонки! Ради чего его раскатали по асфальту набережной Микеланджело? Не иначе, как он был свидетелем похищения ценностей из склепа, а если выразиться точнее, то соучастником, и часть сокровищ была при нем, поэтому мафия не оставила ему никаких шансов на жизнь. Правду я говорю, подонки? Но самое печальное, что все это происходило на глазах твоего коллеги лейтенанта Джорджо Сорди...

— Стоп! Стоп! Стоп! — закричал Сегатори, да так громко, что даже рука Адриано, которой он сжимал телефон, задрожала. — Все было не так, Адриано! Поверь мне, тебя ввели в заблуждение! Я лично разговаривал с лейтенантом, и он рассказал все подробности этого происшествия. Не было никакой сицилийской мафии! И никаких сокровищ при Витторио не было! Просто он показался лейтенанту подозрительным, когда стоял на берегу Тибра и швырял в воду камни...

— Что?! — в один голос крикнула вся компания, находящаяся в машине.

— Да, обыкновенные белые камешки, похожие на куриные яйца. Он вынимал их из сумки и по одному кидал в воду. При этом выглядел весьма странно, будто совершал нечто противозаконное. Когда лейтенант окликнул его, Витторио кинулся наутек и попал под машину.

— А-а-а... — растерянно произнес Адриано, — эти камешки... их никто не пытался найти?

— Да кому они нужны? К тому же, искать их в мутном Тибре, да еще с таким мощным течением, бесполезно.

— Ну, это совсем другое дело, — пролепетал Адриано. — Тогда я сворачиваю экспозицию... — Он отключил телефон и широко распахнутыми глазами посмотрел на Влада и Мари. — Витторио выкинул печати в Тибр. Все. История Тайны Власти закончилась.

— Печати? — с некоторым сомнением переспросил Влад.

— Да, неувязочка! — поддержала Мари, которая, должно быть, больше всех не желала сдаваться. — У Коллеоне могла быть только одна печать!

— Ничего не понимаю, — пробормотал Адриано. — Может, лейтенант что-то напутал? Если второй печати уже не существует, то почему «наследники Христа» продолжают суетиться? Чем мы... — Он хотел сказать, «чем мы им мешаем?», но вовремя прикусил язык.

Некоторое время все молчали. Влад и Адриано всматривались в черное полотно дороги, слабо освещенное немощными фарами. Мари покусывала губы. Молчание мужчин она расценила как признание финала.

— Что ж, — произнесла она. — Это не самый плохой конец. «Наследники» не получат вторую печать, и не случится большой беды.

— Наверное, так, — безжизненным голосом отозвался Адриано. — Только зачем мы были нужны? Зачем Бог наделил нас жадной поиском, умом и энергией, если все разрешилось само по себе?

— Подождите! — перебил его Влад и pokrutil головой. Машина резко вильнула на дороге. — Подождите! Все не так! Когда был взломан склеп Коллеоне?

— В минувшую среду, — ответила Мари, с надеждой заглядывая в лицо Влада. Ей хотелось продолжения приключений, которые позволяли ей находиться рядом с любимым человеком.

— В минувшую среду, — повторил Влад. — А «наследники Христа» пришли ко мне в четверг, только-только вернувшись из Италии. И правая рука матери Анисьи была уже перебинтована! Вы понимаете, о чем я хочу сказать? Они побывали в склепе до Витторио и унесли оттуда только то, что им было нужно, — всего лишь одну небольшую каменную печать с половиной круга Инь-Янь, которой мать Анисья и прижгла себе ладонь. Дело теперь за второй печатью!

— Но что это были за камни, которые охранник выкинул в Тибр? — спросил Адриано, по инерции выказывая скептицизм.

— Античный лом! — дружно, в один голос, ответили Влад и Мари.

— Ага, — заметно повеселел Адриано. — Теперь становится понятно, зачем «наследникам» понадобилось отрубать кисть у мумии. Чтобы не ошибиться и опознать среди «античного лома» печать, они сличали каждый камень с рисунком на ладони.

— Омерзительная процедура! — поежившись, сказала Мари.

— Все правители, полководцы, вельможи, которым доставался один из камней с половинкой Символа Власти, спешили прижечь себе ладонь, — сказал Влад. — Они надеялись обладать если не всей полнотой божественной власти, то хотя бы частью ее. И тешили себя надеждой добыть вторую печать. И тогда приложил бы удачливый мошенник раскаленный камень к ладони, соединив круг Инь-Янь, и притянул бы к себе безграничную веру людей, и стали бы его рабами целые народы и страны...

Адриано покосился на Влада, острым взглядом давая понять, что не советует другу затрагивать запретную тему про иудея с клеймом на ладони...

— Полиция! — вдруг крикнула Мари, показывая вперед.

Влад машинально бросил взгляд на спидометр, не понимая, что опасаться следует вообще не превышения скорости. Несколько полицейских стояли на темной обочине рядом с машиной, сверкающей проблесковыми огнями. На флуоресцентных костюмах прозрачно светились бледно-голубые полосы, и казалось, что жезлами размахивают какие-то поломанные скелеты. Влад сбросил скорость и стал съезжать на обочину.

— Газу!! — неожиданно рывкнул Адриано и, схватившись за руль, вывернул его на себя. Машина метнулась влево, зашуршала гравием и вылетела на середину полосы. Влад, не сообразив, что от него требует друг, машинально придавил педаль акселератора, но тотчас отпустил ее.

— Давай! Давай! Газу!! — орал Адриано, снова хватаясь за руль.

Видя, что машина ведет себя странно, полицейские замахали жезлами с удвоенной силой. Влад попытался оттолкнуть Адриано, намертво вцепившись в руль.

— Ты что делаешь?!

— Слушай меня!

— Адриано, они будут стрелять! — воскликнула Мари, испугавшаяся необъяснимого поведения брата.

— Ты с ума сошел! Это обыкновенная проверка документов! — кричал Влад, из последних сил борясь с Адриано.

Если бы Адриано мог объяснить Владу, что полицейские брошены именно на перехват старенькой «альфа ромео» с номерами арендной фирмы, и

«обыкновенная проверка документов» обязательно закончится камерой в полицейском участке. И долгими допросами, и очными ставками со свидетелями, и следователи будут выбивать из них подробности всей этой запутанной странной истории, в которой много, подозрительно много убийц и убитых, и будет упущено драгоценное время, и тот, кто стремится вознестись над миром под именем Бога, довершит свое страшное дело...

— Слушать меня-а-а!! — закричал он.

Влад, лишенный возможности управлять машиной, покорился натиску Адриано и вдавил педаль акселератора в пол. Машина взревела и, яростно перетирая колесами щебенку, ринулась вперед. Мари вскрикнула и закрыла лицо руками. Полицейские едва успели отскочить в сторону, кометой промелькнул за окном проблесковый маячок. Мари обернулась, глядя на удаляющуюся полицейскую машину.

— Они схватились за рации, — комментировала она. — Сядутся в машину...

— Прибавь-ка немножко, — уже спокойным голосом попросил Адриано и похлопал Влада по плечу. — Не переживай. Ты же не в России! Наши правила разрешают игнорировать команды полицейских в ночное время суток и вне населенных пунктов.

Влад понимал, что Адриано говорит неправду, и все же тон друга его немного успокоил. В конце концов, он же не мальчик, и хорошо знает, что делает. Машина с визгом входила в повороты, лучи фар выхватывали из темноты серые столбы виноградника.

— Сейчас будет поворот на грунтовку, — сказал Адриано. — Сверни и погаси фары. Объемом по полю полицейский пост.

— Я беспокоюсь за тебя... — Влад вывернул руль и выключил наружное освещение. — Из-за меня у тебя могут быть неприятности.

— Ты беспокоишься? Обо мне? — рассмеялся Адриано. — Друг мой! Ты понимаешь, что нам с тобой дано? Мы с тобой избранные! Избранные! Ты видел Его!

Машина въехала одним колесом в колдобину, и Влад, как самый высокий, стукнулся темечком о потолок кабины. Потирая ушибленное место, он покачал головой и мучительно произнес:

— Я видел всего лишь самозванца.

Даже Мари не могла предположить, что эти слова, смысл которых она не понимала, вызовут такую бурную реакцию. Адриано схватил Влада за ворот рубашки и с силой сжал его.

— Еще слово — и мы поссоримся!

— Адриано! — с возмущением воскликнула Мари. — Ты что себе позволяешь?!

Адриано, наполняя салон тяжелым сопением, разжал пальцы, скрестил руки на груди, нахмурился, сжался, словно улитка в своей ракушке.

— Ты ведешь себя как неблагодарная свинья, — негромко заговорил он. — Этот фокус со строфантинком удался, и это есть чудо. Оно дано Богом, чтобы рассеять твои сомнения, но ты их только усугубляешь и пытаешься увести меня.

— Я разговаривал с ним, — как можно мягче и убедительнее произнес Влад. — Он сам признался...

— Я не хочу этого слушать! — перебил его Адриано.

— Эй, петухи! Довольно! — вмешалась Мари. — Я ничего не понимаю. О ком вы говорите?

— О Боге, — ответил Адриано.

— О сатане, — ответил Влад.

Адриано с силой врезал кулаком по приборной панели, но она, как ни странно, выдержала. Машина, тихо урча, продолжала ехать по разбитой весенними дождями грунтовке.

— А поточнее можно? — судорожно сглотнув, робко попросила Мари.

ГЛАВА 46

С рассветом они въехали в Рим. Чтобы развеять тягостную атмосферу в салоне, Влад включил магнитолу и настроил ее на программу новостей. Криминальная хроника минувшей ночи была скупа и ограничивалась сообщением о нескольких угонах автомобилей. Политическая мозаика новостей тоже не изобиловала сенсационными событиями. Диктор, изо всех сил стараясь говорить эмоционально, поведал о некоей пенсионерке из города Сан-Чезарео, которая подала в суд иск против премьер-министра Сильвио Берлускони за то, что тот, якобы, не выполнил обещания повысить минимальные пенсии. В недалеком будущем Берлускони должен предстать перед мировым судьей, а свидетелями на процессе будут выступать министр труда Роберто Марони и тележурналист Бруно Веспя.

— Вот так послушаешь, — произнес Адриано, — и подумаешь: какой чепухой занимаются наши правители.

— Тише! — перебил его Влад и сделал звук громче.

Пошел рекламный блок. Ведущие туристические компании предлагали уникальные туры на юго-восточное побережье Крыма, откуда можно будет наблюдать пик солнечного затмения. По словам рекламодателей, тень от Луны накроет берег Крыма в районе поселка Рыбачье, затем мрак опустится на Морское, Новый Свет и Судак. Полная фаза затмения будет наблюдаться в окрестностях Судака в двенадцать часов три минуты пополудни и продлит-

ся четыре минуты двадцать четыре секунды... Туристические фирмы предлагали своим клиентам необыкновенные впечатления, а также познавательные выступления ученых, специалистов и практическое руководство по наблюдению и съемке Солнца.

— Видишь, как получилось, — сказала Мари Владу. — Ты уехал, а у тебя там такое представление начинается!

Адриано был мрачнее тучи. Он стрелял настороженным взглядом по сторонам и барабанил пальцами по панели.

— Думается, — произнес он, — нас здесь тоже ждут увлекательные представления...

— Как ни странно, — признался Влад, настороженно поглядывая в зеркало заднего вида, — меня не покидает то же ощущение... Но кто мне ответит, почему эта черная «лансия» уже полчаса висит у нас на хвосте?

Адриано и Мари одновременно обернулись, а Влад тотчас, почти не притормозив, свернул в ближайший проулок и сразу сшиб левым крылом мусорный бак.

— Не переживай, — сказал Адриано, облизнув пересохшие губы. — У Мари есть знакомые в банке, где она может взять беспроцентную ссуду. Мы и машину отремонтируем...

— И адвокатов хороших найдем, — продолжила Мари, — и полицейским взятку дадим, и целую коробку строфантина купим...

— Кажется, отстал, — сказал Адриано, выворачивая шею и глядя назад, а затем погрозил сестре пальцем: — Ты мне тут про строфантин даже не заикайся! Выкинь всякие мысли о нем из головы!

— Смешно смотреть, как ты надуваешь щеки и стараешься соответствовать образу строгого старшего брата! — фыркнула Мари. — Тебе так хочется власти надо мной, что ты не замечаешь ничего вокруг себя, в том числе и телефона, который надрывается в твоём кармане!

Адриано хрюкнул от досады и полез в карман. Влад в очередной раз свернул куда-то и оказался на древней улочке, настолько узкой, что на ней вряд ли бы разминулись два мотоциклиста. Въехав на тротуар, он заглушил двигатель, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

— Кто бы знал, как я устал...

— Кто бы знал, что мне звонит ее высочество научный консультант исторического фонда синьора Фиорелла! — восторженно воскликнул Адриано, едва ли не целуя дисплей телефона. Он включил трубку и благоговейно поднес ее к уху: — Слушаю тебя, о божественный эталон женской красоты, неисчерпаемый кладезь наслаждений!

— Адриано! — раздался насмешливый голос Фиореллы. — Тебе надо срочно жениться! Все твои мысли зациклены на сексе.

— Ты требуешь от меня невозможного, ибо есть на свете только одна женщина, к ногам которой я мог бы положить свое сердце, и, конечно же, это ты, о моя черноокая истина, ангел книг и фея страниц!

Мари вздохнула и закатила вверх глаза.

— Болтун!

— У меня для тебя приятная новость, — перешла к делу Фиорелла. — Помнится, ты интересовался неким талисманом, который переходил из поколения в поколение...

— Да, да, да! — нетерпеливо перебил ее Адриано. — Ты его нашла? Он у тебя? Ты греешь его в своих нежнейших ладонях?

— Дашь мне хоть слово сказать? Никакого талисмана у меня нет. Но я нашла фрагмент письма, адресованного кондотьеру Коллеоне. Сохранилась только его первая половина, вторая же сгорела во время пожара в библиотеке Ватикана в 1931 году. Но в уцелевшем фрагменте упоминается о твоём талисмане...

— О-о, натурщица античных скульпторов! Если сейчас зачитаешь это письмо, можешь рассчитывать на мой страстный поцелуй во время послеобеденной сиесты!

— Хватит языком молотить! — не выдержала Мари. — Ты не даешь Фиорелле рта раскрыть!

Влад, Мари и Адриано склонились над телефоном и затаили дыхание. Было слышно, как Фиорелла шуршит бумажками.

— Читаю: «...кровавые многовековые распри убеждают нас в том, что люди никогда не смогут определиться, кому быть отмеченным Божественной силой. Всякое решение в таком исключительно важном вопросе будет ошибочным. Нам остается уповать только на мудрость Бога, это его прерогатива, и только Он вправе выбирать и назначать своего наместника на Земле. Так вверим нашу судьбу в его руки! Каждый из нас двоих, обладателей Великих Печатей, пусть составит завещание в пользу другого, и, в случае естественной смерти одного, Печать перейдет другому, оставшемуся жить и властвовать, а дабы избежать подделки, ошибки или коварства подданных, истинность Печати должно определить по начертанию на ладони умершего. Пред Богом и честью своей...» На этом все. Остальное сгорело.

— Фиорелла, — спросил Влад. — Вы уверены, что письмо было адресовано именно Коллеоне?

Женщина рассмеялась, и смех, доносившийся из маленького динамика мобильного телефона, больше напоминал сухой кашель.

— Можете не сомневаться в этом, мой русский коллега! Имя адресата указано в верхнем углу письма.

— Послушай меня, о шедевр антропологии! — взволнованно произнес

Адриано. — Неужели там не сохранилось подписи? Может, есть инициалы? Или хотя бы одна буква?

— Увы, Адриано, нижняя часть письма сгорела подчистую!

— Ах, какая досада! Я умру от тоски! На каком хоть языке написано письмо?

— На итальянском. Судя по стилю, писал вельможа знатного происхождения. Это все, что я могу сказать тебе об авторе. Правда, на уголке сохранился кусочек сургучовой печати, он оплавлен, но кое-какие обозначения остались. Если тебе это интересно...

— Да! Мне это безумно интересно! — закричал Адриано так громко, что Мари прижала ладони к ушам. — Пообещай мне, сокровище всех времен, что дашь мне это письмо на пару часиков.

— Адриано...

— И тогда у тебя появится шанс поцеловать меня...

— Наглец...

— Значит, договорились?

— Так и быть. Только на два часа, и под твою личную ответственность!

Адриано отключил телефон и сверкающими от волнения глазами оглядел друзей.

— Коллеоне и еще некий знатный итальянец заключили между собой договор, — задумчиво произнес Влад. — Печать того, кто из них умер первым, должна была перейти в собственность ко второму. Этакая игра с судьбой.

— Теперь понятно, почему Коллеоне перед смертью распорядился положить в свой гроб всякие старинные камешки, в том числе, и печать, — сказала Мари.

— Только не понятно, почему второй итальянец, автор письма, так и не пришел за наследством, — проворчал Адриано.

— Испугался ответственности? — предположила Мари.

— Если он боялся ответственности, то зачем вообще предложил Коллеоне обменяться завещаниями? — возразил Влад. — Не похоже, что этот человек струсил настолько, что даже побоялся на законных основаниях взять себе печать Коллеоне. Обратите внимание — он уповает на мудрость Бога. Коллеоне умер первым — значит, на то была Божья воля. Двери открыты, Бог ждет: иди, бери вторую печать, ставь клеймо, завершай магический круг, объявляй себя Сыном Божиим и властвуй... Но нет, не принял наследство, и невостребованная печать пролежала в склепе Коллеоне еще пятьсот лет.

— Поразительно! — недоверчиво покрутил головой Адриано. — Получается, что автор письма добровольно отказался от величайшей власти! Я готов поверить во что угодно, в любой альтруизм, в скромность, в щедрость, граничащую с безумием, но чтобы итальянский вельможа в средние века от-

казался от власти, которая спускалась к нему с небес... Не верю!

— А я верю! — сказала Мари. — Мы ведь не знаем подробностей, как жил, о чем думал, какие душевные потрясения пережил этот человек. Может, он ушел в монастырь. Может, сошел с ума, потерял память, или отправился в далекое путешествие...

Последние слова девушки вдруг привлекли внимание Влада. Он внимательно посмотрел ей в глаза, словно разгадка таилась именно в них.

— Теперь я тоже верю, — произнес Влад. — Ибо есть единственная уважительная причина, по которой человек не может прийти за Божественной Властью. Причина банальна и проста.

— Ну! — поторопил Адриано, отличавшийся нетерпеливостью. — Не трави душу!

— Эта причина — смерть.

Порыв влажного ветра ворвался через верхнюю фрамугу в кабинет, прошелся по полоскам жалюзи и шевельнул лежащий на столе пожелтевший, тонкий, ссохшийся фрагмент старинного письма. Синьора Фиорелла придавила его мраморным бумагодержателем, подошла к окну и потянула рычаг, запирая фрамугу. За окном резко потемнело, рваные тяжелые тучи закрыли не только остроугольную часовую башню базилики Санта Мария Маджоре, но и фасадную балюстраду, и даже возвышающуюся над архитравом лоджию с арками. Казалось, что Рим поглощает мутно-грязный океан, опускающийся с небес.

В сумрачном кабинете сразу стало уютно и холодно. Фиорелла пошла к выключателю, чтобы зажечь свет. Вот уже несколько дней, как коробка выключателя вывалилась из своей ниши в стене и болталась на оголенных проводах. Фиорелла покачала головой. Дважды она подавала заявку администратору библиотеки на ремонт, но электрик так и не пришел.

Она осторожно надавила на коробку, пытаясь втолкнуть ее в гнездо. Провода, словно пружины, сопротивлялись, коробка шла неровно, наперекос. Фиорелла замерла, глядя на ненавистный выключатель. Оставить все, как есть?

Непонятно, почему она не прислушалась к внутреннему голосу. Наверное, заявило о себе обыкновенное женское упрямство. Фиорелла взяла со стола карандаш и, надавливая им на провода, снова попыталась загнать коробку в нишу. Карандаш соскочил с провода, рука женщина по инерции пошла вперед и коснулась оголенной клеммы.

Разряд электричества откинул ее от стены. Она не устояла на каблуках, нога ее подвернулась, и женщина полетела на пол. Голова ее с гулким стуком ударилась о край стола. Твердый пластиковый угол продавил тонкую височную кость и погрузился в мозг, где угасала искра последней мысли: «О, Господи...»

— Смерть?! — одновременно переспросили Мари и Адриано.

— Да, — кивнул Влад. — Автор письма не приехал за наследством в Венецию потому, что умер практически одновременно с Коллеоне. Наследство осталось не востребованным, и магический круг не замкнулся на ладони одного человека. Бог не позволил сделать это.

— Ну, за Бога не расписывайся, — не оставил без замечания последнюю фразу друга Адриано. — А вот то, что они умерли одновременно, дает нам некоторый шанс.

— Отыскать автора письма по дате его смерти! — догадалась Мари.

— Именно так, детка моя! А теперь едем к божественной синьоре Фиорелле. У нее и письмо, и интернет. Очень скоро мы узнаем имя человека, в могиле которого до сих пор лежит вторая печать.

Влад запустил мотор и задним ходом выехал из узкого проулка.

— Пока не наступил час пик, мы успеем доехать до библиотеки за каких-нибудь десять минут, — потирая ладони, сказал Адриано. — Если, конечно, наш русский друг не протаранит еще какой-нибудь мусорный бак.

— Я готов уступить тебе место за рулем, — охотно предложил Влад.

— А мне нельзя! Я выпил пива! — тотчас ретировался Адриано. — К тому же, все ресурсы моего уникального мозга сейчас задействованы на поиске истины. Ответьте мне, дорогие мои коллеги: что вам известно о кондотьере Коллеоне?

— Нам известно то, что этот полководец завещал все свое состояние Венецианской республике, взамен обещания властей поставить ему после смерти памятник на площади Сан-Марко, — ответил Влад, осторожно выливая на via Momentana.

— Прекрасные познания! — оценил Адриано. — Но вот незадача: памятник Коллеоне стоит вовсе не на площади Сан-Марко! На этой самой значимой площади города, рядом со всемирно известным собором, вообще нет памятников! Там нельзя ставить памятники! Тем не менее, власти города сдержали слово! И знаете, в чем фокус? — Он выждал паузу и продолжил: — Фокус заключался в том, что завещание было составлено с мелкими неточностями. Коллеоне потребовал поставить себе памятник возле Сан-Марко, имея в виду собор, но в завещании об этом прямо не сказал, и власти поставили железного всадника в другом месте — на площади Сан-Джованни-и-Паоло возле скуолы, которая также носила имя Сан-Марко. Отсюда мораль: когда будете писать завещание, трижды проверьте каждое слово!

— Спасибо за полезный и своевременный совет! — хмыкнула Мари.

В этот момент «альфа ромео» подрулила к зданию библиотеки, и Адриано выскочил из машины.

— Сидите тут! Я мигом!

Влад не стал глушить мотор. Машина тихо урчала, со свистом работал вентилятор, обдувая ветровое стекло, на котором пузырились первые капли дождя.

Опустив руку на плечо Владу, Мари спросила:

— Скажи, а если мы найдем печать, как мы с ней поступим?

— Представь, что право решить ее судьбу будет дано тебе.

— Конечно, перспектива раздобыть вторую печать весьма заманчива. Но...

— Что «но»?

— Я даже не представляю, на что можно использовать такую огромную власть.

— Неужели не воспользуешься?

Мари задумалась.

— Когда я была маленькой, то мечтала стать певицей, быть популярной, известной, чтобы у моего подъезда всегда стояли толпы поклонников.

— А теперь?

— Теперь перехотела, — рассмеялась она. — Меня теперь больше привлекает домашний уют, спокойствие, уверенность в себе и своих близких... Я повзрослела и поняла, что даже самая могущественная власть не даст того, что наполнило бы нашу душу теплом и любовью.

— Ты очень славная, Мари! И я наберусь смелости пригласить тебя в Крым на солнечное затмение.

— На солнечное затмение? — переспросила Мари, и тут улыбка сошла с ее лица, а глаза наполнились тревогой. — Знаешь, а я... я очень боюсь солнечного затмения.

Адриано с треском распахнул дверь и тяжело рухнул на сиденье. Он часто и глубоко дышал, глаза его блестели. Кинув на панель хрупкий пожелтевший листок с оплавленной сургучовой печатью, он обхватил голову руками и хрипло произнес:

— Фиорелла мертва. Поехали быстрее куда-нибудь!

ГЛАВА 48

Влад ехал «куда-нибудь» так быстро, насколько мог. Перестраивался из ряда в ряд, сворачивал на другие улицы, возвращался обратно и снова сво-

рочивал под первую же попавшуюся стрелку. Если на карте города начертить его маршрут, он был бы похож на траекторию полета мухи, залетевшей в дом.

— Я не знаю, что с ней случилось, — рассказывал Адриано, вытирая рукавом пот со лба и поглядывая в окно. — Она лежала на полу, голова — в луже крови. Я сразу кинулся к телефону и вызвал «Скорую помощь». Когда выходил из ее кабинета, меня видели работники библиотеки... Там всюду мои отпечатки пальцев!.. Слушай, а кто это за нами? Не полиция?

— Это фургон с йогуртами, — успокоила его Мари. — Ты ни в чем не виноват, Адриано! Тебе нечего волноваться!

— О чем ты говоришь, глупое создание?! — воскликнул он. — Я взял письмо Коллеоне! Это уже улика! Серьезная улика!

— Что ты сказал диспетчеру «Скорой помощи»? — спросил Влад.

— Что научный консультант лежит на полу, без пульса и без дыхания.

— Ты представился?

— Нет, сказал, что случайно зашел в кабинет... Конечно же, это нелепая отговорка. Полиция сразу выяснит, кому Фиорелла звонила за несколько минут до смерти... Да что ты пилишь по средней полосе, тебя же за версту видно!

— Адриано, возьми себя в руки! — прикрикнула на брата Мари.

— Если бы от меня, как от свидетеля, была бы польза, — говорил Адриано, заламывая пальцы, — я бы немедленно отправился в полицейский участок. Но что я могу сказать? Следователи все увидят и поймут без меня... Ты что, едешь в музей? Ни в коем случае! Там меня будут искать в первую очередь!

— Сворачивай на улицу 20 Сентября, — спокойным голосом распорядилась Мари.

— Ты куда надумала? — насторожился Адриано, глядя по сторонам. — К себе домой, что ли? С ума сошла, бестолковая девчонка?! Не хватало еще тебя влутать в историю!

— Не слушай его! — потребовала Мари, ближе придвигаясь к Владу. — Я вне всяких подозрений, и ко мне полиция не сунется... Теперь гони прямо до указателя «Salario».

Мари жила в однокомнатной квартире недалеко от виллы Альбинии. Старый узкий дом имел сквозной подъезд, к тому же, на каждой лестничной площадке было только по одной квартире, что давало надежду проникнуть в апартаменты Мари, не замеченными соседями.

Оказавшись в квартире, Адриано тотчас вышел на лоджию, глянул вниз, вернулся в комнату, заглянул в холодильник и, не найдя там пива, сел за компьютерный стол, больше напоминающий дамский туалетный столик. Сгреб и сдвинул на край косметические принадлежности сестры, после чего включил компьютер.

— Бедная Фиорелла, — пробормотал он и тотчас громко спросил: — Мари, ты хорошо заперла дверь? — И снова вполголоса: — Если ее убили, то за что? Кому она мешала в этой жизни?

Мари задернула шторы и включила настольную лампу.

— Символ Власти шествует по Земле, оставляя за собой кровавые следы, — произнес Влад.

— Не надо делать скоропалительных выводов, — сквозь зубы процедил Адриано. — Совсем не обязательно, что к смерти Фиореллы причастны «наследники Христа». И вообще, начертания на ладони сами по себе ничего не значат и не несут никакой агрессии.

— А мне кажется, у нас уже достаточно фактов, чтобы убедиться в обратном, — возразил Влад. — Вся история борьбы за владение печатями сопровождается убийствами, ложью, интригами, коварством, изменами. И ты хочешь сказать, что...

— Я ничего не хочу сказать! — грубо оборвал его Адриано. — Мари, угомони этого предводителя скаутов, иначе я за себя не ручаюсь!

— А мне кажется, Адриано, что угомонить надо тебя! — возмутилась Мари, выходя из кухни, где подогревала лазанью и варила кофе. — Ты разучилась нормально разговаривать с Владом! В его словах нет ничего оскорбительного, но ты реагируешь, как бык на красную тряпку!

— Ну, конечно, — проворчал Адриано, — двое против одного...

— Помоги мне, пожалуйста! — перебив его, попросила Мари Влада.

— Помоги ей, помоги! — кивнул Адриано, подталкивая Влада в спину. — Лично я в посторонней помощи уже не нуждаюсь. Осталось ввести в поисковую систему несколько ключевых слов — «умер», «скончался», «погиб» и «в 1475 году», и через минуту я узнаю имя человека, обладавшего второй печатью.

Влад вышел с Мари на кухню.

— Не сердись на него, — сказала она, вынимая из микроволновой печи стеклянную форму с лазаньей. — Адриано очень любит тебя, но с твоим приездом он пережил то, чего не переживал еще никогда. Теперь история для него — это не только дела давно минувших дней. Она ворвалась в его жизнь и заставляет играть по новым и странным правилам... Она повсюду, она здесь и сейчас... И мне кажется, ему страшно, как если бы он вдруг оказался один в джунглях, наполненных кроважидными животными.

— Почему один? — возразил Влад. — Я с ним. И ты с нами...

— Нет, — покачала головой Мари и отвернулась к окну. — Он один. Один... Я это чувствую...

— О-о-о, проклятье! — вдруг донеслось из комнаты. — Только не это!!

Влад и Мари, склонившись над Адриано, пялились на экран монитора.

— Их шестеро! Шестеро! — возбужденно говорил Адриано. — Вы понимаете? Сколько нам понадобится времени, чтобы проверить каждого! Дурдом какой-то... Я ненавижу историю! Ненавижу!!

— Томмазо Гуардати, — зачитывал вслух имена великих личностей Влад. — Христофоро ди Негро, Паоло Уччелло, Ален де ля Рош, Симон из Трента, митрополит Феодосий...

— И что, они все умерли в 1475 году? — спросила Мари.

— Представь себе, детка моя! — подтвердил Адриано. — Что за год такой проклятый! Сколько достойных людей скопил!

— Но неужели каждый из них мог быть автором письма Коллеоне? — недоверчиво произнесла Мари.

— Разумеется, нет, — ответил Влад, преодолевая первые эмоции и стараясь спокойно разобраться в нелегкой задаче. — Митрополита Феодосия можно исключить сразу.

— Обоснуй! — потребовал Адриано.

— Этот человек был навязан Московской митрополии святым Ионой, смыслом жизни которого было противостоять новому наступлению католицизма на Русь. Очень сильно сомневаюсь, чтобы митрополит вступал в какие-то отношения с католиком, да к тому же кондотьером.

— А я бы еще исключила Симона из Трента, — сказала Мари. — Если верить легенде, это мальчик стал жертвой ритуального убийства в два года. Никого не надо убеждать в том, что в два года он не мог переписываться с Коллеоне?

— Согласен, — кивнул Адриано. — Осталось четверо. Какие еще идеи?

Похоже, ни у кого больше не нашлось аргументов ни «за», ни «против».

— Томмазо Гуардати, — вслух размышлял Адриано. — Писатель, творивший под псевдонимом Мазуччо, обнищавший дворянин, служивший в Неаполитанском дворе секретарем князя Роберто Сансеверино, а позже короля Фердинанда Арагонского. Мог он обладать печатью?

— Мог, — ответил Влад.

— Христофоро ди Негро, — продолжал Адриано. — Последний консул генуэзской Солдайи. Между прочим, так раньше назывался сегодняшний крымский Судак! — Адриано взглянул на Влада с каким-то скрытым значением. — Был убит турками при штурме крепости.

— Какое любопытное совпадение, — произнесла Мари.

— Что ты имеешь в виду? — вскинул строгий взгляд Адриано.

Мари уклонилась от ответа.

— Паоло Уччелло, флорентийский живописец эпохи раннего Возрождения. Работал не только во Флоренции, но и в Венеции, в Падуе и в Урбино... Обратите внимание: он художник! Художник и рисунок на ладони... гм... очень может быть... — Адриано поднял голову и слегка толкнул Влада в плечо. — Ну, что ты молчишь, как школьный надзиратель? Я не слышу сенсационных выводов и смелых гипотез!

— Последний: Ален де ля Рош, — глядя на экран, произнес Влад. — Это некий доминиканец, который обогатил католическую церковь не только изощренными орудиями пыток, но также четками, изобилием свечей и прочими богоугодными принадлежностями.

— Твоя ирония по поводу католической церкви сейчас вовсе не уместна, — проворчал Адриано. — Предлагаю вычеркнуть этого де ля Роша. Он француз, а письмо было написано явно итальянцем.

— Нам ничего не остается, как согласиться с тобой, — ответил Влад. Он взял старинное письмо, склонился к лампе, внимательно рассматривая блеклые вензеля. — Сургучовая печать, конечно, здорово пострадала. Но если показать ее сфрагисту...

— Сфрагисту? — повторил Адриано. — То есть, специалисту по печатям? Наконец ты родил дохленькую идейку. А раз родил, то тебе и осуществить ее. Я дам адрес одного чудака, который коллекционирует геральдические знаки и печати. Может, он что-нибудь интересное скажет.

— А почему ты отправляешь Влада одного? — спросила Мари.

— Потому что я неважно себя чувствую, — буркнул Адриано, поднимаясь из-за стола. — Меня знобит. Я хочу принять ванну.

— Как тебе не стыдно, Адриано! — упрекнула Мари брата. — Ты же... ты же просто...

Она не договорила, но Влад понял, что она хотела сказать. Конечно же, Адриано боится выходить из дома. Банальная человеческая слабость. После того, как он застал Фиореллу мертвой, и десятки сотрудников библиотеки видели, как он выходил из ее кабинета, его стал терзать навязчивый страх обвинения в убийстве.

— Ты, в самом деле, неважно выглядишь, — сказал он. — Бледный, синяки под глазами. Иди в ванную и согревайся. А я мигом. — Аккуратно сунул письмо в пластиковый файл и вышел в прихожую.

— Я с тобой! — взмолилась Мари.

— Пожалуйста, не беспокойся, — успокаивающе проговорил Влад. — Со мной ничего не случится. Я быстро сгоняю туда и обратно. А ты лучше последи за Адриано. Он, в самом деле, нездоров.

— Да, какой-то он не такой... — произнесла Мари и нахмурила лоб. — Что ж, поезжай скорей. И, пожалуйста, не отключай телефон. Я буду тебе звонить...

Ладонь будто горела огнем. Боль была такой острой, словно на ладони лежал раскаленный камень... Мать Анисья морщилась от боли всякий раз, когда приходилось быстро и круто вращать руль. Гнойные выделения делали ладонь липкой, и руль от этого стал скользким, но мать Анисья не надевала перчатки. Это безумно, глупо, смешно — надеть перчатки! Такую ладонь, как у нее, надо держать открытой и поднятой высоко над головой!

Темная «альфа ромео» с битым левым крылом стремительно неслась впереди нее, лавировала, перестраиваясь из ряда в ряд, но мать Анисья не отставала, и даже если на минуту теряла машину из виду, то вскоре снова находила ее.

«Альфа ромео» свернула на короткую, типично римскую улицу, и мать Анисья увидела, как ее помятый передок уткнулся в пандус продуктового магазина, а сама машина перегородила и без того узкий тротуар.

Когда водитель исчез за дверями подъезда, она вышла из своей машины и подошла к «альфа ромео». Забрызганное грязью стекло было наполовину опущено, и женщина без труда дотянулась до пары кожаных перчаток, лежавших на приборной панели.

— Да, Адриано мне звонил, — с порога перешел к делу эксперт-сфрагист, протягивая руку вовсе не для приветствия, а чтобы получить старинное письмо. — Вот это? Только это, и все?.. М-да, немного. Можно сказать, ничего. Не знаю, кто бы вам еще помог, если бы не я. Специалистов моего уровня на свете почти не осталось...

Не приглашая зайти, он прошел в глубь квартиры, заходя в крохотную комнатку, заставленную и заваленную книгами, которая, должно быть, служила эксперту рабочим кабинетом. У окна стоял высокий круглый стол, тоже заваленный книгами, и сфрагист наклонил его, сваливая на пол все, что на нем лежало. Очистив, таким образом, рабочее пространство, положил письмо на стол, нацепил очки и несколько минут при полном молчании рассматривал его и остаток прилепившейся к нему печати, а Влад, тем временем, заложив руки за спину, с мучительным напряжением рассматривал стоящие и лежащие вразнобой книги.

— Что я могу вам сказать, — наконец заговорил эксперт, расчесывая запястье, на котором сверкал широкий браслет с камешками искусственного малахита. — Без всякого сомнения, эта печать торговая, и принадлежала она некоему итальянскому вельможе.

— Что значит, торговая? — спросил Влад.

— Это значит, что она использовалась, как правило, для сопроводительных писем, с которыми отправлялся товар, предназначенный исключительно для государственных нужд. И я с полной уверенностью могу назвать вам место, где было написано и скреплено печатью это письмо. Обратите внимание на прерывистую окантовку и фрагмент рыцарского копья. Видите извилистую полоску? Это так называемый реппонсел, то есть вымпел, треугольный флажок на копье рыцаря. Именно по нему я делаю вывод, что отправитель письма находился в одной из итальянских факторий, коих в пятнадцатом веке на побережье Крыма, русского черноморского побережья и Абхазии существовало не менее четырех десятков...

— На побережье Крыма? Вы сказали, на побережье Крыма?

— Идем дальше, — спокойно продолжал эксперт, не обращая внимание на Влада и поглаживая кривым указательным пальцем застывшую каплю сургуча. — Очень важно, какой именно рыцарь изображен на печати: всадник или пеший. В нашем случае — всадник. Это решающий момент, ибо он дает нам основание сделать вывод: обладатель печати представлял Италию не на заурядной торговой площади, а в военном гарнизоне, я бы сказал, в крепости. А вот шлем рыцаря может открыть нам даже его имя... Секундочку, наберитесь терпения и не скрипите половицами так громко! Мне нужно найти справочник...

Он широко расставил ноги, оперся руками о стопки книг и стал искать справочник. Влад приготовился терпеливо ждать столько, сколько потребуется, но вдруг зазвонил его телефон.

— Влад! — услышал он взволнованный голос Мари, и тотчас почувствовал, как его сердце словно онемело в груди. — Адриано...

— Что Адриано?!

— Умирает!

— Куда же вы, синьор? — удивился эксперт, когда Влад кинулся к двери.

— Я пришла к вам свою помощницу! — крикнул тот уже с порога.

Эксперт пожал плечами, чувствуя себя слегка оскорбленным. Он уже был близок к тому, чтобы назвать имя автора письма, но молодой синьор куда-то убежал.

— Таких специалистов, как я, — пробормотал он недовольно, — по пальцам пересчитать можно. И мы заслуживаем значительно большего уважения...

И тут раздался звонок в дверь. «Быстро же он обернулся!» — подумал обрадованный эксперт и поспешил в прихожую.

Но это оказался вовсе не молодой человек, а дама среднего возраста в темном костюме и длинной юбке. Шляпка с закругленными краями прикрывала верхнюю часть ее лица. Обеими руками дама прижимала к себе сумочку.

— Ага! — догадался эксперт. — Вы, должно быть, помощница того синьора? Дама не ответила, но подтвердила догадку эксперта легким кивком.

— Проходите! — засуетился он, устремляясь в кабинет. — Правда, у меня тут немножко не убрано... Может, приготовить вам кофе? Или желаете вина?

Дама ничего не желала, во всяком случае, а не высказала никаких пожеланий. Эксперт занял свое место у высокого стола и начал все сначала:

— Что я могу вам сказать... Со всей очевидностью заявляю, что эта печать принадлежала некоему итальянскому вельможе...

— Пожалуйста, назовите мне имя, — сдержанно перебила его дама.

Какое странное у нее лицо! И глаза пустые, холодные. И что-то еще в ней отталкивало...

Эксперт потянул носом, пытаясь определить, почему эта женщина производила на него такое неприятное впечатление, и вдруг ему стало как-то нехорошо. Он опустил взгляд и стал быстро листать справочник. Сейчас назовет ей имя, и пусть она поскорее уходит. А с Адриано он потом сдерет двести... нет, триста евро! Это уникальная экспертиза, и она стоит больших денег.

Эксперт нашел в справочнике геральдические изображения всадников, какие использовались на личных печатях консулов, и положил письмо на страницу, чтобы легче было сличать...

— Ну вот, — произнес он. — Полное совпадение. Вторая половина пятнадцатого века, генуэзская колония в Крыму, крепость в Солдае... Так что, уважаемая синьора, это письмо было написано ее последним консулом, благочестивым Христофором ди Негро. Об этом человеке я могу рассказать вам...

— Не надо, — перебила его дама, открывая сумочку.

«Рассчитаться хочет! — подумал эксперт. — Пусть гонит четыреста...»

Он так и не понял, что за предмет она достала. Мать Анисья выстрелила эксперту в голову почти в упор. Глядя на распостертое неподвижное тело, протерла пистолет платком и кинула его эксперту на грудь. Затем бросила туда же кожаные перчатки Влада.

«Уваров мне больше не нужен, — подумала она. — Пусть протухает в тюрьме. А мне пора на самолет. Остались сутки. Всего сутки...»

ГЛАВА 51

Прокуратор ходил вокруг Жезу, с любопытством рассматривая его хитон, босые ноги, жилистую шею, землисто-темную от пустынного загара. «Он совсем не боится. Он ждет. Он хорошо знает, о чем мы будем с ним говорить...»

— Я, наверное, ошибаюсь, — произнес прокуратор, останавливаясь на-
против Жезу. — Но мне показалось, что ты искал со мной встречи.

— Ты не ошибаешься, — ответил Жезу.

— Что ж, — Понтий Пилат остановился и скрестил на груди руки. —
Говори.

Жезу медленно повернул голову, посмотрел на центуриона, стоящего у
ближайшей колонны, а затем вопросительно взглянул на Пилата, словно
спрашивал у заместника, не пожалеет ли он, что это живое олицетворе-
ние могущественной власти кесаря станет свидетелем их разговора.

Понтий Пилат то ли кивнул, то ли посмотрел себе под ноги и снова пошел
вокруг Жезу, как хищник, выжидающий удобного для нападения момента.
Затем поднял руку, слабо шевельнул пальцами, и центурион, сверкнув без-
различными, жемчужно-холодными, жестокими глазами, покорно вышел.

После его ухода Жезу снова заговорил:

— Я разделяю твои мучительные сомнения. Префекту преторианской
гвардии Луцию Сеяну не избежать гражданской войны, ибо тех, кто
готов его поддержать после покушения на Тиберию, слишком мало.

Понтий не отвел взгляда. Седые брови дрогнули, и в глазах прокуратора
проступила печаль.

— Того, что ты сказал, уже достаточно, чтобы тебя убить. Что ты еще знаешь?

— Ты думаешь о деньгах. Ты должен заплатить своим легионерам, чтобы
они пошли за тобой в Рим, а им нужно много денег. Снова взять из корвана
ты уже не можешь, потому что об этом станет известно в сенате, и разговор
будет раскрыт. И отказать Сеяну в поддержке у тебя не хватит сил... Мо-
стик, по которому ты идешь, очень хрупкий.

— Это все, что ты хотел сказать мне?

— Этого достаточно, прокуратор.

— Тебе или мне?

— Нам обоим.

— Обоим? У тебя хватает смелости видеть нас вместе? — Пилат посмо-
трел себе под ноги. — Место рядом со мной навсегда занято моей тенью.
Тебя давно били, бродяга?

— Мою тень бьют каждый день. И мне очень печально по этому поводу.

— Ты веселый человек, Жезу. Я повидал много таких весельчаков. Все
они думали, что и на кресте тоже будут шутить.

— Поверь мне, если ты отправишь меня на крест, то будешь плакать вме-
сте со мной.

— Ты испытываешь мое терпение... — Пилат близко подошел к Жезу. —
У тебя много людей?

— Весь мир, прокуратор.

— Не преувеличиваешь?

— Многие еще сами об этом не знают.

— И как... ты это делаешь?

— Спроси об этом у Бога.

Пилат отошел, покачивая головой.

— Для тебя слова, что орешки. А если вырвать тебе язык?

— Мало что изменится, прокуратор.

— Даже так?! — Пилата начал раздражать этот разговор. — Что все-таки
ты можешь мне дать?

— Власть.

— Власть? Какая же у тебя власть, если здесь и сейчас я могу сделать с
тобой что угодно, а ты не можешь ничего! Обладая, как ты говоришь, вла-
стью, ты все равно пришел ко мне. Значит, тебе чего-то не хватает?

— Кнута и плетки, прокуратор.

— Кнута и плетки? Ты смеешься?

— Ничуть. Ты же спросил, чего мне не хватает. У тебя маленькое стадо,
больное и слабое, но прекрасные и огромные овчарни, крепкие пастухи, сто-
рожевые собаки, и всего этого слишком много для жалкой горсточка овец-
чек. А мое стадо похоже на море, и когда я стою рядом с ним, то нигде не
вижу земли, а лишь белые завитки шерсти да рожки, но в руках у меня нет
ничего, и куда я иду, туда и мое неразумное стадо. Почему бы нам не поде-
литься друг с другом тем, чего у каждого в избытке.

Понтий Пилат почувствовал, что улыбается. Этот иудей знает, что говорит.

— Хочешь сказать, что я, как старая мельница, впустую перемалываю
воздух?

— Да, прокуратор, ты пытаешься рубить воду и стегать кнутом воздух. Ты
уже пробовал выставить в Иерусалиме флаги с изображением Тиберия и
тем самым прижать своей властью народ. Но иудеи пришли к тебе в Кеса-
рию, легли на землю перед твоим домом и лежали так несколько дней. Ты
мог бы приказать легионерам изрубить их в куски, но не сломал бы их духа.
И ты тогда понял, что проиграл, и убрал из священного города флаги. Тебе
надо в Рим, прокуратор, и ты сразу почувствуешь мягкую глину в своей ла-
дони, и будешь из нее лепить что хочешь.

— Научишь меня это делать?

— Я помогу тебе, но научить не могу. Это дар Божий.

— Какой у тебя щедрый Бог!

— Одарив меня необыкновенной силой, Бог заверил ее своей печатью. —
Жезу медленно приподнял правую руку, раскрыл ладонь и показал ее про-
куратору.

Понтий Пилат взглянул, прищурился, отошел на шаг.

— Сядь! — произнес он, махнув рукой на кресло, и принялся ходить вокруг него. — Я прикажу принести еды и вина...

— Не надо! — остановил его Жезу. — Ты очень взволнован. Если не знаешь, как поступить со мной, спроси меня.

— И как же мне поступить с тобой?

— В ближайшие дни мы должны отправиться в Рим. Там тебя ждет трон кесаря. Медлить нельзя, прокуратор. Наступит час, когда край божьего плаща закроет солнце, и мрак, опустившийся на землю, возвестит народам о пришествии нового правителя.

— Но первосвященники требуют распять тебя.

— Тебе это предложение кажется более выгодным?

— Я не хочу... я не могу обострять с ними отношения.

— А что тебе иудейские первосвященники, если ты сюда уже никогда не вернешься?

— Мой возраст научил меня осторожности, Жезу, — с натяжкой усмехнулся Пилат.

— Мне кажется, ты колеблешься перед выбором. Смелее, прокуратор! Толпа перед твоей резиденцией ждет твоего решения.

Понтий Пилат стремительно подошел к Жезу, и его белый плащ, взметнувшись крылом, погнал по залу ветер.

— Решение уже принято, неужели ты еще этого не понял? — процедил он. — Уйти надо с чистыми руками.

— Что ж, если первосвященники хотят крови, хотят получить пасхальную жертву от прокуратора, то распни... кого-нибудь другого.

— Другого? — Пилат обернулся, посмотрел на Жезу и задумался. — А кого другого?

— Твои центурионы арестовали еще одного человека. Кажется, его зовут Адриано.

— Я думал, ты будешь просить за него.

— Я его почти не знаю. Отдай этого человека солдатам, прикажи им постараться, чтобы он сам на себя не был похож, да надень на него мой хитон. А меня тайно проводи на корабль.

Понтий Пилат думал. Он мучительно думал о каждом своем шаге. Этот Жезу непростой человек. Он притягивает веру людей в себя. Не обмануться бы, не ошибиться. Один неверный шаг — и в пропасть. Рим не прощает неудачливых заговорщиков.

— Жезу, — произнес Пилат. — Помоги мне для начала поверить в тебя.

— Возьми, — ответил Жезу и протянул Пилату белый камень.

Это был ни бриллиант, ни изумруд, ни сапфир, а лишь небольшой кусочек мрамора, с высеченным на нем изображением полукруга, внутри которого мягко изгибались женственным контуром замысловатые линии.

— Эта печать даст тебе половину Божественной Власти, — сказал Жезу. — Вторую половину ты получишь, когда мы прибудем в Рим.

Прокуратор сжал камень в кулаке, затем опустил его в мешочек, висящий на поясе, и хлопнул в ладоши.

— Проведи его через атриум в ванную, — приказал Пилат вошедшему легионеру. — И распорядись, чтобы накрыли в триклинуме на двух человек.

— Благодарю, — произнес Жезу и слегка поклонился.

Легионер повел гостя к входу в главное помещение резиденции, обрамленное алтарем с изображениями богов.

Понтий вдруг окликнул его:

— Жезу! А тебе не жалко его?

Жезу остановился, обернулся.

— Кого?

Понтий Пилат вяло махнул рукой: «Не понял». Он не ошибся. Жезу, в самом деле, не догадался, о ком спросил его прокуратор, а раздумывать не стал, тотчас забыв о вопросе.

ГЛАВА 52

Влад выжимал из машины все, на что она была способна. Мотор ревел и захлебывался. «Альфа ромео», попирая все законы динамики, мчалась по улице, то выскакивая на встречную полосу, то ныряя в плотный поток машин.

Бросив машину на проезжей части, он забежал в подъезд и буквально взлетел на четвертый этаж. Дверь в квартиру была приоткрыта, Влад подумал, что уже подросла бригада медиков, но комната была пуста.

— Мари! — крикнул он, убедившись, что и на кухне нет никого.

Девушка отозвалась из ванной. Влад метнулся туда, распахнул дверь, и уже на пороге ему в нос ударил тяжелый запах крови.

То, что он увидел, потрясло его. Ванная была залита кровью, и в ней лежал Адриано. Он часто и хрипло дышал, под прикрытыми веками блуждал затуманенный взгляд. Лицо, тело, руки и ноги Адриано были покрыты кровоточащими ранами, с локтей, бедер и груди свисали лоскутки содранной кожи, маслянисто чернели глубокие порезы. Мари с бледным лицом сидела рядом на полу, крепко держа окровавленную руку брата, и вся дрожала.

— Как это... произошло? — через силу произнес Влад, на ватных ногах приближаясь к ванной и совершенно не зная, как ему поступить. — Кто это сделал?

— Я не знаю... — пробормотала Мари. Ее подбородок дрожал, она говорила с трудом. — Он сам...

— Врача... Срочно...

— Я вызвала...

Сорвав с крючка полотенце, Влад склонился над ванной.

— Боже, сколько крови... Не сиди здесь! — сквозь зубы процедил он Мари. — Постели на диване простыню! Бинты! Быстро! Делай же что-нибудь!

— Да... да... — залепетала Мари, вскакивая на ноги.

Влад подsunул руки под спину Адриано.

— Держись за меня... Слышишь, Адриано?

Несчастный попытался ухватиться за шею Влада, но руки соскальзывали, он мучительно стонал и скрипел зубами.

— Влад... Влад... — шептал он, смятая окровавленными руками рубашку Влада. — Подожди... не надо...

— Адриано, кто это был?! Кто это сделал?! «Наследники Христа»?! Это была женщина в черном?! Адриано, скажи что-нибудь!!

Влад вдруг схватил его окровавленную ладонь и поднес к своим глазам — она была насквозь пробита каким-то тонким острым предметом, точно посередине.

За его спиной заплакала Мари. Адриано из последних сил стиснул руку Влада и попытался приподнять голову.

— Я ошибся... — прошептал он. — Это не он...

Грохоча ботинками, в квартиру ввалилась бригада медиков. Влада отнесли. Кто-то скомандовал, и несколько мужчин одновременно подняли Адриано на руки и опустили на носилки. Рослый чернокожий санитар нарочито грубо толкнул Влада локтем, чтобы не стоял в проходе и не мешал. Мари, прижимая к щекам ладони, с ужасом смотрела на окровавленное тело брата, на его руку, безвольно свисающую с носилок.

Влад схватил ее за плечи и встряхнул:

— Мари, объясни мне, что здесь произошло? У него пробиты ладони!

Она отрицательно крутила головой и беззвучно шевелила губами. Только по ним Влад разобрал, что она ответила «ничего».

— Он кричал? Звал тебя на помощь?

Она опять покрутила головой и прошептала:

— Я слышала, как он стонет...

— Кто-нибудь к вам приходил?

— Нет.

— Входная дверь была заперта?

— Да... но...

— Что «но», Мари?

Вместо ответа она разжала кулак, и Влад, увидев на ее ладони осколок ампулы от строфантина, сразу все понял. Адриано уединился в ванной и сделал себе укол.

Из квартиры ушли все врачи, кроме одного. Это был кряжистый седой мужчина. Чиркая испорченной зажигалкой, он пытался прикурить и, не скрывая, прислушивался к разговору Влада и Мари.

Наконец ему удалось высечь пламя. Тщательно раскуривая сигарету, врач кидал недобрые взгляды на хозяйку квартиры.

— Насколько я понял из ваших обрывочных слов, — сказал он, нагло выпуская дым в лицо Владу, — вы не знаете, кто нанес этому мужчине такие страшные ранения? — Он выждал паузу, поочередно взглянув то на Влада, то на Мари. — Ну что ж, допустим. Но вы же не станете утверждать, что это он сам себя так изувечил?

— Мы сейчас ничего не можем ни утверждать, ни отрицать, — ответил Влад, прижимая Мари к себе.

— Поймите меня правильно, — бесцеремонно стряхивая пепел на пол, произнес врач, — я вынужден сообщить об этом происшествии в полицию. Постарайтесь не выходить из дома... Ради вашего же собственного благополучия, — добавил он и решительно направился к двери.

Влад торопливо запер за ним и быстрыми шагами вошел в комнату.

— Сейчас сюда приедет полиция, — говорил он, размышляя вслух. — Нас отвезут в участок и начнут допрашивать. Даже если мы будем говорить только правду, нам никто не поверит. Когда Адриано придет в себя и даст показания, пройдет много времени. И будет уже поздно... Дай мне телефон эксперта, которому я отвез письмо!

— Я его не знаю. Адриано поддерживал с ним отношения.

— А по справочнику можно его найти? Как зовут эксперта?

Мари растерянно пожала плечами. Влад с досадой хлопнул ладонью по столу.

— Проще добраться до него на машине. Уходим, Мари! Ну, не стой же, как вкопанная!

— Я ничего не соображаю...

Влад схватил девушку за руку и повел к выходу.

Они спустились до первого этажа, как вдруг услышали скрип тормозов и хлопки автомобильных дверей.

— Проклятье, это полиция! — пробормотал Влад.

Мари сориентировалась быстрее его.

— Сюда! — шепнула она и спустилась на пролет ниже, где был сквозной выход на противоположную сторону дома. Они выбежали на улицу. Влад тотчас принялся размахивать рукой, привлекая внимание такси. Желтая машина с табличкой «Servizio pubblico» притормозила рядом с ним, но водитель, прежде чем разблокировать дверь, внимательно посмотрел на парня и девушку через стекло.

— Что случилось? — спросил он. — Вы будто от полиции убегаете!

Влад через силу улыбнулся:

— А как вы догадались?

Водитель все-таки открыл дверцу, и они устроились на заднем сиденье. Влад назвал адрес, и машина тронулась с места. За всю дорогу водитель не произнес ни слова, ехал неторопливо и часто поглядывал в зеркало на Мари.

— Что это? — вдруг произнес Влад и уперся обеими руками в панель, словно хотел остановить машину.

Это было какое-то наваждение! Такси приближалось к конечной цели, и Влад уже видел дом, в котором жил эксперт-сфрагист. Но почему у подъезда толпятся люди, почему столько полицейских машин с включенными проблесковыми маячками? Вот толпа отхлынула назад, и из подъезда вынесли носилки. Простыня повторяла рельеф неподвижного тела, лежащего под ней. Наружу выпросталась рука, раскачиваясь как маятник, она едва не касалась асфальта. На широком браслете, стягивающем запястье, сверкали зеленые стекляшки, похожие на малахит.

— Влад... — выдохнула Мари, непроизвольно вцепившись Владу в плечи.

Она все увидела, и все поняла.

— Остановите! — крикнул Влад.

— Простите? — уточнил водитель и прибавил газу, направляя такси прямо к полицейским машинам.

Влад схватил его за горло и прижал затылок к подголовнику.

— Вы с ума сошли! — захрипел водитель. — Здесь запрещена остановка...

Машина продолжала двигаться, и тогда Влад свободной рукой рванул руль на себя. Машина с визгом пошла по дуге. Центробежная сила швырнула водителя на дверь, и он, резко надавил на тормоз. Машина еще не остановилась, а Влад уже распахнул дверь. Он выскочил в тот момент, когда передние колеса с гулким стуком уткнулись в бордюр тротуара. Мари, проявляя необыкновенную расторопность, выбежала из машины сразу вслед за Владом. Схватив девушку за руку, он кинулся к ближайшей подворотне. Сзади отрывисто, невыносимо тревожно завывала машина — водитель такси бил кулаком по сигнальной кнопке.

— Влад, это катастрофа! — задыхаясь, кричала Мари. — Это «наследники»? Мы опоздали? Влад, скажи что-нибудь!

Что он мог ей сказать? В голове его царил хаос. Он чувствовал себя, словно волк, обложенный со всех сторон охотничьими флажками. Мари скоро обессилела и уже не могла бежать. Они перешли на шаг. Поминутно оглядываясь, Влад сворачивал во дворы, проходил через арки и выбирал самые узкие улочки. Резко повернув за угол, он чуть не расшиб голову о торчащую из стены чугунную вывеску в виде змеи, опутавшей ветку дерева. Это оказалась кофейня. Он толкнул тяжелую, обитую внизу медным листом дверь.

Приветливо звякнул колокольчик.

— Веди себя спокойно, — шепнул он Мари. — Возьми меня под руку.

В зале было сумрачно, тихо играла музыка. Они прошли к дальнему столу с двумя ножками, который одной стороной был привинчен к драпированной стене.

— Ты думаешь, здесь мы можем чувствовать себя в безопасности? — спросила Мари.

— Я думаю, что сейчас никто на земле не может чувствовать себя в безопасности.

Официант принес кофе и коньяк. Мари закурила. Влад видел, как дрожат ее руки, когда она подносила пламя зажигалки к сигарете.

— Нам никогда не найти второй камень, — произнесла она. — Нам не дадут это сделать...

По телевизору, встроенному в стенку, шла информационная мозаика со всех уголков земли. Влад медленными глотками пил кофе, казалось, что он сосредоточенно смотрит на экран, и ничего больше его не интересует. Одни кадры быстро сменялись другими — оказывается, у людей и червей есть схожие гены, муравьи любят учить друг друга, «магнитные пустыри» были предшественниками звезд, а предприниматели Крыма уже продали туристам несколько тысяч специальных закопченных стеклышек для наблюдения за пиком солнечного затмения...

— Я понял... — вдруг произнес Влад. — Я срочно лечу домой.

ГЛАВА 53

Ему повезло: в расписании обнаружился коммерческий рейс самолета «CRJ-200» австрийской авиакомпании до Харькова. Самолет отправлялся в четверть одиннадцатого вечера, и до отлета оставалось еще почти шесть часов.

— Пойми меня, я не могу оставить Адриано в таком состоянии, — словно оправдываясь, говорила Мари, с трудом сдерживая слезы. — А так бы я обязательно полетела с тобой.

Зал отлета пассажирского терминала был полон. Туда-сюда сновали пассажиры с тележками, загруженными чемоданами и сумками. Со всех сторон мерцали электронные табло. Диктор едва успевала переводить дух, объявляя об отправлении и прибытии самолетов.

Влад кивал и гладил девушку по голове. «Очень хорошо, что она не летит, — думал он. — Она не должна рисковать. Хватит того, что случилось с Адриано...»

— Я потом к тебе прилечу, хорошо? — спрашивала она.

«Конечно, конечно, — мысленно отвечал он. — Если только я останусь жив...»

— А что ты будешь делать целых шесть часов? — поинтересовалась Мари.

Он знал, что будет делать. Снимет номер в гостинице, запрет на замок дверь, задернет шторы, установит будильник на мобильном телефоне и ляжет на кровать. В кармане его куртки грелась ампула строфантина. Процедура была мучительна и опасна, но он должен был ее пережить, чтобы, наконец, увидеть Символ Власти...

— Пойдем, я посажу тебя на такси, — сказал Влад.

— А ты?

— Я посижу в зале ожидания.

— Я боюсь за тебя!

— Мари, все будет хорошо!

— И завтра после полудня будет хорошо? — спросила она, заглядывая в глаза Владу.

— Идем же, Мари!

— Синьора, одну секундочку! — На Мари в упор смотрел полицейский. — Подойдите, пожалуйста, ко мне! .

— Вы мне говорите? — едва слышно произнесла Мари.

— Да-да, вам!

Она сейчас упадет в обморок! Влад крепче прижал Мари к себе и, дурачась, сказал:

— Знаете, синьор, такая красивая девушка мне нужна самому!

Но полицейский не был склонен шутить.

— Пожалуйста, документы! — сухо попросил он.!

Владу хотелось схватить Мари в охапку и кинуться с ней к выходу. Но если бы не этот нескончаемый поток людей, если бы не раздвижные двери! Мари качнулась, оперлась рукой о плечо Влада и раскрыла сумочку.

Вдруг в кармане ее плаща заверещал телефон. Мари словно током ударило. Она вскинула голову и посмотрела по сторонам, не зная, что делать.

— Я думаю, надо ответить, — сказал Влад и вопросительно взглянул на полицейского.

Тот пожал плечами и переключил внимание на африканца с большим баулом на плече. Мари взглянула на дисплей телефона, и между ее бровей пролегли тревожные складки.

— Простите, — переспросила она в трубку, — что вы сказали?.. Да, это я... Как?!

Полицейский терпеливо ждал, когда она закончит разговор. Мари подняла на Влада взгляд, в котором застыла непередаваемая боль. Трубка выпала из ослабевшей руки.

— Влад, — не своим голосом прошептала она. — Адриано умер...

Слезы брызнули из ее глаз. Она застонала, закрыла лицо руками и стала оседать на пол. Влад подхватил ее под руки, буквально перенес ближе к стене и закрыл глаза. Земной путь Символа Власти отмечен кровью и слезами.

— Какие-нибудь проблемы? — спросил полицейский, все еще пребывая в неопределенном настроении.

— У нее погиб брат, — ответил Влад. — Только что звонили из больницы... Поднимите ее телефон и перезвоните, если не верите!

Это прозвучало настолько убедительно, что полицейский сразу поверил. Он подобрал телефон, протянул его Владу и с сочувствием посоветовал:

— Выведите ее на свежий воздух, там ей будет легче...

До гостиницы, которая находилась в двух шагах от терминала, они шли целую вечность. Мари перестала плакать, ветер высушил слезы на ее щеках.

— Мари, — через силу проговорил Влад. — Я не должен был втягивать его в эту историю.

— Молчи, Влад! Ты слишком много берешь на себя...

— Это я провел его туда...

— Ну, о чем ты говоришь?! Разве это дано сделать человеку?!

Влада удивило и насторожило ее высказывание: Мари, оказывается, поняла, что он имел в виду строфантин и тот необъяснимый эффект, который препарат вызывал у него и Адриано.

Администратор отеля, привыкший к особенностям постояльцев, не задал никаких лишних вопросов и молча протянул Владу ключи от номера.

У горничной Влад попросил валокордин для Мари, и, когда она выпила лекарство, уложил ее на кровать и накрыл одеялом.

— Постарайся немного поспать.

— Я полечу с тобой, — сказала Мари.

— Нет, Мари, нет, — как можно тверже ответил Влад. — Хватит играть со смертью...

— Ты не остановишь меня, — перебила она его. — У меня теперь личный счет к этому камню... и к «наследникам».

Он не стал спорить, вышел в другую комнату, плотно закрыл за собой дверь и вынул из кармана ампулу.

ГЛАВА 54

Уже не было той необыкновенной легкости в теле, когда достаточно всего одного слабого движения, чтобы воспарить подобно птице. Влад чувствовал свинцовую тяжесть в ногах, земля притягивала, как бездонная яма, ведущая

в преисподнюю. Он рвал на груди хитон, ему казалось, что грубая ткань душил его, не позволяя вдохнуть полной грудью.

— Жезу!! — крикнул Влад что было сил.

Жезу шел впереди легкой, слегка танцующей походкой, и за ним всплывали пузыри пыли. Дорога спускалась вниз, к морю, где у причала, строптиво натягивая швартовые, стоял могучий корабль. Жезу либо не слышал Влада, либо не хотел останавливаться и оборачиваться. Вдоль дороги стояли люди. С каждой минутой их становилось все больше и больше. Жезу будто не замечал их, он двигался вперед бодрым шагом, как человек, которому прогулка доставляет наслаждение, ибо непременно завершится большим и прекрасным событием.

Влад, отчаявшись догнать его по дороге, пошел наискосок, через поле, усыпанное валунами, стараясь не выпускать из поля зрения тонкую, стройную фигуру Жезу. Но здесь идти оказалось еще труднее. Безжалостное солнце обжигало шею и руки, камни, словно нарочно, вставляли на его пути, и Влад спотыкался, разбивая в кровь ноги.

Он бы так и не догнал Жезу, если бы живой коридор вдруг не сомкнулся, образовав огромное кольцо. Жезу остановился в центре. В первых рядах, ближе всего к нему, топтались старики и зрелые мужчины. Посохи стучали по земле, босые ноги утаптывали пыль, глаза сверкали страхом.

— Жезу... Это Жезу... — перешептывались нестройные ряды.

Жезу медленно вращал головой, оглядывая толпу, и под его взглядом люди ломались, смешивались, отшатывались назад, словно от огня.

Он молча ждал.

— Мы не узнаем тебя! — наконец крикнул какой-то смельчак. — Скажи нам, кто ты?

Жезу повернулся на голос, но человек, посмевавшийся задать ему вопрос, уже сжался, смешался с пылью.

— Вы спрашиваете меня, кто я? Неужели не узнаете? Посмотрите на мою руку!

Он вскинул ладонь, и толпу вдруг словно придавило сверху чем-то невидимым и тяжелым. Перед клеймом сгорбились и старики, и молодые мужчины и женщины.

Жезу медленно опустил руку, а затем снова взмахнул ею, и толпа послушно расступилась перед ним, освобождая проход к морю.

— Не стойте!! — властно крикнул Жезу. — Мне дана полная власть на земле и на небе, и потому приказывают вам: идите во все стороны и рассказывайте обо мне!

И тут живая стена рухнула: люди упали на колени и склонили головы, а Жезу прошествовал дальше. Вдруг он услышал за своей спиной хриплое дыхание Влада, нехотя обернулся, остановился, и на его лице выразилась

досада. До корабля оставалась всего сотня-другая шагов, и всеми мыслями Жезу уже был в пути.

— Остановись, Жезу! — выговорил Влад, сгибаясь от усталости и вытирая с губ липкую слюну. — Остановись... Я хочу сказать тебе очень важное...

— Извини, мой друг, я не успел с тобой проститься, — сказал Жезу и, как бы раскаиваясь, развел руками.

Влад все никак не мог отдышаться, приступ удушья мучил его. Жезу поглядывал на корабль. Ему вовсе не хотелось разговаривать с Владом. Его ждал Рим!

— Ну, что тебе? — едва сдерживая недовольство, спросил он.

— Жезу, сейчас наступает самый важный момент... — произнес Влад. — Так случилось, что в тебя поверили тысячи людей. Никто из тех, кто живет сегодня, и кому еще предстоит жить на земле, не завоеует такой популярности, какая есть у тебя...

— Все правильно, друг мой. Мне приятно тебя слушать, но я должен идти.

— Постой! Еще несколько слов... На самом деле, ты воспользовался доверием самых наивных, самых обездоленных, несчастных и добрых людей! Они поверили тебе и сами дали тебе власть над собой.

— Что ты несешь?! — зло воскликнул Жезу. — Они дали мне власть? Вот эти черви, копошащиеся в пыли, дали мне власть? — Он расхохотался. — Ты так же глуп и наивен, как и они! Власть дали мне не люди, а вот ЭТО! — И он резко выбросил вперед раскрытую ладонь, едва не ударив Влада по переносице. — Вот! Смотри! Любуйся! Это отметина Бога! В этой отметине вся моя сила! И будь уверен, что я исчерпаю ее до конца, до последней капельки!

— Что ж ты свою силу в кулаке прячешь? — произнес Влад. — Разве Богу угодно, чтобы ты лгал людям, хитрил, ловчил? Чтобы отправил на крест вместо себя другого человека?

— Тебе и об этом известно... — процедил Жезу. — Хорошо, я признаюсь тебе. Лично мне ни этот народ, ни эта земля не нужны! Мне здесь тесно и душно! Что мне здесь искать? Чего ждать? Моя кровь клокочет от жажды покорить Великий город и подстелить его под свои ноги! Трон кесаря рассыхается без меня! Там мое место, мой Олимп, на который с истомой поглядывает старый дурак Пилат! — Он замахнулся, будто хотел ударить Влада, но сдержался, ненавистно рыкнул и быстро пошел к кораблю. ...

Жезу уходил, размахивая руками, и правая ладонь двигалась хлестко, словно хлыст, и еще можно было различить на ней выжженную фигуру, похожую на круг, разделенный пополам извилистой линией. Он уносил с собой магическое клеймо, поставленное ему кем-то по расчетливому умыслу или по недомыслию в Египте. Искренне ли верил Жезу в то, что это — Символ Власти, данный ему Богом? Знал ли, кому служит на самом деле? Не ошибся

ли в самом главном и страшном? Власть — она ведь не только от Света, она бывает и от тьмы, но Бог там, где правда, а все остальное — от лукавого.

— Жезу!! — закричал Влад и кинулся догонять человека в полосатом хитоне. «Только не пытайся переделать историю!» — просил его Адриано. Мудрый, милый Адриано! Что же делать, если чувства, а не разум затмевают рассудок? Что делать, если отчаяние переполняет его, если сознание затмевает огромное желание остановить безудержное сваливание человечества в лоуго сатаны? Что делать, Адриано? Что делать, скажи, Господи?

Влад сбил Жезу с ног, и они оба рухнули на камни.

— Щенок! — хрипел Жезу, хватая Влада за горло. — Ты на кого посмел поднять руку?

Он был сильнее и ловчее Влада, и начал подминать его под себя. Влад ухватил Жезу за запястье и стал выкручивать ему руку. В спутавшихся, скомканных хитонах, они напоминали двух коршунов, схватившихся в смертельной схватке. Со всех сторон к ним бежали люди, и пыль над прибрежным холмом пригасила солнце, словно дым пожарищ. Жезу, оказавшись над Владом, стянул его горло краями плаща. Влад задыхался, сознание его туманилось. Жезу бил его по лицу частыми и сильными ударами. Брызги крови орошали камни.

— Это только начало! — выкрикивал Жезу, нанося удар за ударом. — У тебя еще все впереди... Ты узнаешь, что такое настоящая боль...

Из последних сил Влад выгнулся дугой, и Жезу потерял равновесие. Его повело в сторону, он уперся рукой о землю, и в этот момент Влад сумел подняться на колени и ударом плеча свалить Жезу на землю. Полы хитонов спутались, глаза противников налились кровью, и руки сплелись, как змеи. Влад придавил правую руку Жезу и попытался разжать его пальцы. Жезу, скрипя зубами, завыл, словно зверь в предсмертной агонии. Горячий пот ручьями стекал по лицу Влада и падал в пыль. И он тоже закричал — от боли и бессилия, а потом вцепился в запястье Жезу зубами. Жезу наотмашь ударил его по лицу, но Влад не ослабил хватку, и Жезу, не в состоянии больше терпеть острую боль, разжал пальцы. Страшный шрам, словно плугом вскрывший ладонь... Замысловатые фигуры, легко, с мучительной болью врезающиеся в память... Символ Власти... Влад зажмурил глаза, чувствуя, что он уже близок к той грани, за которой начинаются безволие, покорность и страх... Ему под руку попался булыжник с острыми краями, пальцы сжали его, оторвали от земли. От удара Жезу закричал не своим голосом. Влад замахнулся второй раз, и снова булыжник с отвратительным звуком впечатался в ладонь Жезу, разбивая ее, размазывая контуры круга, превращая кожу и мышцы в кровавую кашу, с хрустом дробя кости и суставы...

Жезу оттолкнул Влада от себя, сжал свою изуродованную, источающую черную кровь ладонь в неосознанном порыве спасти ее, сохранить развали-

вающиеся волокна, собрать их по частичкам. Он кричал от боли и ужаса, лицо его было перекошено до неузнаваемости, а глаза наполнены злобой.

— Что ты сделал?!!

Жезу двинулся на Влада, который еще не успел подняться с колен. Склонившись на секунду, он оголил щиколотку, к которой веревкой был привязан кинжал, выдернул его и направил лезвие на Влада.

— Что ты сделал?!! — Теряя рассудок от нечеловеческой злобы, Жезу кинулся на Влада.

Тот, уже не в состоянии сопротивляться, машинально откинулся назад, но тотчас споткнулся о валун, упал на спину и последним, отчаянным рывком отбил кинжал от себя. Жезу не успел повторить выпад. Он упал на Влада, охнул, напрягся, задрожал всем телом и вдруг обмякнул. Влад скинул его с себя и перевернул на спину. Кинжал зашел в грудь Жезу глубоко, по самую рукоятку.

— Я не убивал его, — пробормотал он, едва найдя в себе силы подняться на ноги. — Он сам ... Я не хотел этого... — и обернулся к толпе.

Повсюду шум дыхания, злобные глаза. Серая человеческая масса была насквозь пропитана агрессией и жаждой убийства. Круг сжимался. Народ жаждал крови.

— Я не убивал его!! — отчаянно крикнул Влад и вдруг понял, что он натворил. Он не просто убил Жезу.

Он убил веру.

ГЛАВА 55

Объявили посадку на рейс до Харькова. Перед входом в терминал Влад остановился.

— Все, Мари, спасибо. Дальше я сам... Поезжай домой.

— Я лечу с тобой, Влад.

— Мари, ты понимаешь, что...

— Это мое личное дело, — перебила она. — Не надо здесь стоять, на нас уже смотрят полицейские.

Они зашли в терминал через разные входы. Какой-то сердобольный юноша со сноубордом за спиной помог Владу занести в зал сумку. Стараясь вести себя естественно, Влад стал расспрашивать парня, на каких склонах еще лежит снег. Полицейский, стоящий на входе, проводил их долгим взглядом, но не остановил. Регистрация пассажиров на рейс Рим-Харьков подходила к концу. Мари стояла у колонны и поглядывала на стойку, рядом с которой уже не было пассажиров, а персонал, тем не менее, оставался на местах, и ползла лента багажного эскалатора.

— Мне не нравятся их лица, — произнес Влад. — Мари, еще раз тебя прошу: вернись домой.

Он нервничал и теребил край ляжку сумки. Стоящие за стойкой работники аэропорта терпеливо вглядывались в зал. На электронном табло еще горел номер рейса, следующего в Харьков. Мари не сводила с них глаз. Прислонившись плечом к колонне, она дышала часто и глубоко, словно спринтер перед решающим забегом.

— Пойдем! — и первой устремилась к стойке.

Влад медвежьей походкой, переваливаясь с ноги на ногу, последовал за ней. Высокий, постриженный почти наголо мужчина в белой форменной рубашке вдруг намертво прицепился взглядом к Владу и что-то быстро шепнул своему коллеге. Заметила это Мари или нет? Она продолжала приближаться к стойке. Женщина, регистрирующая билеты, улыбнулась ей с легким укором:

— Поторопитесь, синьора! У вас есть багаж? Только дамская сумочка? Пожалуйста, ваш паспорт!

Влад встал ей в затылок, но бритоголовый похлопал ладонью по стойке:

— Сюда, будьте добры!

Влад положил на стойку паспорт. Бритоголовый, демонстрируя неспешность и полный контроль над ситуацией, взял его, раскрыл на первой странице и стал сличать фотографию.

— Скажите, я не опоздаю?

— Сумку на весы! — коротко приказал бритоголовый.

Женщина шлепнула печатью по билету Мари и пригласила ее в зону досмотра. Бритоголовый листал паспорт Влада, пристально разглядывая страничку за страничкой. Его коллега выглядывал из-за плеча. «Я должен улететь, — думал Влад, от напряжения сжимая кулаки и впиваясь ногтями в ладони. Боль помогала ему сохранять самообладание. — Я обязан улететь... Как же им объяснить это?»

Интерес к личности Влада явно затянулся. Мари уже предложили снять туфли, надеть бахилы и пройти через раму. Она улыбалась, старалась шутить, говорила, что рама напоминает ей врата в рай, и кидала быстрые взгляды на Влада.

— Что везете? — спросил Влада бритоголовый.

Влад ответил. Второй сотрудник обратил внимание на его плечо. Бурые пятна на рукаве нельзя было ни с чем спутать.

— Вы ранены?

— Нет... Пустяки. Царапины, — ответил Влад.

— Может, вам нужен врач?

— Мне нужно в самолет.

Запищала сигнализация, и на раме вспыхнула красная лампочка.

— О, это, наверное, пряжка от ремня! — дрожащим голосом воскликнула Мари.

— Ремень лучше снять, — предложила регистраторша.

Мужчины отвлеклись всего на секунду и снова занялись Владом.

— С какой целью прибыли в Рим?

— Я историк...

— Чем вы занимались здесь?

Мари от переживания принялась напевать какую-то песенку. Она лихо выдернула из юбки ремень, кинула его в корзину для личных вещей и снова ринулась сквозь раму. Металлоискатель снова запищал. Мужчины опять отвлеклись и устали на Мари. А она, поймав их взгляд, попыталась удержать его любой ценой.

— Синьоры, все в порядке! Должно быть, это металлические застёжки, которые поддерживают мои чулочки... Одну секундочку!

Она приподняла край юбки. Регистраторша покрылась пунцовыми пятнами.

— Девушка, вы можете пройти в комнату для индивидуального досмотра!

— Какие пустяки! — махнула рукой Мари. — Условности! — Она села на край стола и, оголив бедро, стала скручивать чулок.

Мужчины переглянулись, многозначительно улыбнулись, и лица их вновь стали бесстрастными. Симпатичная девушка, устроившая стриптиз в зоне досмотра, вызвала у них лишь сиюминутный интерес. Они повидали много чудачек на своем веку, что вовсе не мешало им добросовестно выполнять служебные обязанности. Мари, увидев, что ничем больше не может помочь Владу, растерялась и застыла в нелепой позе, комкая пальцами ажурный край чулка.

— Девушка, зачем вы раздеваетесь? — с состраданием в голосе произнесла регистраторша. — У вас же металлический кулон на шее!

— Правда? — залепетала Мари. — Вы думаете, это из-за него?

— Скажите, — произнес бритоголовый, тяжелым взглядом уставившись на Влада, — вы сегодня подъезжали к Троянскому парку?

Проигрывать всегда надо с достоинством, и Влад спросил:

— Вы работаете в аэропорту или в полиции?

— И там, и там, — сдержанно ответил коллега бритоголового. — Повторяю вопрос: вы заезжали в район Esquilino?

Цокая каблуками, в зону забежала провожающий диспетчер.

— Еще есть пассажиры на рейс до Харькова?

— Есть! Есть! — закричала Мари.

— Поторопитесь, девушка! Я отправляю автобус!

Тут Мари не выдержала и поддалась охватившему ее чувству отчаяния:

— Ну, что вы его мурыжите?! — крикнула она, хватая Влада за руку. — Из-за вас мы опоздаем на самолет!

— Успокойтесь, девушка! — строго прикрикнул бритоголовый. — Вас никто не задерживает! Можете идти на посадку!

— А на каком основании вы его задерживаете? Правил он не нарушал, противоправных действий не совершал! Он — законопослушный турист!

— Мы хотим получить ответ, был ли он в жилом квартале у Троянского парка?

— Я плохо знаю город и не понимаю, о каком квартале вы говорите, — ответил Влад.

— Он совершенно не ориентируется в Риме! — вторила Мари. — Полный ноль! Топографический кретинизм!

— Все! Автобус отправляется! — усугубляла и без того нервную обстановку провожающий диспетчер.

— Да подождите вы! — вспыхнула Мари. — Вызовите сюда начальника аэропорта! Что за произвол здесь творится?

— Не болит? — пытаюсь отыскать подвох, поинтересовался коллега бритоголового и осторожно коснулся плеча Влада. — Чем это вас так?

— Пулей сицилийской мафии, — ответил Влад.

— Ха-ха-ха! А вы шутник, господин турист!

— Да, иногда случается пошутить.

— Ладно, проходите, — разрешил полицейский, протягивая паспорт.

Подхватив сумку, Влад побежал в зону пограничного контроля. Мари, на ходу застегивая ремень, устремилась за ним. Тяжелый, сканирующий взгляд из окошка, удар печати по странице паспорта и — свобода!

— На семь минут задержался, — сказал бритоголовый, глядя сквозь стеклянную стену на «CRJ-200», который с оглушительным ревом оторвался от взлетной полосы и стал набирать высоту.

— Чудак какой-то, — ответил его коллега, поправляя заколку на галстук.

— Историк! — хмыкнул бритоголовый. — Они живут прошлым, а настоящее их не интересует. Здесь бродит лишь его тело, а душа... — Он не договорил, так как его отвлек сигнал мобильного телефона. — Слушаю. Да, полковник, был... Ну да, потому что...

Вдруг бритоголовый резко повернулся в ту сторону, где только что прогремел двигателями взлетающий самолет. Лицо его приобрело такое выражение, словно любимая, драгоценная жена только что объявила о своем уходе.

— Черт подери! — вполголоса выругался он. — Что мы наделали... Этого историка нельзя было выпускать ни в коем случае... Надо срочно связаться с Интерполом на Украине!

Они попросили у стюардессы бутылку минералки — оба умирали от жажды. За стеклом иллюминатора, покрытым, словно трещинами, сеточкой изморози, стояла непроглядная темнота. Мари пыталась что-нибудь увидеть, прикрывала глаза от бокового света, не дышала, чтобы стекло не запотевало, но так ничего не высмотрела и ограничилась своим мутным отражением.

— Ночь, — сказала она, определяя этим коротким словом не только время суток, но и состояние своей души. Лицо девушки, еще недавно светившееся здоровьем и счастьем, осунулось, стало бесцветным, а воспаленные от слез глаза наполнились неподдельным страданием и беспросветной тоской. Влад, терзая себя упреками, порывисто обнял Мари и прижал ее голову к своей груди.

— Когда же это все кончится? — прошептала она.

Скоро, очень скоро, подумал Влад. В двенадцать часов три минуты грядущего дня, когда солнечное затмение достигнет своего пика. После этой минуты поздно будет что-либо предпринимать. Все уже свершится.

— Да, очень скоро... — сказал он вслух. — Послушай, Мари, я хотел у тебя спросить... Ты видела... ты обратила внимание на ладони Адриано?

Мари коснулась пальцами его губ.

— Я все видела, и все поняла, Влад... Но, пожалуйста, давай не будем сейчас об этом. Мне очень, очень тяжело... Лучше расскажи мне, как мы будем добираться до Судака?

— В Харькове сядем на ночной поезд, идущий в Крым. В Симферополе возьмем такси.

— Мы успеем?

Он не ответил, и Мари не стала переспрашивать.

— Ты знаешь, — произнесла она, тревожно глядя на плечо Влада, — твоя рана снова кровоточит...

— Мари, ты смотришь не на то плечо. Я был ранен в левое.

— Влад, но у тебя здесь проступила кровь!

— Да нет же, этого быть не может... Наверное, это кровь несчастного Адриано.

Мари поверила, и ее тревога немного улеглась. Влад закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла, стараясь отвлечься и не замечать странной жгучей боли, разливающейся по его спине — казалось, будто по ней били плетью.

— В гостинице не было Интернета, и я чувствовала себя там, словно в тюремной камере. Позвонила подруге, но та смогла найти лишь несколько строчек из энциклопедии... Вот, послушай... — Мари развернула рекламный бу-

клет, посвященный сезонной распродаже зимней обуви. На полях неровным мелким почерком было записано несколько предложений. — «Христофоро ди Негро — последний консул Солдайи, погиб в 1475 году при осаде турками крепости. Был известен своей принципиальностью и неукоснительным соблюдением закона. Занимал жесткую позицию в отношении преступников и требовал сурового наказания для братьев Гуаско, которые держали в страхе местных крестьян, душили их незаконными налогами и самовольно вершили над ними суд. Но на защиту братьев встал подкупленный ими консул Каффы Кабелла...» Вот, собственно, и все. — И она спрятала буклет в сумочку.

— Это далеко не все, — ответил Влад. — Христофоро — самый загадочный консул генуэзских колоний. По закону, консулов меняли ежегодно. Христофоро же командовал крепостью четыре года подряд. Историки объясняют это тем, что султан Магомет II закрыл Дарданеллы для генуэзских судов, и в Крым из Италии попросту невозможно было отправить замену. Но у меня на этот счет особое мнение.

— Христофоро не хотел возвращаться на родину?

— Он не просто не хотел возвращаться, Мари. Христофоро знал, что никто другой не удержит власть Генуи на Крымском побережье. Только он мог справиться с этой задачей, и ждал той счастливой минуты, когда сможет выжечь на ладони очертание второй половины Символа. Никто не знает, что бы предпринял Христофоро, если бы его мечта осуществилась, и он стал самым могущественным правителем Земли.

— Нам бы только добраться до его могилы раньше, чем это сделают «наследники».

Влад как-то странно взглянул на Мари, отвел рукой непослушный локон, упавший ей на глаза.

— Самое скверное в этой истории, Мари, — сказал он, — что у Христофоро ди Негро нет могилы.

ГЛАВА 57

Мари отпрянула, словно вдруг перестала узнавать Влада.

— Как это понимать? Зачем же мы летим туда?

— Мы летим туда, потому что нам больше ничего не остается делать. Никакой идеи мне пока не пришло в голову, но я знаю точно, что в час затмения «наследники» будут в Судаке. Дьявольское везение может помочь им найти вторую печать. Пока я жив, Мари, пока болят мои ладони, я буду стараться сделать все возможное, чтобы помешать им.

— Я тоже, Влад! Я тоже буду стараться сделать все возможное. Но почему ты уверен, что у последнего консула нет могилы?

— Вместе с защитниками крепости он заперся в храме, уповая на помощь Господа. Но войска Ахмет-Гедик-паши, ворвавшись в крепость, даже не предложили консулу сложить оружие и сдаться. Они подожгли храм, и все то время, пока тот горел, стояли вокруг плотным кольцом и наблюдали, чтобы никто не выбежал.

— Как жестоко и страшно!

— Дело не столько в жестокости, — возразил Влад. — Мне кажется, что Ахмет-Гедик-паша знал о Символе Власти и потому сжег консула дотла, чтобы никто и никогда не увидел узора на его ладони.

— Он так легко справился с соблазном завладеть печатью?

— Человек — слишком слабое существо, Мари, для того, чтобы быть носителем Божественной Власти. Совершенно незначительный факт может заставить его женщина, окутав его своими чарами. И как такому «флюгеру» дать в руки неограниченную Власть? Наверное, у Ахмет-Гедик-паши хватило ума не связываться с этой чудовищной бомбой, которая не прощает человеческих слабостей и ошибок.

Мари думала над словами Влада, глядя в темный иллюминатор.

— Если бы в моей воле было решать, кому доверить печати, — произнесла она, — я бы без всякого колебания отдала их тебе.

Влад улыбнулся и погладил девушку по щеке.

— К счастью, Мари, это не в твоей воле...

За разговором они не заметили, как самолет пошел на посадку, коснулся, наконец, полосы, задрожал, и аплодисменты благодарных пассажиров заглушил рев тормозного реверса. В иллюминаторах блеснули прожектора. Гася скорость, лайнер прокатился еще несколько сотен метров и остановился. Влад прильнул к стеклу иллюминатора.

— Мари! — голосом, напоминающим стон, выкрикнул он. — Кажется, нас встречают!

Она расстегнула пряжку и придвинулась к Владу. К самолету, сверкая мигалками, мчались две милицейские машины.

— Никому не покидать свои места! — объявили по громкоговорящей связи.

Щелкнул замок в двери пилотской кабины. Застегивая на ходу синие форменные пальто, к выходу пошли пилоты.

— Надо попытаться выйти с ними, — произнесла Мари, провожая их взглядом.

— Мари, это безумие...

— Безумие все, что мы делали до этого...

— Девушка, сядьте! — крикнула стюардесса, заметив, что Мари решительно вскочила с сиденья, но один из пилотов, озабоченный какой-то служебной проблемой, отвлек ее вопросом.

Это сыграло на руку Мари и Владу. Девушка быстро подошла к пилоту, стоявшему спиной к проходу, и ткнула ему между лопаток короткой и тупой антенной мобильного телефона.

— Не оборачиваться! У меня сорок четвертый калибр, повторный выстрел не понадобится.

Поздно было отступать, колесо уже закрутилось. Влад вывалился в проход и крикнул:

— Пассажиры! Оставайтесь на своих местах, и никто не пострадает!

Стюардесса раскрыла рот, словно начала задыхаться, и прижалась спиной к переборке. Пилот, в спину которого уткнулась антенна, напрягся, будто ему стало невыносимо больно, и поднял руки вверх, хотя Мари такой команды не давала.

— Не стреляйте, — с усилием выговорил он. — Я выполняю все ваши требования, и мы полетим, куда вы скажете. Но самолет сначала должен дозвониться...

— В следующий раз мы обязательно воспользуемся вашей сговорчивостью, но сейчас мы никуда не полетим, — ответил Влад.

Второй пилот, грохоча по ступеням трапа, побежал к милицейским машинам.

— Опасность!! Опасность!! — кричал он, размахивая руками.

Милиционеры и люди в штатском, стоящие внизу, засуетились, поменялись местами и снова замерли. Никто еще не понял, что произошло. Пилот, которого конвоировала Мари, едва переставлял одеревеневшие ноги.

— Не стреляйте! — сигло уговаривал он, но уже не Мари, а тех, кто стоял внизу.

— Отойдите от самолета! — приказал Влад. — И не дергайтесь! Не хватйтесь за пистолеты! Пожалейте летчика!

Он сам не понимал, откуда брались эти слова. Все происходящее и его роль воспринимались им как спектакль. Режиссер сказал ему: надо сыграть террориста, который взял в заложники пилота. И Влад играл. Чувствовал, что плохо, фальшиво получается, но останавливаться было нельзя, бежала дорогостоящая пленка жизни в камере, полыхали солнечным жаром юпитеры, и самое главное — время! Время опережало жизнь, Луна неслась по своей орбите, неумолимо приближаясь к той точке, где ей надлежало кинуть на Землю тень. Значит, надо идти напролом, по сценарию, написанному сердцем! Идти к цели, к последнему кадру, не оглядываясь и не боясь ничего, — вокруг всего лишь актеры, и оружие у них бутафорное, и физиономии их перекосила фальшивая злоба, а вот пилот хорошо играет, очень натурально, он едва передвигает ноги.

— Я прошу вас, не стреляйте! У него пистолет... Я не могу умирать... У меня семья...

Схватив мобильный телефон, Влад ткнул антенной пилота между лопаток и прошептал:

— У меня палец потеет на спусковом крючке. Я искренне желаю тебе счастливой и долгой жизни.

— Да... — кивнул пилот и сошел с последней ступени. — Только не стреляйте...

Милиционеры и мужчины в штатском бегали вокруг самолета, словно играли в лапту.

— В машину, — сказал Влад Мари. — Садись в милицейскую машину на заднее сиденье. — И взял пилота за погон: — Стоп! Тихонечко пятимся назад.

Со спины их прикрывал милицейский «форд».

— Не надо стрелять! — громко крикнул пилот, и его голос тотчас сорвался до визга: — Он не причинит мне зла!

«Да нам плевать на тебя!» — ответили немые взгляды милиционеров.

Мари открыла дверь и нырнула в салон машины.

— Не шевелиться!! — рявкнул Влад, почувствовав, что милиционеры готовы выстрелить.

— Пожалуйста!! — завопил пилот.

Влад оттолкнул от себя пилота, заскочил в машину и тотчас захлопнул дверь.

— Вперед!!

Теперь антенна мобильного телефона упиралась в бритый затылок водителя. Плечистый парень невозмутимо уточнил:

— А куда вперед, ребята?

— Гони отсюда тем же путем, каким приехал!

Бортовая радиостанция шипела, извергая поток вопросов и команд: «Попробуй обезоружить их!», «Требования террористов не выполнять!», «Горец, я приказываю стоять на месте!»

— Сорок четвертый калибр, — повторил Влад. — Если не жалеешь свой череп, то пожалей хотя бы лобовое стекло.

— Хорошо, я еду...

Водитель перевел рычаг и плавно тронулся с места. Какой-то милиционер едва успел отскочить в сторону. Сзади раздался хлопок — кто-то выстрелил, но, скорее всего, в воздух, для остротки.

— Темпо! — крикнула Мари.

Водитель понял без перевода, чуть прибавил газу.

— Поддай сигнал!

Машина завывала, затрещала.

— На что вы надеетесь, ребята?

— На то, что ты проявишь благоразумие, — ответил Влад.

- Они не открывают ворота, — сказал водитель.
- Опусто стекло и прикажи открыть!
- А если не послушаются?
- Тогда будем таранить.

Мари, не понимая, о чем разговор, кусала от напряжения губы и до боли впивалась ногтями в локоть Влада.

«Форд» притормозил у ворот. Влад чувствовал, что мобильник вот-вот выскользнет из потной ладони.

— Считаю до трех и стреляю, — предупредил он.

— Уверен, что эта штука стреляет? — усмехнулся водитель, но все-таки опустил стекло. Не поворачивая головы, сказал привратнику, который навел на него «калаш»: — Открывай! Мы все равно далеко не уедем.

Створки ворот разбежались в разные стороны. Гнать, гнать со страшной скоростью, взлететь птицей в небо и раствориться в бездонной черноте! И не позволять страху сковать тело — ведь это игра, это все понарошку, этого требует режиссер!

— Поищи что-нибудь полезное, — сказал Влад Мари и кивнул на панель.

Девушка потянулась к ящику, открыла крышку. Наручники? Замечательно!

— Съезжай на обочину и тормози!

— Уже приехали? — ехидно улыбнулся водитель. Владу бы такие нервы!

— Затягивай ручник, и руки назад!

Водителя выждал паузу. Он был почти уверен, что у Влада нет никакого пистолета. Почти был уверен.

— Ребята, у гаишников когда-то была система баллов, — сказал он, медленно отводя руки назад. — Так вот, вы набрали уже критическое количество... Может, остановитесь?

— Руки!! — крикнул Влад и, схватив широкую ладонь водителя, стал прилаживать к его запястьям наручники. Наконец кое-как справился, клацнули замочки.

— Дай шарф!

Шелковый розовый шарфик Мари лег на глаза водителя.

— Эх, ребята, ребята... Жалко мне вас...

Влад затянул на затылке узел, и они выскочили из машины. Милицейский «форд», стоящий на обочине и сверкающий проблесковыми огнями, пугал проезжающие мимо машины только одним своим видом. Влад махнул рукой «Волге» и показал ей место у своих ног, как делают жезлом сотрудники ГАИ. Машина послушно остановилась.

— Мы — сотрудники национальной безопасности Украины! — заявил Влад водителю и, не спрашивая разрешения, открыл дверь. — Скорее в город!

Водителю было не по пути. Он скривился. Машина у него была старенькая, как и он сам, каждый лишний километр для нее — все равно, что бесцельно прожитый год жизни.

— Я неясно выразился?

Водитель взялся за рычаг. У него был такой вид, словно его впрягли в телегу и приказали тащиться в гору.

Мари села на заднее сиденье и стала крутить головой.

— Влад, там огни...

— Это агент итальянского Интерпола, — представил девушку Влад и вынул из кармана купюру номиналом в пятьдесят евро. — Персонально от нее...

— Как же не помочь! — сразу оживился водитель и затолкал купюру в карман пальто. Машина заскрежетала коробкой передач и тронулась с места.

— На команды инспекторов внимания не обращать, — предупредил Влад.

— Да я ж понимаю, — кивнул водитель.

— О, Господи! — прошептала Мари, глядя назад. — Они остановились у «форда»...

— Надо объехать все посты ГАИ, — попросил Влад водителя.

— Так что ж вы сразу не предупредили... — Машина круто свернула и затряслась на ухабах. — Я тогда поеду через Южный... Есть там одна тропинка... Сейчас подморозило, так что проскочим... Я разве не понимаю? Задание есть задание. Сам в органах когда-то служил...

Мари повернулась к Владу, схватила его за воротник куртки и прильнула к его груди.

— Мне страшно, Влад... Может... может остановиться, объяснить им все? Ваша полиция, надеюсь, не такая жестокая, как итальянская.

— Объяснить все? А разве мы с тобой сами во всем разобрались? Разве мы до конца понимаем, что происходит?.. Послушайте, уважаемый! Вы не боитесь, что у машины отвалятся колеса?

ГЛАВА 58

На перевале, откуда до Судака оставалось километров двадцать, мобильный телефон уловил слабый сигнал и радостно пискнул, объявляя о наличии связи. Мать Анисья тотчас вынула трубку и набрала номер директора редакции телевидения.

— Александр Владимирович, я хочу услышать от вас подтверждение того, что интервью готово к выходу в эфир.

— Готово, уважаемая мать Анисья! Стоит на всех парах!

— Надеюсь, никакой рекламы не будет.

— Что вы, что вы! Мы же обозначили это условие в договоре!

— Анонсы?

— Уже начали запускать. Каждый час по сорок секунд. Чувствую, что интервью произведет небывалый фурор!

Следующий звонок — в редакцию республиканской газеты.

— Мы заканчиваем верстать материал, — ответил главный редактор. — Завтра утром выйдет. Целый разворот плюс иллюстрации. Называться будет «Наследница Христа вступает в свои права».

— Заголовок не годится.

— Так мы же...

— Вы слышали, что я сказала? — перебила мать Анисья.

— По-моему, заголовок очень удачный, — попытался возразить редактор, но гнетущее молчание матери Анисьи подействовало на него сильнее, нежели ее предыдущая реплика. — Ну, если вы настаиваете...

— Заголовок должен быть такой: «Свершилось! Мессия возвращается на Землю!»

Редактор даже закашлялся. Мать Анисья слышала, как он грохочет ящиком стола в поисках то ли платка, то ли салфетки.

— Извините... Кхы-кхы... Заголовок, конечно, эффектный, но вам не кажется, что он несколько... м-м-м...

— Заголовок абсолютно точно выражает суть грядущего события, — отрезала мать Анисья. — Больше повторять не буду. Статья должна выйти под этим заголовком.

До того, как роуминг пропал, мать Анисья успела позвонить в штаб-квартиру «наследников Христа» Харисиму, которого прочила на должность герцога вместо Леонтия.

— Матушка, мы с ума сходим! От тебя несколько дней не было никаких вестей! — воскликнул Харисим

— Харисим! — Мать Анисья выждала паузу, давая время своему собеседнику притушить эмоции. — С сегодняшнего дня ты будешь называть меня Богиней.

— Неужели... — промямлил Харисим, затем сделал глубокий вдох, чтобы его восторг прозвучал со всей силой. — Неужели это свершилось?! Неужели небеса услышали наши молитвы?! Да это же самое величайшее событие в истории человечества!! Да я просто слов не нахожу... я так счастлив, так счастлив!! Я, мать Анисья... Богиня... я, Богиня, уже стою на коленях, я буду молиться весь день и всю ночь, я плачу от такой светлой радости...

— Сегодня после захода солнца все последователи «наследников Христа» должны выйти на манифестацию, Харисим.

— Я помню, Богиня! Все оповещены. Соберется несколько тысяч человек. Факелы готовы. Маршрут и время согласованы с милицией и властями.

— Распорядись подготовить мою белую сутану с золотыми застёжками и покров с бриллиантами.

Роуминг пропал, связь оборвалась, но самое главное, в общем, было сказано.

— Подъезжаем. — Водитель такси свернул перед автовокзалом в сторону моря. — Вас в гостиницу? Могу порекомендовать прекрасные частные отели «Бриз», «Фестивальная», «Вежа»...

— Отвезите меня в Генуэзскую крепость.

— Одобряю ваш выбор, — весело ответил водитель. — Правда, за пятьсот лет своего существования она несколько обветшала и перестала быть пригодной для комфортного проживания. Но, должен заметить, отчаянные туристы, готовые на любые жертвы ради экзотики, разбивают палаточные городки прямо под крепостной стеной, а некоторые аскеты решаются...

— Мне хочется, чтобы вы замолчали, — перебила его мать Анисья, откинула голову на спинку сиденья, закрыла глаза и расслабилась. Еще немножко, и величайшее событие в истории человечества произойдет...

ГЛАВА 59

— Остановите около кассы! — сказал Влад и указал на мерцающую голубой анимацией вывеску, на которой светящиеся самолетики один за другим взмывали в небо.

— Как прикажете... — послушно ответил водитель. — Здесь хоть и запрещена остановка, но ваш случай — исключение. Я ж сам в органах служил, понимаю. Правда, пенсия — «мышкины слезки». Где деньги найти — ума не приложу. А машина должна быть на ходу, мало ли кого подвезти срочно понадобится...

— Возьмите еще десять евро!

— О-о, что вы! Но если вы так добры...

Влад открыл дверь и вышел наружу. Мари крутила головой, смотрела на еще пустую раннюю улицу с россыпью мигающих желтых светофоров, рекламные вывески и тусклые витрины магазинов.

— А где вокзал? Ты хочешь лететь самолетом?

— Я хочу ввести в заблуждение этого услужливого плута, — ответил Влад, исподлобья глядя на удаляющуюся «Волгу». — Не пройдет и часа, как он будет добросовестно давать показания в милиции.

Около них останавливались легковые машины. Водители принимали Влада и Мари за влюбленную парочку, вывалившуюся из ресторана или ночного

клуба, и, по их мнению, такие пассажиры должны неплохо заплатить. Но, услышав, куда надо ехать, удивленно восклицали:

— Да вы что?! Еще б сказали, в Москву! Я только по городу...

И тут, с пыхтением и визгом, источая запах жженой резины и солярки, перед Владом остановился «КАМАЗ». Распахнулась дверца.

— Садитесь! — крикнул водитель.

— Нам надо в Крым.

— Да понял я, понял, что вам надо в Крым! Сейчас всем в Крым надо. Самое популярное место.

Влад помог Мари забраться в кабину. Вряд ли девушке когда-либо приходилось путешествовать в такой своеобразной машине. Она с любопытством рассматривала кабину, панель, раскачивающиеся под потолком вымпелы и спальную полку за шторкой.

Водитель налег на огромное рулевое колесо, разогнал машину и переключился на повышенную передачу. Проехали указатель «Симферополь — 680 км».

— Все хотят смотреть на затмение, — говорил он, кидая взгляд на боковое зеркало. — Редкое природное явление. Небесное тело заслоняет собой солнце. То, что человек не в силах повторить или предотвратить, всегда интересно... Не боитесь?

Влад не ответил.

— До обеда домчимся, — говорил водитель, соскучившись по общению. — Как раз к затмению.

— Нам надо к завтраку, — резко проговорил Влад.

— К завтраку? — повторил водитель и покрутил крепкой загорелой шей, словно сильно сомневался, что это удастся сделать. — Что ж, попробуем к завтраку. Я везу утеплитель из стекловолокна. Фургон загружен под завязку, но веса немного. А когда машина легкая, то бежит шустро, не всякая легковушка угонится... Ну, девица, что притихла? Запевай песню!

ГЛАВА 60

Заплаканное лицо матери Анисьи отбило у археолога желание шутить. Несколько минут назад он бойко орудовал лопатой, отправляя наверх на парнику с полным ведром песка очередной анекдот из жизни экспедиции. Но когда к ним подошла мать Анисья, похожая на монашку, с глазами, полными слез, он замолчал.

— Может, вы мне поможете? — прижимая платок к лицу, тихо спросила она таким несчастным голосом, словно была тяжело больна и нуждалась в консультации профессора медицины.

— Проводи к Балашову, Лёха! — сказал парень, стоявший наверху, и скинул веревку вниз.

Леха выбрался из ямы, вытер ладони о брезентовые брюки и буркнул: «Пойдемте!»

По тропе, истоптанной туристами, они прошли вдоль стены с башнями Лукини ди Фиески и Коррадо Чигала и поднялись к мечети. Уютный дворик, огороженный с одной стороны Консульским замком, а с другой — служебными пристройками, был наиболее удачно и полно отреставрирован, и здесь особенно чувствовалось дыхание старины.

— Вы в эту дверь зайдите, — сказал Леха, останавливаясь поодаль, чтобы лишний раз не показываться на глаза человеку, платившему ему. — Его зовут Сергей Анатольевич.

Мать Анисья зашла в маленький кабинет, в котором история крепости сконцентрировалась в виде штабелей бесчисленных папок, брошюр и газетных подшивок. Научный руководитель археологических раскопок по своему виду больше напоминал государственного чиновника, привыкшего отказывать бесконечным просителям. Он сидел за заваленным бумагами столом, что-то писал и не обратил никакого внимания на вошедшую женщину. У него была крупная голова с большим выпуклым лбом, седые волосы зачесаны назад, а широко поставленные глаза чуть сужены.

Мать Анисья всхлинула, и Балашов тотчас вскинул голову и сказал, чуть привставая:

— Здравствуйте. Что за слезы? Кто вас обидел? Я могу чем-нибудь помочь? — Голос у него был глухой, невыразительный, совсем не подходящий для его «львиной» внешности.

— Я игуменья из Богородицкого монастыря, — произнесла мать Анисья. — Вот, взгляните на мою ладонь! — И протянула археологу руку.

Балашову даже не понадобилось надевать очки, он сразу увидел воспалившийся ожог и, невольно отшатнувшись, пробормотал:

— Какой ужас! Наверное, вам все же лучше обратиться к врачу, а не ко мне.

— Врач мне не поможет, — с горечью произнесла мать Анисья. — Рана на ладони заживет сама, а вот душевный шрам очень трудно исцелить.

Балашов стусевался, зачем-то переложил с места на место бумаги.

— Боюсь, вас неправильно информировали... потому, как совсем не знаю, чем могу вам быть полезным...

— Вера в кризисе! — надрывно произнесла мать Анисья. — Она задыхается, как человек, страдающий от астмы! Люди все больше и больше воспринимают церкви как памятники архитектуры, а священников — как атрибут национальной экзотики. Религиозные обряды превратились в шоу, а ряды мошенни-

ков пополнили самозванцы в рясах! Мерзкие секты растут как грибы после дождя. В них нет ничего святого, только жажда власти и денег! Колдовство, оккультизм наступают на святую веру, как саранча на плодородное поле!

Балашов смотрел на женщину с состраданием, соглашался и кивал, но его глаза по-прежнему были полны недоумения: он ничего не понимал.

— Я вам сочувствую... и тоже переживаю ... но...

— Не перебивайте меня! Посмотрите еще раз на мою ладонь! Это след сатаны!

— Да что вы говорите!

— Какие-то богохульники насильно выжгли мне это клеймо. Я не знаю этих людей, не знаю, в какой секте они состоят. Но для меня ясно одно: это враги Бога, и от них исходит главная угроза нашей вере...

— Бесчеловечная акция! — согласился ученый.

— Я обращалась в милицию, но там только развели руками. Обращалась в разные патриотические организации, но и там мне не смогли помочь. Но я не могу успокоиться. Хочу знать своего врага в лицо, хочу донести до всех людей правду о служителях сатаны, которые своими ядовитыми речами и богомерзкими поступками уводят людей с праведного пути!

— Все правильно! Я вас очень понимаю. Но чем я могу вам помочь?

— Посмотрите на рисунок внимательней. Разве он вам ничего не напоминает?

— А что он должен мне напоминать? — настороженно спросил Балашов, не испытывая большого желания смотреть на гниющий ожог.

— Может, это какой-нибудь геральдический знак или символ, бывший в ходу у генуэзцев?

— Я не вижу никакой логической связи между сатанистами и генуэзской геральдикой.

— А я очень хорошо ее вижу. Очень. Сообщество антихристов, жертвой которого я стала, поклоняется Христофоро ди Негро как божеству. Он для них — духовный исток, икона, неиссякаемый источник их злобных помыслов и грешных поступков.

— Так вы неплохо осведомлены...

— Эти сведения стали известны совершенно случайно.

— Ну, хорошо. Покажите-ка еще раз вашу ладонь... М-гм... Контур клейма очень размыт. Что-то вроде изогнутого эллипса... А внутри, кажется, символ, означающий женский пол... Могу сказать вам точно, что к геральдике это не имеет никакого отношения. — Он с трудом сдерживал гримасу отвращения. Смотреть на ладонь матери Анисьи было очень неприятно. Да еще этот тягостный запах! — Вы не могли бы нарисовать мне, как выглядел рисунок изначально?

Мать Анисья взяла карандаш и черкнула на полях газеты, правда, не очень-то старательно, но суть рисунка изобразила.

Балашов долго пялился на рисунок, потом несколько раз повернул газету сначала в одну, затем в другую сторону.

— Что-то вроде капли, я правильно понял? Или это символическое изображение церковного купола?.. Пойдите-пойдите, а вам не кажется, что ваше клеймо уж здорово смахивает на «апостольские кегли»?

— На что?!

— Вы разве никогда не слышали про «апостольские кегли»? Очень, знаете, по форме напоминает. Только я не пойму, при чем здесь сатанинская секта... Это семь похожих друг на друга камней из белого галикарнасского мрамора, размером чуть больше куриного яйца. Есть предположение, что они действительно принадлежали Христофоро ди Негро...

— Где они? — перебила его мать Анисья.

— Погодите! Я еще не знаю. Я размышляю вслух... Послушайте, давайте выйдем отсюда, здесь так душно, и запах... Так вот, возможно, эти камни служили консулу талисманами, возможно, это были фигурки для какой-то игры типа нард или лото... Давайте поднимемся с вами в Дозорную башню, оттуда прекрасно виден храм «Двенадцати апостолов ... Если я правильно понял, вы первый раз в крепости? О, ну что вы! Это такая прелесть!

— Эти камни находятся в храме «Двенадцати апостолов»?

— Находились, — поправил Балашов. — Осторожнее, здесь очень скользкие ступеньки. Христофоро ди Негро передал камни на хранение в храм, отсюда их название — «апостольские кегли». Вообще, это очень темная история. По свидетельству современников, консул очень дорожил камнями, в то же время, не желал, чтобы они находились при нем ... Не устали? Еще немножко, и мы выйдем к храму на консолях... «Апостольские кегли» были найдены при раскопках в 1927 известным архивистом академиком Готье... Подайте мне руку, я вам помогу... нет-нет, другую, я боюсь причинить вам боль... Дай Бог, памяти вспомнить, в какой из музеев Крыма «кегли» были переданы... Симферопольский краеведческий музей... Нет... Феодосийский краеведческий? М-м-м, возможно...

Мать Анисья видела, что Балашов лукавит, что он прекрасно знает, где находятся камни, но тянет, забалтывает, втирается в доверие — или он что-то заподозрил, или же хочет выпытать у матери Анисьи интересующую его информацию. «Я буду ждать, насколько хватит моего терпения... Но какой головокружительный вид! Какой простор, какая близость к небесам! Весь мир под моими ногами!»

— Пожалуйста, будьте осторожны! — предупредил Балашов. — Это место сколь величественное, столь и коварное, и время от времени собирает

свою жертвенную дань. Были случаи, когда пьяные туристы срывались, или подростки пытались спуститься прямо по скале. Здесь же практически отвесная стена... Ну, вот мы уже почти у цели... Вам повезло, — продолжал он, отдышавшись, — что вы встретили именно меня, потому что именно я возглавлял последнюю комиссию по инвентаризации исторических реликвий Генуэзской крепости... Дайте мне только собраться с мыслями, и я вспомню... Признайтесь, что ничего более величественного вы в своей жизни не видели! Вот как раз под нами недавно отреставрированная башня Бальдо Гуарко. Чуть правее — башня Джованни Марионе... А вот сейчас обратите внимание на те пышные сады за крепостной стеной... Видите черепичную крышу и старинную кладку? Там находится наш местный выставочный зал... Опаньки! — вдруг хлопнул себя по лбу Балашов. — Как же я сразу не вспомнил! Как раз именно там сейчас выставлена экспозиция пятнадцатого-шестнадцатого веков, и «апостольские кегли» выложены на всеобщее обозрение.

— В выставочном зале? — уточнила мать Анисья, скрывая волнение.

— Совершенно верно! До него отсюда идти минут семь, не больше. Видите, как вам повезло! Найдете своих обидчиков... может быть... отместите им за ваше, так сказать, духовное унижение... А сегодня какой день?

— Понедельник.

— Понедельник? — разочарованно протянул Балашов и цокнул языком. — Увы, сегодня ничего не получится. Выходной. Завтра зайдете... Умоляю вас, не стойте на краю! А я все никак не налюбуюсь. Какой простор! Какое величие!

ГЛАВА 61

Они въехали в Симферополь с рассветом, улицы уже заполнились машинами и людьми, и пассажиры на остановках брали штурмом переполненные троллейбусы.

— Мы въехали? — спросила Мари, когда «КАМАЗ» остановился, и затих двигатель.

Всю дорогу она крепко спала и сейчас, еще не собравшись с мыслями, затуманенным взглядом смотрела по сторонам.

— У меня появилась идея, — сказал Влад. — Прыгай скорей!

— Зря, — заметил водитель, — ехали бы до самого моря. И подруга твоя успела бы выспаться, совсем девочку замучил.

Он не пытался уговорить Влада, просто ему стало немного грустно, что приходится расставаться с этой милой и немного странной парочкой.

Влад поднимался по лестнице, на ходу доставая ключи. Только сейчас он понял, как успел соскучиться по своей холостяцкой берлоге, как устал от поездок и поисков.

— Как тепло! — воскликнула озябшая Мари, заходя в прихожую. Она разулась и бесцеремонно прошла в гостиную. Влад запер дверь и только тогда подумал, что поступил очень неосмотрительно, в квартире могла быть засада. Удивительно, но ее не оказалось, хотя, следуя простой логике, где еще искать подозрительного историка и его подругу, как не у него дома?

Влад постоял в прихожей, прислушиваясь к гнетущей тишине за дверью, потом прошел в кухню, встал за шторой и осмотрел двор. Наверное, им здорово повезло. Это был тот самый случай, когда действия, противоречащие здравому смыслу, принесли удачу: сыщики, видимо, исключили квартиру Влада из списка подконтрольных объектов, полагая, что такой ушлый и хитрый тип ни за что не сунется к себе домой.

— Тебе кофе с молоком? — крикнул он, но Мари не ответила, так как была в ванной, где с наслаждением стояла под горячим душем.

Зажав телефонную трубку между плечом и ухом и поглядывая на турку, Влад стал листать потрепанную телефонную книжку.

— Никита, доброе утро! — приветствовал он своего знакомого, сотрудника краеведческого музея. — Нет, просто немного приболел... Подскажи, пожалуйста, у кого может быть полная информация по музейным экспонатам?.. У Балашова? А это кто?.. Сейчас запишу... — Под рукой не оказалось карандаша, и Влад, намочив слюной спичку, стал писать ею на подоконнике. — Сергей Анатольевич... инвентаризация музейных фондов... Телефон диктуй!

Кофе, естественно, убежало. Пришлось на минуту отложить телефон и заняться залитой конфоркой.

Мари вышла из ванной, заправляя футболку в джинсы, на мокрую голову она повязала полотенце.

— Влад, ты на дно ванны положил отвертку. Я не заметила ее и чуть не поранила ногу!

— Отвертку? Какую отвертку? — не понимая, о чем она говорит, переспросил Влад. — Послушай, Мари, мне надо срочно позвонить одному кандидату наук, который проводил инвентаризацию музейных фондов. Помогите, пожалуйста, нарезать бутерброды!

Мари охотно взялась за дело, не преминув повязать себе кухонный фартук, а Влад снова занялся телефоном.

— Алло! Этот отдел культуры? Мне, пожалуйста, Балашова Сергея Анатольевича... Ах, он в командировке. И далеко?.. В Судаке? А как с ним можно связаться?.. Да, записываю!

Телефон в Судаке был занят. После третьей попытки в трубке, наконец, раздались длинные гудки.

— Алло! Здравствуйте. Я хотел бы поговорить с Сергеем Анатольевичем.

Влад на всякий случай подготовил очередную спичку. Мари замерла с ножом в руке, выжидающе глядя на него. Вдруг спичка выпала из пальцев Влада, и он медленно опустил трубку. Его лицо посерело.

— Это уже слишком... — пробормотал он.

— Что, слишком?

— Час назад Балашов погиб, сорвался со скалы... Говорят, на Дозорную башню его сопровождала женщина в черном.

ГЛАВА 62

— Добрый день! Меня зовут Клаудиа Тоцци. Я искусствовед из Италии. — Мать Анисья старалась говорить с акцентом, и у нее, кажется, это неплохо получалось.

— Из самой Италии? Что вы говорите!

Женщина, открывшая дверь квартиры, с достоинством, словно это был скипетр, держала в ладони раковину рапана, в которую поминутно стряхивала пепел с папиросы. Темный брючный костюм, короткая стрижка и низкий хрипловатый голос делали ее похожей на мужчину.

— Кого только не повидала, но итальянцев в гостях у меня еще не было... Заходите!

Оставив дверь распахнутой настежь, хозяйка поплыла в комнату. Мать Анисья последовала за ней и прикрыла за собой дверь. Хозяйка остановилась посреди комнаты и весело улыбнулась, демонстрируя новый зубной протез.

— Извините, но пиццы у меня нет, а макароны дерьмовые. Могу предложить вам чай с сушками.

— Нет-нет, ничего не надо, — покрутила головой мать Анисья. — У меня к вам имеется... э-э-э... проблема... Извините, я не очень хорошо говорю по-русски.

— Вы говорите прекрасно! — заверила ее хозяйка. — Наши старшеклассники говорят значительно хуже. Присаживайтесь! Закуривайте, если курите. Свои я вам не предлагаю, они термоядерные.

— Как вы сказали? Термо...

— Да это шутка! — махнула рапаном хозяйка и глубоко затянулась.

— Шутка! Понимаю!

Женщины рассмеялись. Потом помолчали. Хозяйка с интересом рассматривала гостью и выдувала густой и обильный дым под потолок, а мать Анисья переводила взгляд с предмета на предмет, словно подбирала в уме нужные слова, чтобы грамотно и ясно выразить свою мысль.

— Я пишу научный труд.

— Так, — кивнула хозяйка и затолкала окурок поглубже в раковину.

— Изучаю жизнь последнего консула Солдаи Христофоро ди Негро.

— Замечательно!

— И у меня такая беда: сегодня днем я должна уехать, а ваш музей не работает.

— Да, сегодня выходной. А что вы хотели посмотреть в музее?

— «Апостольские кегли».

— «Кегли»? Да, они есть в нашей экспозиции. Но я вам скажу, это не самые интересные экспонаты. Что на эти «кегли» смотреть? Камни — они и есть камни. Куда большего внимания заслуживают алебарды, шпаги и стрелы. Все подлинное, все прекрасно сохранилось. Приходите завтра утром, я расскажу вам о том, как последние колонисты защищали крепость от турок...

— Я уезжаю сегодня, — напонила мать Анисья.

— Очень жаль. Тогда приезжайте в другой раз. А сегодня полюбуйтесь затмением. В крепости готовится настоящее шоу... Ой, Барсик, Барсик, миленький! Иди сюда, мордочка моя сладенькая! — Хозяйка подняла на руки большого рыжего кота и прижала его к груди. Это была защитная реакция, она хотела показать, что разговор о музее закончен, и теперь можно поболтать о животных.

— Мне нужно посетить музей сейчас, — настойчиво произнесла мать Анисья. — Другого раза не будет.

— Это невозможно, — с умилением разглядывая рыжую усатую мордочку, ответила хозяйка. — Музей на сигнализации, поставлен на контроль во вневедомственной охране... Да что ж это у нас такие глазки красивенькие! Да что ж это у нас такие усики пушистые!

Мать Анисья открыла сумочку и положила на стол сто евро.

— Вы что ж, деньги мне даете? — с притворным удивлением спросила хозяйка, скинула кота на пол и брезгливо стряхнула с себя шерсть. — А что за деньги такие? Евро? Не фальшивые? Вот до чего старуха дожила! Взятки берет! Это почему же только на старость такая радость привалила? Почему раньше никто не давал, а большей частью отбирали? — Она подошла к серванту, подняла крышку фарфорового чайника и с торжественным видом опустила туда купюру, словно бюллетень в урну для голосования. — Сейчас позвоню на охрану, попрошу, чтобы разрешили открыть. Скажу, что забыла паспорт, а мне срочно надо пенсию получить. Правильно? — И, заговорщицки подмигнув, принялась крутить диск телефона.

Он стоял на стремянке и обеими руками вываливал с полок книги и брошюры. Они с шелестом и грохотом падали на пол, источая залежалую архивную пыль. Оба неудержимо чихали.

— Ищи и откладывай в сторону «Археологические вестники»! — командовал сверху Влад. — У меня их немного. Штук двадцать. Или сорок... В каком-то из них был список руководителей археологических экспедиций в Судак. Мари, стоя на четвереньках, торопливо перебирала литературу.

— Влад, а не проще ли отыскать членов комиссии, которые вместе с Балашовым проводили инвентаризацию? — взмолилась она. Огромное количество исторической литературы напугало ее.

— Ты с ума сошла! — крикнул Влад. — Пока мы найдем все адреса, пока созвонимся, встретимся, пока соберем все отчеты и сведем их воедино — пройдет месяц! А у нас осталось три часа, Мари! Три часа!!!

Он прыгнул на пол, зарылся в кучу брошюр и после недолгих поисков извлек старый, обклеенный полосками бумаги журнал. Отряхнул его от пыли и стал листать.

— Вот этот список! — говорил он, водя пальцем по странице. — Тысяча девятьсот двадцать восьмой год — Фомин... Ты записывай, записывай, я же тебе диктую!

— Где записывать, Влад?! — едва не плача, спросила Мари.

— Да хоть на обоях! Дальше. Двадцать девятый год — Готье. Еще раз двадцать девятый — Скржинская. Тридцатый год — Протасов. Тридцать первый — Веймарн...

— Не так быстро, Влад!

— А теперь... — Влад откинул журнал в сторону и стал вытаскивать из завалов толстые книги в самодельном ледериновом переплете, — мы будем читать отчеты по каждой из этих пяти экспедиций и искать упоминание о мраморных камнях, по виду напоминающих куриные яйца. Потом выясним, в какой музей, институт, хранилище или какому частному коллекционеру эти находки были переданы.

— Это безумие, Влад, — хныкала Мари. — Так мы будем искать целый год!

— Размечталась! Нам дан всего час. Полтора, от силы...

— Здесь нет даже фотографий!

— Да, вот такое трудное время было у молодой советской республики, что в археологических экспедициях не было даже фотоаппаратов! А что, у тебя есть какой-то выбор? — Влад снова схватился за пухлый том отчетов, раскрыл оглавление. — Начнем с Протасова... Так, раскопки в районе «хра-

ма на консолях»... Портовая башня... Исследование западной части портового квартала крепости... Ах, зараза!

— Что? — воскликнула Мари.

— Все находки, обнаруженные экспедицией Протасова, были переданы на хранение в Государственный Исторический музей. Собирайся, летим в Москву!

— Ты издеваешься? — спросила Мари, не понимая, шутит Влад или говорит правду.

— Издеваюсь, — горько усмехнулся Влад. — Ладно, оставим Протасова на крайний случай, если ничего не найдем у других. Следующая — Скржинская. Она руководила раскопками «Полукруглой» башни. Отпадает! Эта башня была достроена уже после гибели Христофоро ди Негро. Вряд ли консул додумался бы хранить магические печати в недостроенном сооружении...

Они оба вздрогнули от пронзительного телефонного звонка. Мари первая подскочила к аппарату.

— Не трогай! — крикнул Влад, подошел к девушке и посмотрел на дисплей, где высветился неизвестный ему номер. — Я не знаю, кто это звонит. Может быть, милиция... Если вдруг позвонят в дверь, не вскакивай, как ошпаренная. Мы выберемся через балкон на пожарную лестницу, а по ней — на крышу.

— Мне страшно, — тихонько заскулила Мари.

— Нет времени бояться, милая, нет времени! Самое страшное случится, если мы опоздаем! Кто у нас следующий?

— Фомин, — со слезами в голосе произнесла Мари.

Влад пролистал страницы отчета Фомина, рывком вырвал их из подшивки и разделил пополам.

— Ищи в тексте слова: «овальные камни», «яйцо», «печать». По-русски они пишутся вот так... — Влад написал слова на полях печатными буквами.

— Я же не компьютер! — взмолилась Мари, но покорно принялась просматривать текст отчета. Ее палец, бегущий по строчкам, дрожал. Она всхлипывала. Стиснув в своей душе мучительное чувство жалости к девушке, Влад тоже принялся за работу. Несколько минут они не проронили ни слова.

В отчете Фомина никаких, даже самых призрачных упоминаний о мраморных камнях не было. Влад взялся просматривать итоги экспедиции Веймарна, а Мари — совсем тоненький отчет академика Готье.

Экспедиция Веймарна исследовала остатки водопроводов и небольшой цистерны-колодца, когда-то питавшей водой «храм на консолях». Сам храм представлял собой базилику, восточные апсиды которого опирались на каменные кронштейны. Римляне пользовались таким архитектурным приемом с незапамятных времен. «Храм на консолях», по оценкам специалистов, был самой древней постройкой на территории крепости, настолько древней, что даже в годы консульства Христофоро ди Негро он считался ветхим, аварий-

ным зданием. «Какой смысл хранить сокровище в храме, который в любую минуту может обрушиться?» — подумал Влад и отбросил отчет.

— Я нашла одно слово, — неуверенно произнесла Мари.

Уже почти без надежды Влад взял отчет Готье, глянул на слово, на которое указывал палец девушки, и остолбенел.

— Ну, что?

«Яйцо»! Она нашла в тексте слово «яйцо»!

— «...под храмом «Двенадцати апостолов», — слышим от волнения голосом читал Влад, — мы обнаружили еще одну кладку, под которой оказались черепки греческих амфор и другой элитной посуды, а также семь мраморных фигурок, формой и размером напоминающих куриные яйца. Одна сторона каждого камня частично стесана и выровнена, на этих площадках высечены рельефные контуры замкнутой линии, напоминающей изогнутую каплю. Внутри каждой «капли» помещены рельефные знаки и символы, причем на каждом камне — свои, отличные от других. Разгадать значение рисунков нам не удалось, ибо они не идентифицируются ни с известными науке древними шрифтами, ни с изображением людей, животных и других материальных объектов. По мнению ведущего специалиста экспедиции Александра Дорохина, эти знаки не несут никакой особо значимой смысловой информации, а являются, скорее, отличительным признаком игровых предметов, вроде маркировки игральных карт, и, с его легкой руки, названы «апостольскими кеглями»...» — Он вскочил на ноги, побледнев от волнения. — Это они, Мари! «Апостольские кегли»! Семь штук! Один из них несет на себе печать Символа Власти!

Влад стал лихорадочно листать отчет. Куда экспедиция передала найденные предметы старины? Вот приписка, сделанная чернилами, почти полностью выцветшими от времени: все находки экспедиции помещены на хранение в Археологический музей, созданный в доме Айвазовского в Феодосии. Ниже — штамп, датированный маем 1988 года: экспонаты переведены в феодосийский краеведческий музей.

— Собирайся! Мы едем в Феодосию!

— Ты уверен, что камни там?

— Да, в краеведческом музее.

— Римские музеи по понедельникам не работают. У вас разве по-другому?

— Ах, проклятье! — Влад от досады стукнул кулаком по стене. — Совсем забыл, что сегодня понедельник... Но отступить некуда! Я полезу в окно музея! Разберу крышу! Сделаю подкоп, если понадобится!

Мари сняла с головы полотенце, кое-как расправила влажные волосы.

— Влад, но «наследницу Христа» видели в Судаке.

— Меня не интересует, что она там делала. Я твердо знаю, что камень с Символом Власти находится в феодосийском краеведческом музее! Пото-

ропимся, Мари! Уже без пяти десять! До затмения осталось чуть больше двух часов! — Он решительно направился в прихожую. Мари, глядя на него, вдруг вскрикнула.

— Подожди... Что с тобой? У тебя вся спина в крови!

ГЛАВА 64

Продавец выставил паяльную лампу на прилавок и кое-как вытер тряпкой густо смазанный солидолом бачок.

— Умеете пользоваться? — спросил он.

— Нет, — призналась мать Анисья.

— Что ж вы, гражданочка, покупаете такую опасную вещь, а пользоваться не умеете? — покачал головой продавец и оперся о прилавок локтями. — Видели пожарные машины? Неужели? Весь поселок побежал смотреть, как в Уютном квартиру тушат. Тоже ведь по неосторожности. Заживо сгорела пожилая женщина, директор выставочного зала. А все почему? Потому что плохо обращалась с вентилем газового крана и курила в квартире.

— Какая жалость, — произнесла мать Анисья.

— Ну, раз вам жалко, то слушайте. Наливаете сюда неэтилированного бензина, только не до конца, а чуть больше половины, затем закачиваете воздух, поджигаете фитиль и разогреваете горелку. Минуты три будет достаточно. Затем аккуратно вращаете вентиль против часовой стрелки и регулируете силу пламени. Смотрите, не перекачайте воздуха, иначе разорвет ее, к едрене фене!

— Я постараюсь.

— В таком случае, шестьдесят гриваков в кассу! И будьте здоровы!

Не меняя позы, наваливаясь всем своим весом на витринное стекло, он смотрел, как женщина рассчитывается с кассиршей. За последнюю неделю она была единственной, кто купил в его магазине паяльную лампу. Народ, в основном, разбирали запасные светофильтры для маски сварщика, чтобы любоваться затмением солнца. Продавец зевнул, снял с прилавка темное прямоугольное стеклышко, вышел на улицу и, поднеся его к глазам, посмотрел на солнце, один край которого уже слегка подточила черная дуга.

ГЛАВА 65

— Это кровь Адриано, — сказал Влад.

— Нет, Влад, нет! Это свежая кровь! Снимай рубашку!

- У нас нет времени, Мари!
 — Тебе больно?
 — Нет, нет, нет! Прошу тебя, идем скорее!

Влад накинул куртку и собрался уже выйти, как вдруг остановился, круто развернулся и схватил телефон.

— Алло! Мне срочно нужен человек, который проводил инвентаризацию в Феодосийском краеведческом музее!

Женщина, ответившая на другом конце провода, даже задохнулась от такой наглости.

— А я вам кто — справочное бюро или мальчик на побегушках?! — с нарастающим гневом ответила она. — Что это вы таким тоном...

— Потому что время не терпит! — оборвал ее Влад. — Делайте то, что я вам сказал, только очень быстро!

— Ничего себе заявочки! А с кем я вообще разговариваю?

— Со следователем по особо важным делам следственного управления МВД Украины! Чем меньше вы будете задавать мне вопросов, чем быстрее найдете нужного мне человека, тем будет лучше и для вас, и для страны, и для всего человечества. Объяснять все детали я вам не могу. Я только уповаю на вашу интуицию, гражданскую сознательность и совесть!

Возникла недолгая пауза. Несчастливая женщина, перепуганная таким представлением, не сразу нашла, что ответить.

— Ну, так... что ж вы сразу не сказали... секундочку, я сейчас соображу... Вы же, наверное, в курсе, что Балашов сегодня трагически погиб в Судаке... Где-то у него на столе лежал список инспекторов... Одну секундочку... Ага, вот я его нашла... Вы говорите, Феодосийский краеведческий музей? Так, посмотрим... Фатьянов, Германчук — симферопольский, Стрибук, Шистеров — севавтопольский, Сидоренков, Ковалевский — керченский «Склеп Диметры»... Ага, вот! Феодосийский краеведческий — Крамаренко Виталий Всеволодович.

— Как мне с ним связаться?

— Я даю вам номер его телефона...

Через минуту Влад разговаривал с Виталием Всеволодовичем.

— «Апостольские кегли»? — громко жуя и чавкая, переспросил инспектор. — А их в музее нет.

— Как, нет?! Почему?!

— В данный момент они находятся в Судаке, в выставочном зале у главного входа в крепость...

Он еще что-то говорил, но Влад уже не слушал. Он кинул трубку и пулей вылетел в коридор.

— Феодосия отменяется! Мы едем в Судак! Нет, не едем! Даже не мчимся! Мы туда летим!

Мать Анисья, не спеша, шла по улице, напоминая сцену из некоего фантазмагорического спектакля. Тротуар был запружен людьми. Молодые, старые, парочки и одиночки неподвижно стояли в одной и той же статичной позе — высоко запрокинув головы, люди смотрели на солнце. Кто-то использовал для этой цели закопченную стекляшку, кто-то фильтр, кто-то сложенные вместе две, а то и три пары темных очков. От солнца остался узкий серп, который неумолимо сужался, и нечто черное, плоское с пугающей точностью продолжало свое движение по небу, наполняя на светящийся край...

Никто не обращал на мать Анисью внимания. Она обходила людей, стараясь никого не задеть, чтобы не мешать любоваться уникальным явлением природы.

Что-то неуловимо менялось вокруг. Стало прохладно, откуда-то потянулось ледяной ветерок. Мир застыл, затаился в ожидании чего-то величественного, неизданного, а потому страшного.

Мать Анисья отворила калитку, подошла к ступеням, отполированным до белизны, вставила тяжелый ключ в замочную скважину, провернула его. Тяжелая металлическая дверь, усеянная заклепками, со скрипом отворилась. Она зашла внутрь, мягко прикрыла дверь и задвинула тяжелый засов.

«Ну, вот и все!»

Несколько секунд мать Анисья неподвижно стояла, прислонившись спиной к двери и закрыв глаза. Потом поставила на пол пакет с паяльной лампой, сумочку и стала медленно обходить витрины с экспонатами, расставленные вдоль стен. Обломки античных скульптур, украшения из меди и серебра, античные предметы быта, монеты (наверняка муляжи), какие-то косточки, кусочки черепицы, пустые ножны без кинжалов, стрелы со стальными наконечниками...

Она остановилась у крайней витрины. На черном сукне были выложены семь овальных камней. Чтобы не перекатывались, каждый камень с обеих сторон зафиксирован булавкой. «Апостольские кегли. I век н.э. (?) Фигурки для старинной игры Чатуранга, предшественницы современных шахмат. Принадлежали последнему консулу Солдайти Христофоро ди Негро».

Мать Анисья медленно поднесла правую руку к лицу, разжала кулак, посмотрела на ладонь, покрытую слизью гноя и мацерации, и тихо засмеялась. Ее сдавленный голос эхом заметался под куполом зала.

Внезапно замолкнув, она с силой ударила кулаком по стеклу витрины. Раздался оглушительный звон стекла, и все вокруг стало стремительно темнеть.

ГЛАВА 67

Водитель белой «девятки», с бешеной скоростью мчавшейся по улицам Судака, включил фары и стал нервно постукивать по сигнальной кнопке.

— И чего они вывалили на проезжую часть?! Им что, тротуара мало?! — ругался он на людей, застывших повсюду со стеклышками в руках.

— Tempo, tempo! — умоляла Мари.

— Да я в темпе! Куда ж быстрее!

Вдруг Влад, молчавший последние минуты пути, сдавленно вскрикнул, обхватил руками лицо и стал заваливаться на Мари.

— Влад, что с тобой?!

Он терял сознание. Судорога свела его челюсть, не позволяя сказать ни слова, глаза закатывались под веки.

— Stop!! Stop!! — крикнула Мари водителю. — Влад, милый, не умирай!! Открой глаза! Скажи что-нибудь!

Она с ужасом смотрела на то, как стремительно пропитывается кровью его рубашка — на груди, воротнике и рукавах. Машина, заскрипев тормозами, остановилась у обочины.

— Его надо на свежий воздух! — сказал перепуганный водитель. Ему очень не хотелось везти пассажира в больницу. — Давайте вынесем его и положим на траву... — Он схватил Влада под мышки и выволок из машины.

— Влад! — плакала Мари. — Что с тобой происходит??

— Кошмар, — пробормотал водитель, торопливо садясь за руль и оттирая тряпкой руки. — Это все из-за затмения. Не люблю я эти природные явления. Хоть и понимаю механизм, все равно внутри будто черви шевелятся, и какая-то дурь в голову лезет...

Мари его не слышала. Припав к груди Влада, она тихо плакала и просила помощи у Бога.

ГЛАВА 68

Хитон сняли с одного плеча, пропустили его край под рукой и связали на груди узлом. По обнаженной спине стали стегать кожаной плетью. Если Влад падал, его поднимали и начинали бить снова. Руки его были связаны спереди, а конец веревки вплели в хвост ослицы. Ослицу не стегали, лишь ласково хлопали по крупу, заставляя бежать резвее. «Я не могу, я не должен чувствовать боль!» — думал Влад, но при каждом ударе плетью с трудом подавлял крик, стискивал зубы, кусал до крови губы.

Ослица уставала, ей давали передохнуть, а Влада в это время кидали на землю и били палкой по пяткам. Бесконечная толпа обложила дорогу в Иерусалим.

Люди стояли на обочине, кричали, кидали во Влада камнями и норовили уколоть его под ребра остро заточенными кольями. Все повторялось — те же узкие улочки, храм, резиденция наместника, но нынешняя круговерть была залита кровью... Сколько людей! Сколько ненавидящих взглядов! Господи, где же ты?!

Христос где-то рядом... совсем рядом...

Удар хлыстом.

— Встать!! Вперед!!

Он с трудом поднялся на ноги. Брусчатка, липкая и скользкая от его крови, качалась под ним. Толпа выла, редела и колыхалась, словно штормящий океан.

— На кого ты поднял руку?!

— Ты поставил себя выше Господа!

— Убейте его! Убейте его сейчас!!

Солдаты из последних сил сдерживали напор толпы, упираясь в злобную массу щитами. Кому-то из легионеров пришлось схватиться за меч.

«Почему мне больно? Это ведь сон! Все это нереально! Этого нет, нет!!»

Его спина горела огнем. Казалось, что с каждым ударом плеткой ему на спину выплескивают ведро кипятка. Кто-то из толпы кинул ему под ноги ворох сухих терновых веток, и Влад прошел по ним босыми ногами. Он закричал и заплакал от боли, когда крепкие длинные шипы глубоко вошли в его ступни. Толпа восторженно заулюлюкала.

— Залейте ему в горло расплавленное железо! — доносился со стороны вопль. — Он очень громко стонет!

— Отдайте его нам!

Уже и ослица выдохлась ковылять по шумной узкой улочке в гору, и тогда солдаты отпустили изнемогшее животное и с удвоенной силой стали стегать Влада плетками. Когда кровавые брызги орошали толпу, та отвечала радостным воплем.

«Господи! — молился Влад. — Ты же не можешь спокойно созерцать это! Ты ведь тоже страдаешь вместе со мной, ибо все не так, как ты задумал!»

Дорога становилась все круче, и к самой вершине холма Влад поднимался только в сопровождении римлян. Беснующаяся толпа осталась внизу, но ее страшный рев доносился даже сюда. На каменистом склоне Влад упал.

Четверо солдат, расположившись рядом, с воодушевлением сколачивали крест, прибивали толстыми гвоздями с большими шляпками шероховатую поперечину. Они очень старались, движения их были точными, как у профессиональных плотников. Когда крест был готов, солдаты принялись прикручивать руки Влада к поперечине. Кто-то низко склонился над его лицом. Влад как сквозь туман увидел ровный крупный нос, водянистые глаза, мясистые коричневые губы и впалые щеки, прикрытые защитными пластинами шлема.

— Скажи что-нибудь, — произнес легионер. — Потом тебя уже никто не услышит.

Влад не без труда разомкнул склеенные вязкой кровью губы:

— Где я?

Легионер захохотал и сильным ударом молотка пробил ладонь Влада гвоздем.

— Ты здесь! Ты здесь!! Ты здесь!!! — орал он в неистовом безумии, и с каждым выкриком загонял гвоздь все глубже. Дважды промахнулся и попал Владу по пальцам.

На другом конце поперечины возникла веселая толкотня: солдаты спорили, кому из них забить второй гвоздь.

Ступни сложили крест-накрест и пробили их одним гвоздем. Под ноги приколотили щепку, чтобы Влад, стремясь в бездумной агонии ослабить боль в рвущихся ладонях и ступнях, встал на нее и тем самым продлил свою жизнь, а значит, и мучения. Эта нижняя поперечина, весьма остроумное дополнение к пыточной машине, тоже стала частью великого символа.

Рабы, пригнанные на холм для тяжелой работы, уже выкопали яму для креста и, накинув на его макушку веревочную петлю, стали поднимать крест. Влад на мгновение задохнулся от стремительного взлета к небу, а когда замер в зените под самым солнцем, то увидел под собой город с сеткой узких улиц, многообразием домов, с площадями, торговыми рядами, с толпами людишек. И даже римляне, отошедшие от креста на несколько шагов, чтобы полюбоваться своей работой, показали Владу с такой высоты маленькими и смешными игрушками. И весь мир теперь расстился под ним, и птицы парили под ним, и знойное марево дрожало, будто утренний туман над озером, и доносился снизу не меняющийся веками шум города. Влад посмотрел на свои руки, пробитые гвоздями, на свое тело, покрытое кровавыми подтеками, в котором ничего не осталось, кроме мук...

Холодный живительный дождь хлынул сверху, смывая слезы и кровь с креста и тела, гася боль, и потекли с холма быстрые реки, побежали по извилинам улиц, разнося частицы крови и страданий в каждый квартал, каждый дом и двор, и окутал город теплый пар. Пронизанный лучами солнца, он словно светился сам по себе, и взойшло на небе иллюзорное гало...

Тридцать лет спустя император Нерон направил в Иудею войска. Народ все еще ждал пришествия Мессии и защищал землю с невиданным упорством, свято веря в то, что божественная помощь вот-вот снизойдет. Но полководец Тит захватил Иерусалим, разрушил храм и сровнял город с землей. Те, кто не погиб, не умер от голода и болезней, были проданы в рабство. Священный город, превратившийся в руины, обезлюдел, и иудейский народ, некогда избранный для Божественного Откровения, на две тысячи лет лишился земли обетованной.

Понтий Пилат, выполняя обещание, данное заговорщику Луцию Элию Сеяну, отбыл в Рим, чтобы участвовать в свержении императора Тиберия. Но на полпути Пилат узнал о скоростижной кончине Тиберия и о восшествии на пре-

стол безумца Калигулы. Заговор против Тиберия угас, так и не вспыхнув. Понтий Пилат, еще недавно помышлявший о власти, вдруг почувствовал себя старым и бесконечно усталым. Он уединился в своей загородной вилле, замкнулся в себе и ограничил круг общения женой. Но даже ей, своему самому близкому человеку, он не рассказывал про Жезу и не показывал ей две похожие друг на друга печати, вырезанные из белого мрамора. Уединившись в своем таблинуме, он подолгу рассматривал камни, и один из них прикладывал к ладони, как если бы хотел проверить, насколько точно приложится второе полукружье к первому, выжженному на его руке еще в Иерусалиме. Несколько раз он был совсем близок к тому, чтобы приказать принести ему огонь, но в последний момент его что-то удерживало. В холодный зимний день, когда с моря дул промозглый сырой ветер, у Пилата помутилось сознание, и он, приказав привести полдюжины рабов, долго и жестоко хлестал их бичом, а затем, поставив всех на колени, точным уколом меча вскрыл каждому шейную артерию.

Несколько дней он метался в горячечном бреде, не узнавая жены. Благовония и ванна с настоем целебных трав с трудом вернули ему рассудок, но уже до конца жизни Пилат оставался мрачным и нелюдимым. Как-то он снова приказал привести к нему рабов. Несчастные, полагая, что хозяин намерен расправиться с ними, повалились на колени и стали умолять Пилата пощадить их. Но жестокой расправы не последовало. Пилат отдал рабам свои сокровенные печати и велел выточить из мрамора полсотни подобных, но, вместе с тем, чтобы ни один камень не был похож на другой.

Он смешал все камни и велел скинуть их в колодцы, надеясь, что никто и никогда не различит, где подлинники, переданные ему Жезу, а где подделки, вырезанные рабами, и никто и никогда не обретет эту страшную власть, от которой на земле столько слез и крови, столько горя и лишений. Сам же, порезав себе вены, тихо скончался в своем кубикеле, лежа на красной от крови простыне, так похожей на его иерусалимский плащ.

ГЛАВА 69

Женские слезы всегда рядом с мужской доблестью... Влад ощущал на своем лице горячие слезы Мари. Он приоткрыл глаза, с мучительным усилием забираясь в неприветливый, неуютный мир, наполненный приглушенным солнечным светом и запахом прелой травы.

Мари сидела рядом и шмыгала носом, словно была простужена. Длинная челка плавным изгибом закрывала часть ее лица, и Мари не убирала ее, стыдясь заплаканных, подпухших глаз. В одной руке она держала пузырек с прозрачной жидкостью, в другой — кусочек ватки. Смачивая его, девушка оттирала засохшую кровь с ладоней Влада.

— Нам надо идти, — произнесла она тихим голосом, совсем непохожим на тот, что был прежде. — До затмения осталось пятнадцать минут...

Влад сел и поднес руки к глазам. Раны на ладонях были совсем свежие, но не воспалились и почти не кровоточили. Он попробовал сжать кулаки. Боль была терпимой, а вот ходить было гораздо труднее. Чтобы не застонать от боли, он крепко стиснул зубы и зажмурил глаза. Мари взяла его под руку.

— Опирайся на меня... Еще немного... Мы почти у цели...

— Мари, я не могу понять... я ведь в этот раз... не принимал строфантин...

— Лекарство тут ни при чем, Влад! Это чудо, это Божий Промысел, ему угодно, чтобы мы обо всем узнали...

С какой необыкновенной четкостью запечатлелись в памяти Влада те последние мгновения, когда он с огромной высоты смотрел на Святой город! И отголоски страшной, пожирающей боли в руках отозвались в глубинах памяти и заставили его вздрогнуть и резко остановиться.

— Потерпи, милый! — попросила Мари. — Еще немножко... Уже видна крыша выставочного зала!

Влад перепрыгнул через калитку, на ступеньках едва не упал и обеими руками схватился за ручку.

Дверь выставочного зала не поддавалась. Влад вскинул лицо к чернеющему небу, закричал от отчаяния и боли, а потом принялся колотить в дверь руками и ногами.

— Влад, Влад! — пыталась успокоить его Мари и все гладила по спине.

Он оттолкнул ее руку, кинулся во дворик, заваленный каменными надгробьями со старого немецкого кладбища, запрыгнул на одно из них и посмотрел на черепичную крышу.

— Мари, бегом сюда! — крикнул он, подбирая с земли чугунный прут от кованой решетки. — Взбирайся мне на плечи! Хватайся за край крыши! Видишь, там немного просело? Попытайся разобрать черепицу!

Он протянул ей прут, затем обхватил ладонями ее ступни, отжал вверх, как штангу. Мари выбралась на крышу. Держась, чтобы не съехать вниз, она принялась расковыривала прутом черепицу. Владу на голову сыпались куски окаменевшей красной глины.

— Влад, я проделала дырку! Сюда можно забраться!

— Не вздумай! — крикнул он.

— Я уже наполовину пролезла!

— Мари, я убью тебя!! Лезь обратно!! Я тебя... Ты не представляешь, что я с тобой сделаю!!

Какая же она гадкая и непослушная вертихвостка!

Он увидел вкопанную в землю раму от панцирной койки — кто-то использовал ее в качестве фрагмента забора. Влад навалился на сетку, раскачивая

ее из стороны в сторону весом своего тела. Рама скрипела, сгибалась, но все еще сидела в земле крепко.

— Мари!!

Девушка не отвечала. Влад зарычал и кинулся на сетку с разбега. Металл заскрежетал о камни, и рама, наконец, рухнула на землю вместе с Владом.

— Мари, я убью тебя... — бормотал Влад, подтаскивая раму к стене. Поставил ее под углом, наступил ногой, оттолкнулся и ухватился за край крыши.

Мари на крыше не было. Кряхтя, до крови обдирая локти, Влад вылез на черепицу, ухватился за край проема и потянул свое измученное тело вверх.

«Мари, — бормотал он. — Мари...»

Несколькими ударами кулака он выбил еще несколько плиток, расширив лаз. Деревянные стропила в этом месте подгнили, и Владу не составило большого труда протиснуться между ними. Секунду он висел на руках в крошечной темноте, не видя ни пола, ни стен, лишь улавливая тягостный запах сырого помещения, затем разжал пальцы и упал на пол. Тотчас вскочил на ноги, покачнулся и оперся на колонну, стоящую на границе зала и апсиды.

— Ну, здравствуй, мой дорогой...

Влад обернулся на голос и в первое мгновение увидел Мари, скупо освещенную копотным пламенем паяльной лампы.

Девушка была совершенно неподвижна, и напоминала аляповатую католическую статую, раскрашенную скупыми и блеклыми красками. За ее спиной стояла мать Анисья и, обняв одной рукой Мари за шею, прижимала к ее горлу кусок стекла. По ложбинке между ключицами Мари медленно стекла капля крови.

— Еще один шаг, господин учитель, и я отрежу ей голову.

ГЛАВА 69

Паяльная лампа негромко рычала и шипела, освещая рваным пламенем стены и свод зала. Ключки дыма, взлетающие вверх, отбрасывали замысловатые гибкие тени, и казалось, что под сводом порхают летучие мыши.

— Послушайте, мать Анисья, — заговорил Влад, чувствуя, как от нечеловеческого напряжения у него начинает неметь спина. — Вы ведь не знаете, какой из семи камней привез из Иудеи Понтий Пилат, а я знаю. Предлагаю очень выгодную для вас сделку: вы отпускаете девушку, а я показываю вам камень.

Мать Анисья усмехнулась, ее рука чуть шевельнулась, и острый край стекла снова коснулся свежего пореза.

— Разве это выгодная сделка? Вы, оказывается, мошенник, господин учитель!

— Но разве вы держите Мари не для того, чтобы выпытать у меня тайну?

— Нет, не для того. Вы собственными руками вознесете меня на божественный трон, созерцая то, что не дано увидеть ни одному живущему на земле человеку.

— Вы хотите, чтобы я прижег вам ладонь?

— Совершенно верно.

— Хотите доверить мне такое ответственное дело? А не боитесь, что я ошибусь в выборе камня?

— Не боюсь, — зловеще рассмеялась мать Анисья. — Хоть я раньше и не видела второй половины Символа Власти, зато хорошо знаю, как выглядит камень, который несет этот Символ на себе.

У Влада похолодело внутри.

— Откуда вы это можете знать? — произнес он. Язык едва ворочался. Во рту пересохло.

— Дурачок! Это же так просто! На этом камне должны быть следы копыт... Стоять!!!

Влад невольно двинулся вперед, но тотчас остановился. Мари тихо простонала от боли. Кривой осколок стекла с неровным, расслоенным краем, рассек кожу девушки.

— Остановитесь, — пробормотал Влад. По его лицу струился холодный пот. — Пожалуйста, не мучьте ее. Вам ничего не мешает довершить свое дело, тем более, что вам известен камень.

— Влад, отбери у нее камень! — крикнула Мари. — Не обращай на меня внимания...

— Ваша подруга возражает. Она призывает вас к решительным действиям. Что ж вы стоите, господин учитель? Ничтожество! Богом никто не может стать просто так. Это особый выбор Провидения! Отметина, данная небесами!! И выбор пал на меня! Богом меня сделает вот это!! — Мать Анисья выкинула вперед руку и раскрыла свою отвратительную ладонь, на которой разлагалась половина Символа. — Это, и только это!! Понимаешь ли ты, ничтожество, о чем я тебе говорю?!

Владу было тяжело дышать. Он задыхался, горло полыхало огнем. Но он все же нашел в себе силы возразить:

— Вы ошибаетесь. Разве замысловатое клеймо, выжженное на теле, отменяет Бога, сошедшего на Землю? И это его привилегия? Нет, нет!! Умереть, мать Анисья! Умереть — вот его единственная привилегия. Умереть по-настоящему, в муках и унижении. Другого пути к сердцам людей у него нет, кроме как через крест. И нет другого отличительного знака, кроме следов от обыкновенных гвоздей!

Высокий нечеловеческий визг заметался в стенах зала. Мать Анисья истошно кричала, оскалив зубы. Стекло дрожало на горле девушки. Мари, кусывая губы, плакала.

— Довольно! — крикнула мать Анисья. — Время пришло! Я перережу девочке горло, если ты будешь медлить! Подойди к паяльной лампе!

Влад послушался. Он приблизился к лампе, извергающей удушливо чадающий огонь, и только сейчас увидел между ножек витрины расстеленное черное сукно, а на нем — выложенные ровным рядом семь камней. Ему хватило всего лишь одного взгляда, чтобы увидеть среди них тот самый.

Влад тотчас отвел глаза. Мать Анисья пристально следила за ним.

— Узнал? — спросила она. — Вижу, что узнал. Крайний справа, с закопченным бочком? Я права?

Его словно током ударило. Он стиснул зубы и зажмурил глаза. Она отгадала.

— Возьми его и поднеси к огню! — приказала мать Анисья.

— Не делай этого, — прошептала Мари.

Мать Анисья дернулась, шевельнула окровавленным осколком.

— Предупреди свою сучку, чтобы она замолчала!

— Влад, не делай этого! — громче крикнула Мари.

— Я вскрою ей артерию!! — взвыла мать Анисья. — Бери камень!!

Влад стал медленно нагибаться.

— Быстрее!! — взвизгнула мать Анисья.

И вдруг, то ли от боли, то ли умышленно, Мари дернула ногой и попала по лампе. Лампа подлетела, грохнулась рядом с камнями, из нее огненной струей выплеснулся бензин. Вмиг пропитавшись горючим, вспыхнуло черное сукно.

Мать Анисья лишь на секунду отвернула искаженное гневом лицо, но этой секунды Владу хватило, чтобы выбить стекло из ее руки. Осколок, ударившись о стену, разлетелся во все стороны стеклянными брызгами.

Мари, как показалось Владу, стала падать прямо на огонь, протянула руки в пламя, пнула ногой, и камни разлетелись по всему залу, черные и дымящиеся, как печеные картофелины, веер огня хлестнул по витринам, стульям, шторам.

— Мари!! — диким голосом закричал Влад, хватая девушку за руку и толкая к двери. — На выход!! Беги!!

Огонь прицепился к краю ее куртки. Мать Анисья, издавая странный булькающий вой, кинулась подбирать горячие камни. Бензин, выплескивающийся из лампы, огненным ручьем растекался по залу, и пламя, отрывая густой едкий дым, перекинулось уже на дальние витрины, оживленно облепило лаченые ножки и поползло к ящикам...

Мари, кашляя, давясь дымом, упала на колени посреди зала, и Влад, подхватив ее, поволок к выходу. Ему не удалось сразу открыть засов. Одной рукой это сделать было нелегко, и Влад уже обреченно подумал, что у него не хватит сил, что им суждено задохнуться в дыму или сгореть заживо, но последним отчаянным движением он отбил металлический запор, ударом ноги распахнул дверь и выбежал вместе с Мари из горящего здания.

Затмение кончилось. Луна отошла, отпустила солнце, и золотые лучи с прежней силой полились на Землю.

Мари сидела на корточках у моря. Слабые волны лениво выплескивались на берег, пузырились между облизанных камней. Девушка смачивала платок и прикладывала его к обожженному лбу Влада.

— Не больно?

Он не ответил, придирчиво рассматривая полоску лейкопластыря на ее шее.

— Мы с тобой легко отделались, — наконец заговорил Влад. — Но у тебя может остаться шрам от пореза. Ты будешь переживать по этому поводу? Женщины так любят холить свою шею.

— Значит, мне придется носить блузку с высоким воротником... Не держай головой... Ай-я-яй! У тебя еще один волдырь на скуле!

— Погоди, Мари... Я все еще чувствую небольшой дискомфорт.

Он отстранил ее руку с платком, подошел к воде и присел. Мари показалось, что Влад тщательно отмывает руки. Когда он выпрямился, она увидела на его ладони белый мраморный камень.

— Что это?! — ахнула она. — Тот самый?!

— Тот самый, — кивнул Влад. — Он сам закатился мне под ноги, когда я выдергивал тебя из огня. Пришлось подобрать... Сейчас мы поставим точку во всей этой долгой-предолгой истории... — Он оглянулся по сторонам, выбрал подходящий валун, положил на его макушку камень, а затем поднял с земли увесистый булыжник. — Мы поставим большую и жирную точку...

— Влад, погоди! — Лицо Мари было озабоченным. Она покусывала губы и как-то странно смотрела на камень. Влад замер с поднятым булыжником в руках. — Погоди, Влад... Это меняет дело... Я же не знала, что оно так обернется... — Она подтянула к себе ближе сумочку, раскрыла молнию, покопалась там недолго и вынула еще один камень, как две капли воды похожий на первый.

Булыжник свалился с ладони Влада и упал ему под ноги.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он, и лицо его вытянулось от изумления. — А это откуда?

— Из твоей квартиры, — ответила Мари.

— Что значит, из моей квартиры?

— Я воспользовалась отверткой, о которую чуть не поранила ногу в ванной, отвинтила два шурупчика на решетке вентиляции, отогнула ее, просунула туда руку и нашла камень. Его там спрятала мать Анисья, когда приходила к тебе с визитом.

— Но как ты об этом догадалась?! — воскликнул Влад, выхватывая камень из рук Мари и рассматривая его. — Боже мой! «Зеркальце Венеры»!

Тот самый, первый камень! Не может быть! Я не пойму, как ты догадалась, чумовая девчонка?!

— Когда ты рассказывал мне и Адриано о визите «наследников Христа», меня сразу насторожило то, как вела себя мать Анисья. И я заподозрила, что она спрятала камень у тебя. Верно подмечено: нет на свете более надежного места для сокровища, чем под носом у того, кто это сокровище хочет найти. «Наследники» готовили над тобой расправу, как и над Сидорским, и мать Анисья была уверена, что твои дни сочтены. Как тут не воспользоваться таким замечательным сейфом за вентиляционным лючком в ванной!

— Что ж, клад и второй камень на плаху! Сейчас я превращу их в крошку!

Мари неуверенным движением поднесла камень к валуну, задержалась на мгновение и вдруг... схватила оба камня и прижала их к груди.

— Влад, давай не будем торопиться. Давай хорошенько подумаем! Ты в самом деле уверен, что... Как бы это точнее сказать...

Влад понял.

— Может быть, я до конца и не верю, что выжженное этими камнями клеймо даст неограниченную власть. И все-таки, на всякий случай...

— Ну, погоди же! — произнесла, пряча кулаки с камнями за спину. — Давай оставим мистику в покое. Давай рассуждать трезво. Мы с тобой все-таки историки. И Адриано был историком, а он ни за что бы не согласился уничтожить камни. Ведь это уникальные предметы, дошедшие до нас из самых глубин древности. Это объекты глубочайших научных исследований. Это... это...

У нее не нашлось больше слов, и тогда она использовала последний аргумент: попятилась спиной к морю, зашла в воду по щиколотку и, остановившись в волнах, нахмурилась.

— Дай мне слово, что не уничтожишь камни!

— Хорошо, — согласился Влад. — Но с тем условием, что ты честно ответишь мне на один вопрос.

— На какой вопрос? — насторожилась Мари.

— Это ты была там... ну... ты знаешь, о чем я говорю... В общем, под крестом.

И с напряжением выдохнул — так нелегко дался ему этот вопрос.

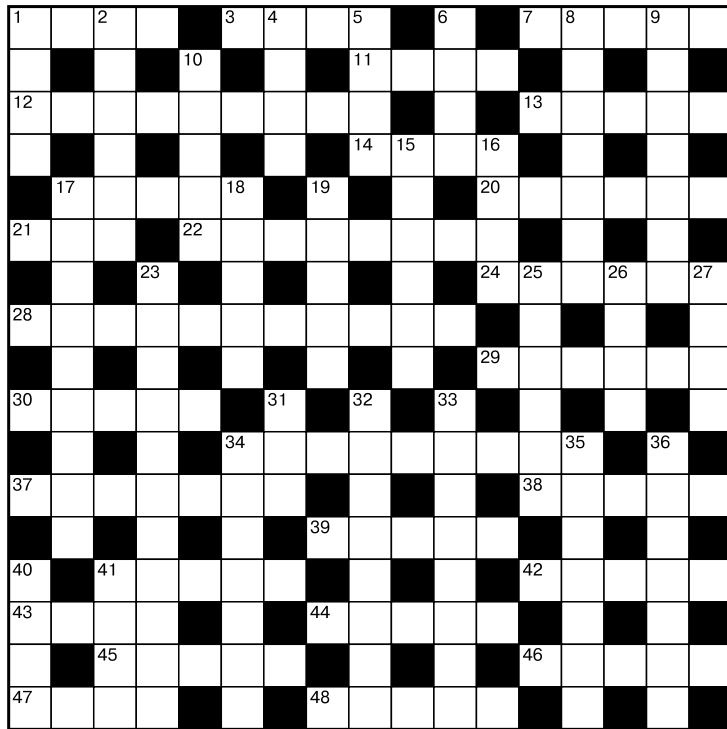
Мари смотрела на Влада взглядом полным любви и надежды.

— А это... это ты был на кресте?

Влад даже дышать перестал. Он стиснул зубы, стиснул кулаки, набрал полную грудь воздуха, но вместо ответа смог лишь кивнуть. Зайдя в воду прямо в кроссовках, он обнял Мари и крепко прижал ее к себе, покрывая ее лицо поцелуями.

Освобожденное солнце поливало землю благостным светом. Касаясь волн, он дробился на золотые брызги, и два человека купались в этом феерическом хороводе, который без натяжки можно было назвать счастьем и жизнью. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Что можно получить бесплатно в японских барах при землетрясении до трёх баллов? **3.** Что англичанин Джонатан Свифт назвал «беседой наихудшего сорта»? **7.** Чеховская мысль: «Деньги как ..., делают человека дураком!». **11.** «Загляни-ка ты в ... — тараканы там кишат». **12.** Первый офицерский чин в пехоте и кавалерии при Петре Великом. **13.** Весть о скорой премьерере. **14.** Самый не улыбочивый из мушкетёров. **17.** Покерная комбинация. **20.** Кто самый крупный в семействе камбалы? **21.** Русская

буква, отменённая советской властью. **22.** Великая битва из новеллы «Невозвратимое мгновение» Стефана Цвейга. **24.** «Постамент» для дамской «лодочки». **28.** «Между тучами и морем гордо реет ...». **29.** «Параллельный мир» мистиков. **30.** Десять баллов по «шкале Бофорта». **34.** Срок её жизни не более 150 лет, потом она трескается и рассыпается. **37.** Князь с купюры в две гривны. **38.** «А степная ... пахнет горечью, молодые ветра зелены». **39.** Какой цветок прежде клали под подушку избраннику, чтобы воспламенить поостывшие чувства?

41. Товар у заводчиков собак. **42.** Одним из «семи чудес Украины» названа Киево-Печёрская ... **43.** Кто не пройдёт проверку на полиграфе? **44.** «Визитная карточка» физического поля. **45.** Среди морских эмблем есть и такой знак — ... руки с тремя каплями крови. Принадлежит он ирландской компании «Хэйн энд соне». **46.** Наш гимнаст, чьё имя занесли в «Книгу рекордов Гиннеса». **47.** «И стихов моих белая ..., и очей моих синий пожар». **48.** «... в тебе самом. Препятствие к его достижению — в тебе же».

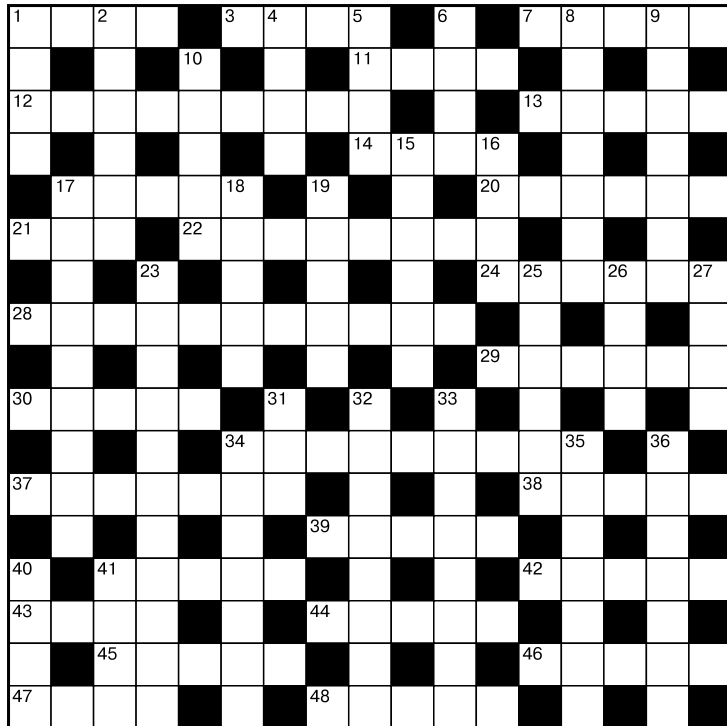
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Избранник конклава. **2.** «Опасна ..., когда с ней совесть в ссоре». **4.** «Это червь для жабы, жаба для змеи, змея для свиньи, свинья для человека, человек для червя». **5.** «Да не оскудеет ... дающего». **6.** «Желчегонная свинина». **8.** Ловелас с точностью до наоборот. **9.** Прыгун с австралийского герба. **10.** «Водные процедуры» для клумбы. **15.** Последний город для Игоря Северянина. **16.** Олимпийский чемпион, сочинивший книгу о воспитании детей. **17.** Устройство вещества. **18.** «Я пригласить хочу на ... вас, и только вас!». **19.** Кто купил самую дорогую книгу в мире «Лестерский кодекс» Леонардо да Винчи, «Трактат о воде земле и небесных делах», выполненный зеркальным шрифтом? **23.** Итог того, что не удалось со стрессом справиться. **25.** Любимая настойка французского поэта Поля Верлена. **26.** Какой титул у англичан передают от отца к сыну «из вежливости»? **27.** Если, оказавшись в Шотландии, вы захотите почувствовать себя настоящим горцем и возьмёте напрокат ..., не забудьте надеть под него нижнее бельё: хоть это и против традиции, но за его отсутствие берут солидный штраф! **31.** Кто обычно стоит рядом с евангелистом Марком на иконах? **32.** Профессия Шерлока Холмса, ушедшего на покой. **33.** Какое полотно слышит самым застрахованным в Лувре? **34.** Какое чувство заставляет принимать чужую боль близко к сердцу? **35.** Лук со спусковым крючком. **36.** «Сожрали с аппетитом ядовитый порошок четыре неразлучных таракана и ...». **40.** «... вопиющего в пустыне». **41.** Какая рыба частенько «делает свечу», чтобы соскочить с крючка?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Книга. **9.** Вуаль. **10.** Богомол. **11.** Галстук. **12.** Расплав. **13.** Бомба. **14.** Кипарис. **15.** Утконос. **18.** Закон. **19.** Севр. **21.** Гавот. **23.** Иван. **25.** Автостоп. **26.** Холод. **27.** Гном. **29.** Ирбис. **32.** Пекинес. **34.** Казнь. **36.** Ветер. **37.** Счастье. **38.** Вьюга. **39.** Треть. **40.** Станция. **41.** Броня. **42.** Отбор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Куранты. **2.** Клептоман. **4.** Нрав. **5.** Гостиная. **6.** Бок. **7.** Голос. **8.** Полба. **10.** Бумаготворчество. **11.** Газонокосильщик. **13.** Бит. **16.** Гейтс. **17.** Грипп. **20.** Бинго. **21.** Галоп. **22.** Комик. **24.** Конев. **28.** Мессинг. **30.** Сальери. **31.** Снегина. **33.** Секрет. **35.** Счёты.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Скотинины в гостях у Лариных. **3.** «Худо овцам там, где ... в пастухах». **7.** Вторая по популярности крупа в Японии. **11.** Регби по грузинским правилам. **12.** Духовое ружьё, из какого индейцы майя стреляли глиняными шариками. **13.** «По итогам общероссийского референдума, этиловый ... перевели в разряд биологически активных добавок». **14.** Какую магию в 1860 году Ватикан признал ветвью католичества? **17.** Перекати-поле для ботаника. **20.** Шестиглазый паук. **21.** «Отец

ядерной химии». **22.** Не только дождевой червяк, но и мокрица. **24.** Какой овощ помогал наращивать мускулы моряку Папаю из мультиков? **28.** Полотно Василия Перова с жертвой водной стихии и социальной несправедливости. **29.** Какой район Нью-Йорка поставляет наибольшее число бойцов для мафии? **30.** Самое «плодовитое» среди мужских имён. **34.** Кто изобрёл первую в мире рудничную лампу? **37.** Ледниковая эпоха. **38.** «Лучшие охотники на королевских кобр» среди народов Индии.

39. Стиль спортивного плавания, чья история насчитывает более 10 тысяч лет. **41.** «Бандана» фараонов. **42.** Кто расписал глафон в парижском Гранд-опера? **43.** «Царство теней» из Ветхого Завета. **44.** Хищница, чьё мясо в Омани считают деликатесом. **45.** Какой тренер открыл «эру бразильского владычества» на футбольных полях во всём мире? **46.** Какие штаны невозможно протереть на коленках? **47.** Кубический метр во Франции XVIII века. **48.** Итальянский остров с садами Тиберия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** В одном из французских музеев представлена коллекция оружия. Какой экспонат символизирует «самое смертоносное»? **2.** Какая актриса первой упомянута в завещании Чарльза Диккенса? **4.** Какой камень усиливает склонность своего хозяина к порочным развлечениям? **5.** Синяя полоса на хитоне младенца Иисуса. **6.** Что находит герой рассказа «Золотой жук» Эдгара По? **8.** Аборигены с острова Пасхи. **9.** Одна из номинаций в Дельфийских Играх. **10.** Армянская

арфа. **15.** «Галерея канцелярий» во Флоренции. **16.** Американец, заработавший миллионы на «беседах с Богом». **17.** Какой корнеплод режиссёр Джордж Лукас активно использовал для имитации астероидов во время съёмок своей знаменитой трилогии «Звёздные войны»? **18.** Кто в 1869 году открыл ДНК? **19.** «Каждый готов, если что, пойти на ..., но никто не хочет идти служит в армию». **23.** «Звонкоголосая собака» швейцарских пастухов. **25.** Эстрадная звезда, ставшая «окончательной любовью» в жизни голливудского ловеласа Джонни Деппа. **26.** «Город детства» Жюль Верна. **27.** «Лучший друг» тамады. **31.** Джинн из женщин. **32.** Кто богатеет на том, что выносит сор из чужой избы? **33.** Замок шекспировского Гамлета. **34.** Какой американский президент предложил своё решение теоремы Пифагора? **35.** Дворец, где с 1740 года жила французская королева Мария Лещинская. **36.** «Снежный человек» с Северного Кавказа. **40.** Аврора у индусов. **41.** Какой напиток в большом количестве затрудняет дамам возможность забеременеть?

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Спуск. **9.** Арайя. **10.** Лидийцы. **11.** Баланжа. **12.** Фартлек. **13.** Шедим. **14.** Фаустер. **15.** Камозэнс. **18.** Леший. **19.** Жвир. **21.** «Сейко». **23.** Стен. **25.** Зенитчик. **26.** Азарт. **27.** Рант. **29.** Херем. **32.** Аронакс. **34.** Цимес. **36.** Судья. **37.** Грогрон. **38.** Слама. **39.** Ртуть. **40.** Ясность. **41.** Ромео. **42.** Энсор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Троакар. **2.** Эйнтховен. **4.** Пчак. **5.** Скарабей. **6.** Сиа. **7.** Гишер. **8.** Ицзин. **10.** Лжесвидетельство. **11.** Безнаказанность. **13.** Шер. **16.** Свеча. **17.** Брюки. **20.** Ясырь. **21.** Сенна. **22.** Шипец. **24.** Крукс. **28.** Трагион. **30.** Миллион. **31.** Вермеер. **33.** Султан. **35.** Хруст.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту:

sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет 30101810800000000119							
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Подписка на журнал «Смена»</td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет 30101810800000000119							
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Подписка на журнал «Смена»</td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Уважаемые читатели!

С октября открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

